

Нгоньяма
желтооривый

Путешествия Триклучения Фантастика

ЭРНЕСТ ГЛЕНВИЛ

Нюньяма желтохвостый

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1959

ERNEST GLANVILLE
THE YELLOW-MANED LION

Перевод с английского и обработка

А. В. КРИВЦОВОЙ

Южная Африка — место действия увлекательной повести английского писателя Эрнеста Гленвилла. Главный ее герой, Нгоньяма, — лев; и день за днем, от раннего детства до гибели, проходит перед читателем жизнь столь необычного героя. Писатель рисует превосходные картинки африканской природы, жизнь животных, населяющих «черный континент», яркие сцены быта африканской деревни.

Художник В. В. ТРОФИМОВ

ГЛАВА I

Логовище в тростниковых зарослях. Детство

С самого раннего детства у Нгоньямы лапы были большие и толстые, а лоб собирался в морщины. Эти морщины, сходящиеся у переносицы, придают всем львам вид степенный и величавый.

Когда Нгоньяма и его сестра Булюбис научились ходить (а произошло это на втором месяце их жизни), им служило жилищем логовище в тростниковых зарослях. Тусклыми светло-голубыми глазами львята пристально следили за таинственными яркими пятнами на земле. Словно котят, они вытягивали свои большие лапы и пытались поймать ускользающий солнечный луч. Мягкая серовато-желтая шубка, испещренная темными пятнами, придавала им обоим сходство с плотными комками пестрого пуха.

Родились они за несколько километров от зарослей, среди нагроможденных одна на другую гранитных глыб. Сюда львица перетащила их — сначала одного, потом другого, — держа зубами за загривок.

Новое логовище казалось ей более удобным, так как

здесь поблизости она охотилась, и теперь ей не пришлось тащить издалека добычу своим детенышам.

Об этих первых днях своей жизни Нгоньяма не сохранил никаких воспоминаний. Но вскоре он начал обращать внимание на внешний мир. Сильное впечатление производили на него треск и шелест сухого тростника. Всегда здесь слышались шорохи. Когда легкий ветерок пробежал по зарослям, раздавался тихий шепот. Тростник громко потрескивал под обжигающими лучами солнца. И в тишину вползал шорох, словно к логовищу подкрадывались невидимые враги. Маленькие, круглые, мохнатые ушки Нгоньямы ловили каждый звук, и настороживалась даже сонная Булюбис.

Воздух был теплый, навевающий дремоту, и львенок теснее прижимался к своей сестре. «Ешь, спи и двигайся, ибо завтра ты будешь жить» — вот правило, которому бессознательно следуют все звереныши.

Пища дает силы, сон способствует росту, и движения придают телу гибкость.

Прошло с полгода, львята росли и крепли...

Вдалеке, у края зарослей раздался шорох. Быть может, это ветер зашелестел в тростнике, но львята тотчас же вскочили и, припадая к земле, стали кружить по утоптанной площадке; потом остановились бок о бок, всматриваясь и прислушиваясь. Снова шорох. И снова львята засуетились, вышли было на тропинку, проложенную львицей, но через секунду отступили и замерли, внимательные, настороженные.

До их слуха донеслось тихое нетерпеливое ворчание: львица сердилась, когда добыча, которую она тащила, цеплялась за тростник.

По узкой извилистой тропинке львица подошла к логовищу, высоко подняв морду и держа в пасти труп водяного козла*. Теперь звереныши не походили на беспомощных ласковых котят: рыча друг на друга, они жадно отрывали куски мяса, а их длинная, гибкая желтая мать, сощутив глаза, лежала у входа в логовище и хвостом отбивала такт. Когда львята утолили голод, она

* Водяной козел принадлежит к семейству водяных антилоп. Это красивое животное почти с оленя ростом. Живет небольшими стадами по берегам рек, в зарослях тростника.

обнюхала остатки пиршества и, глухо ворча, принялась за еду. Потом шершавым языком умыла детенышей. Тяжелой лапой придерживала она сначала Нгоньяму, потом Булюбис; а толстые пушистые лъвята жалобно выражали неудовольствие. Наконец семья отправилась на водопой к маленькому пруду. Шли они гуськом; напившись, все вернулись в логовище.

Спустилась ночь. Львица и два львенка впивались глазами в темноту. Сверкали их глаза, зеленые, круглые; уши ловили каждый звук — и голоса хищников, и крики преследуемой добычи. лягушки в пруду затаили песню, в странной симфонии звуков басовые ноты чередовались с дискантовыми. Сухая грудь земли вибрировала, отвечая на песнь охоты и погони. Громко трещал сверчок, глухо рычал лев, меланхолично гукала сова и стонал шакал.

В ночи бодрствовали живые существа, смелые, ловкие, решительные. Здесь не было места неприспособленным, ленивым. Каждый должен был защищать свою жизнь, а победу обеспечивали проворство, чуткий слух, острое обоняние.

Голоса ночи заглушались рыканием льва. Рычит он, когда почует дождь либо захочется ему услышать собственный голос. Рыканием призывает он подругу, бросает вызов врагу, дает знать о своем приближении или старается внушить страх. Но, выслеживая добычу, лев умеет не нарушать тишины; ступни его лап защищены подушечками — он ступает мягко, как кошка.

В шуршащем тростнике лъвята прислушивались к голосам ночи и учили азбуку зверя, запоминая отдельные звуки, приносившие весть о жизни в ночи.

Львица слушала и наблюдала. Вдруг она почувствовала что-то нарушившее ее спокойствие. Это была сырость дождя, донесшаяся издалека. Если пойдет дождь, в логовище будет сыро, а сильный ливень затопит долину, заросшую тростником.

Львица почувствовала сырость и, как бы желая проверить свои наблюдения, покинула логовище и остановилась у края зарослей. Слева донесся резкий, пронзительный крик, напоминающий крик оленя; можно было подумать, что неумелый музыкант играет на трубе. Затем раздался стук копыт: стадо гну* двигалось на восток,

* Гну — род африканских антилоп.

откуда повеяло дождем. В темном небе весело переключались дикие утки; они тоже держали путь на восток, а пение лягушек стало громким и радостным.

Львица вернулась к своим детенышам и увела их из логовища в тростниках. Они добрались до каменной гряды, и здесь она нашла убежище под выступом скалы, обращенным на запад.

Утром капли дождя забарабанили по сухой земле. Сотни ручейков с журчащим смехом устремились к взбаламученному красному потоку, сдавленному берегами, обожженными солнцем. И красный пенистый поток вышел из берегов, затопив тростниковые заросли. Больные, высохшие корни жадно впитывали влагу, а вода просачивалась все глубже и глубже, наполняя холодные подземные резервуары, откуда берут начало источники.

В продолжение тридцати шести часов лил дождь. К утру третьего дня серые, опаленные солнцем равнины зазеленели и расцвелись цветами розовыми и малиновыми, напоминающими здоровый румянец.

Лев вышел из теплой пещеры и зарычал, выражая полное свое удовольствие.

Равнины оделись зеленой травой, значит, у антилоп корма будет вдоволь, а жирная антилопа — легкая добыча. Вот почему лев снова зарычал. От сухой и раскаленной земли у льва потрескались ступни, а теперь он с облегчением ступал по влажной почве. Еще раз его рычание прорезало тишину. Потом он улегся, намереваясь вздремнуть, зевнул, широко разевая пасть, и вдруг увидел испуганную мордочку львенка, смотревшего на него снизу, из-за выступа скалы.

Львенок скрылся. Лев встал и направился к скале, но львенок спрятался за мать, а львица рычанием встретила посетителя. Быть может, лев был отцом ее детенышей, может быть, и нет; как бы то ни было, он дал понять, что согласен стать членом семьи.

После дождя много будет крупной дичи, а охотиться вдвоем и легче и веселее. Желая снискать расположение львицы, он тихонько зарычал, потом широко разинул пасть и оглушительно заревел. Когда снова спустилась тишина, лев величественно окинул взглядом зеленую равнину и тяжело опустился на землю.

Львица не обращала на него внимания, но хвост ее, украшенный на конце кисточкой, тихо ударял по земле.

В сущности она была очень довольна: нелегкое дело прокормить двух подрастающих детенышей, теперь забота о пропитании ляжет на двоих.

Зазеленели равнины, и крупная дичь потянулась на тучные пастбища. А за дичью следовали львы.

На третий день к каменной гряде приблизилась процессия: три льва, две львицы и два львенка, на несколько месяцев старше Нгоньямы и Булюбис. Они остановились на расстоянии ста шагов от каменных глыб и с презрительным спокойствием стали ждать дальнейших событий. Пришельцы соблюдали тишину и ждали, чтобы хозяин или хозяйка сделали первый шаг к знакомству. Если в их обществе нуждаются — отлично! Если нет — беда невелика. Но, вступая на новую территорию, они готовы были предложить владельцу этих мест охотиться вместе.

Лев-хозяин стоял на скале и вид имел величественный и высокомерный. Волнистая грива покрывала его плечи, голову он держал высоко и на пришельцев смотрел презрительно, словно могущественный барон, защищенный стенами неприступного замка. Убедившись, что никто не намерен оспаривать его власть, он медленно спустился в долину. За ним степенно выступала львица, а за ней следовали два львенка. Лев-вожак сделал несколько шагов им навстречу, затем без дальнейших церемоний повернулся и тронулся в путь; лев, спустившийся со скалы, пошел за ним по пятам, и процессия, состоявшая теперь из одиннадцати львов, гуськом отправилась в страну обетованную.

Шли они слегка раскачиваясь, опустив тяжелые головы, полузакрыв глаза. Казалось, на все окружающее львы не обращали ни малейшего внимания. Сейчас они не искали приключений, не думали об опасности, но круглые их уши ловили каждый звук, а в широкие ноздри вливались разнообразные запахи.

Вот как можно было расшифровать радиограмму, полученную их носами: запах цветов и травы — 50 процентов; запах теплой земли — 25 процентов; запах зебры, постепенно усиливающийся, — 5 процентов; слабый запах антилопы — 1½ процента; гну — 10 процентов; гиены и шакала — 5 процентов; легкий и неприятный запах человека; едва ощутимый запах буйвола.

Львы шли мерным шагом, покрывая около пяти километров в час. Шли до самого вечера. Путь их был изви-

листый, приходилось сворачивать в сторону, чтобы обойти муравейник или колючие кусты. Все держали себя высокомерно, с достоинством: не обнюхивали друг друга, не толкались, не рычали. Даже львята имели степенный вид. Нечасто случается полакомиться откормленными животными, и львы готовились к предстоящей охоте.

Так шли они, опустив головы, пока ветер не изменил направления и не подул с северо-востока. Тогда они остановились и повернулись в ту сторону, откуда дул ветер. Пожалуй, можно было расшифровать новую радиogramму: запах цветов, травы, земли — 75 процентов; запах антилопы — 10 процентов; газели — 10 процентов; льва — 5 процентов.

Очевидно, в той стороне охотилась другая группа львов. Что теперь делать? Продолжать ли путь на восток либо повернуть на юго-восток или северо-восток?

Львица, не имевшая детенышей, старая, худая и многоопытная вдова, решительно свернула налево, т. е. на запад. Остальные вопросительно посмотрели ей вслед, потом повернули морды навстречу ветру. Они колебались — колебались все, кроме львицы с молодыми львятами, которая пошла по стопам своей подруги. За ней последовал один из львов. Тогда и все остальные потянулись гуськом за ними.

Разногласий не было. Львица, отвоевавшая себе роль вожака, времени не теряла. Она ускорила шаги, так как не отличалась нравом мирным и невозмутимым. Теперь они покрывали около семи километров в час, и маленьким львятам приходилось бежать рысцой, а самый грузный лев начал отставать.

Когда ветер подул с востока, львица остановилась. На этот раз повеяло запахом мяса, живого теплого мяса! Стада находились где-то неподалеку и не чуяли приближения хищников. Львы припали к земле, жадно вдыхая воздух. Дичь, крупная дичь на пастбище!

Судя по запаху, можно было заключить, что стадо спокойно пасется на лугу, так как испуганные животные издают более резкий запах. На расстоянии километра отсюда виднелись деревья и кусты мимозы. За этой зеленой стеной и находилось стадо. Теперь нужно было выработать план охоты.

Каждый руководствовался личным опытом, но так как все прошли одну и ту же школу, то поведение каж-

дого отдельного льва соответствовало интересам всей компании.

Когда спустились сумерки, три львицы и львята повернули налево и, описав полукруг, спрятались в зарослях мимозы. Два молодых льва пошли направо, а двое постарше остались там, где они были, отделенные друг от друга сотней шагов. В течение двух томительных часов ничто не нарушало тишины, и маленькие львята дрожали от возбуждения. Вдруг справа раздалось оглушительное рыкание, а вслед за этим стук копыт. И снова тишина. Стадо антилоп остановилось, прислушалось. Рыкание раздалось ближе; зебры и антилопы обратились в бегство. Одни мчались к зарослям мимозы, где притаились львицы, другие повернули на юг, где в темноте их подстерегали два льва. Были и такие, которые решили идти навстречу опасности — в ту сторону, откуда донесся рев. Наиболее сообразительные — их было большинство — с места не двинулись и, следовательно, должны были уцелеть. На стороне охотников-львов был многовековой опыт, но и преследуемая добыча в течение многих веков обучалась искусству спасаться от врага. Вот почему антилопы могли жить и размножаться, а размножались они значительно быстрее, чем хищные звери. Так было до тех пор, пока не появился человек, вооруженный смертоносным оружием. Как вихрь, мчались антилопы. «Беги, пока ноги тебе служат, и если на пути твоём встает опасность, старайся ее миновать» — вот правило, которому они следовали. Как ухитрялись они не наткаться в темноте на деревья, обходить муравейники и кусты — разгадка этой тайны известна им одним.

Стадо гну встретило на своем пути молодого львенка. Львенку пришлось со всех ног кинуться в сторону, чтобы не погибнуть под копытами мчавшихся галопом животных. В испуге забился он в колючие кусты, откуда выбрался только утром, ободранный и окровавленный.

Тошую старую львицу едва не постигла та же участь. Она не пыталась остановить мчавшееся стадо; припав к земле возле купы деревьев, она наметила себе жирную самку гну и прыгнула ей на спину, но животное упало под тяжестью свалившегося на него груза. Не успела львица отскочить, как стадо налетело на нее. Дважды перевернулась она через голову, и только ловкий пры-

жок спас ей жизнь. Потом она вернулась к своей добыче, схватила животное за горло и утащила в безопасное место. И тотчас же подле нее очутились две другие львицы с тремя львятами.

Быстро набросились они на еду, с тихим ворчанием отрывая куски горячего мяса... Старая львица подняла окровавленную морду и посмотрела в ночь. Вдруг изда-лека донесся торжествующий рев: львы тоже поохотились удачно.

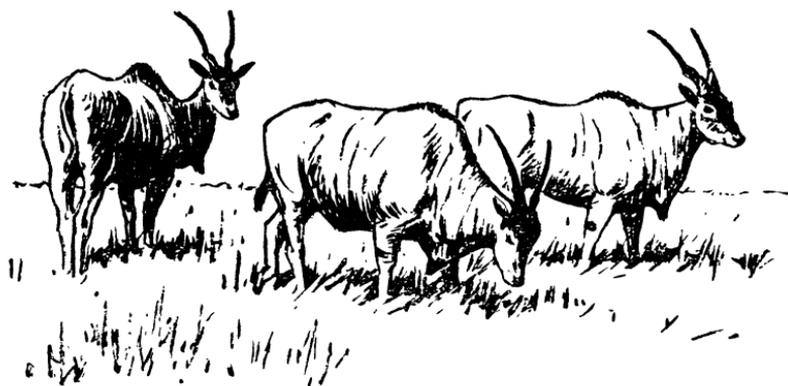
Львицы и львята поспешили доесть гну, а потом рысцой побежали посмотреть, что досталось львам. К ним присоединились и те два льва, которые во время охоты исполняли обязанности загонщиков. Вместе продолжали они путь и вскоре убедились, что львы-охотники загрызли большую жирную зебру. Львицы принялись за еду с таким аппетитом, словно не они, а кто-то другой съел только что молодую самку гну. Впрочем, зебры хватило на всех.

Поев, все прилегли отдохнуть, а потом пошли на водопой.

Так началась пиршественная пора. Львы пользовались тем, что дичи было много, а стада не хотели покидать тучные пастбища.

Два маленьких львенка — Нгоньяма и Булюбис — жили на крохотной лужайке, окруженной колючими кустами. Здесь росли они и набирались сил, но сообразительностью не отличались, так как их мать вела жизнь ленивую и праздную, очень мало времени уделяя воспитанию детенышей. Она их кормила, умывала, укладывала спать, не давала им уходить далеко от логовища, но обучением их не занималась. Все в свое время! Настанет засуха, стада покинут пастбища, и тогда львятам поневоле придется вести борьбу за существование.

ГЛАВА II

Воспитание. Люди охотятся. Трагедия

Антилопы и зебры питались свежей молодой травой, а львы питались антилопами и зебрами. Хотя мать пренебрегала воспитанием Нгоньямы, но дни и ночи не проходили для львенка бесследно: кое-чему он учился, кое-что запоминал и мало-помалу усваивал законы выслеживания добычи.

Львята пробирались в желтеющей траве навстречу ветру, потом останавливались и, припав к земле, следили за пасущимися животными. Рыжие антилопы, массивные и грузные, антилопы черные с белым животом, длинно-мордые газели, зебры, канны*, гну — все они приходили и уходили, ели и отдыхали, резвились и дремали. Казалось, никакой дисциплины они не соблюдали и об опасности не помышляли, но... в действительности дело обстояло не так. Никогда не забывали они выставить караульных, и если Нгоньяма, возбужденный видом до-

* Канны — род антилоп; их вес до 800 кг; они имеют плотное и коренастое туловище, короткую и толстую шею, большую голову с недлинными, слегка искривленными рогами.

бычи, высовывал из травы свою круглую голову, о присутствии его тотчас же узнавало все стадо.

Голову львенка замечали пасущиеся поблизости животные. Отойдя на несколько шагов, они ударяли копытом по земле, озирались, проявляли признаки беспокойства. Их волнением заражались другие животные. Перестав пастись, они пристально смотрели в ту сторону, где притаился львенок. И через секунду тревога передавалась всему стаду. Сотни глаз, устремленных на Нгоньяму, приводили львенка в смущение. И он и его сестра Булюбис начинали ежиться и озираться и наконец, как бы сконфуженно, уползали в логовище в кустах.

Казалось, антилопы чутьем угадывали, что львята явились сюда одни, без матери. Если Нгоньяма пытался не обращать внимания на обличающие взгляды, какая-нибудь злая старая антилопа или красноглазые молодые самцы медленно приближались к нему, мотали головой, раздували ноздри или острыми копытами рыли землю. Тогда и Нгоньяма и Булюбис в страхе убегали.

Вскоре львята научились различать породы животных по запаху, по топоту копыт, по крику самцов. Они знали, когда стадо идет на водопой, где и когда оно отдыхает, какой траве оказывает предпочтение. От их внимания не ускользали сотни мелочей, которые известны бушмену, но неведомы белым людям. Они заметили, что воловья птица садится на спину антилопы и охотится за клещами, а крик птиц свидетельствует о близости стада, расположившегося на отдых. Другие птицы своим криком возвещают о передвижении стада. Заслышав пронзительные голоса птиц и хлопанье крыльев, антилопы узнают о приближении хищника. Те же птицы и хищников предупреждают об опасности.

Львята никогда не смотрят на антилоп, как на слабых, беззащитных животных. Допусти они эту ошибку — и мало осталось бы на свете львят! Антилопы далеко не беззащитны. Есть среди них первоклассные бойцы, подобно японским самураям, вооруженные двумя мечами. Такой боец гордо несет свои страшные рога и считается опасным противником. Крепкая мускулистая шея помогает ему наносить сильные удары, а его четыре заостренных копыта являются незаменимым оружием. Не хуже вооружен и красноглазый гну с вогнутыми рогами, включенной бородой и косматой гривой. В бою

он не отступает и, словно палицей, наносит удары рогами. И огромная антилопа-канна с подгрудком, касающимся травы, может постоять за себя. Когда она во имя общего блага занимает сторожевой пост на холме, маленькому львенку не следует приближаться: канна не только прекрасно вооружена, но и отличается исключительной сообразительностью.

Завидев канну, охраняющую стадо, Нгоньяма сердито рычал. Но Булюбис презрительно фыркала и отворачивалась.

Львице не приходилось предупреждать детенышей, чтобы они остерегались змей. Они чувствовали инстинктивный страх к безногим тварям с холодными глазами. Однажды Нгоньяма выслеживал цесарок. Никакой определенной цели он не преследовал: просто-напросто стая цесарок весело перекликалась, охотилась в траве, неподалеку от того места, где притаился Нгоньяма. Тогда-то и появилось у него желание завладеть одной из них. Припав к земле, он пополз туда, где трава была гуще. Нижняя челюсть его дрожала, когда он следил глазами за непоседливыми птицами. Трижды готовился он к прыжку, но каждый раз намеченная им цесарка отбежала в сторону, и ему приходилось ползти дальше.

Вдруг из травы высунулась голова. Нгоньяма встретил взгляд холодных, словно мертвых, глаз и похолодел от страха. Мелькнул раздвоенный язык, тонкий и блестящий, и львенок смиренно распластался на земле, уступая место сильнейшему.

Неосторожная птица слишком близко подошла к опасному месту, и снова мелькнул раздвоенный черный язык. Цесарка забилась среди сухих листьев и веток, а холодные глаза смотрели на большую птицу. Потом раздался шорох, и из травы выползла трехметровая змея. Нгоньяма поспешил улизнуть. Он решил искать утешения у своей сестры. Но эта юная особа воспользовалась переполохом среди цесарок и завладела одной из птиц. Когда брат отыскал ее, она посмотрела на него невинными глазами, однако пестрые перышки, прилипшие к морде, выдавали ее с головой. Львенку не пришлось угоститься даже обедками.

Вскоре львица повела их обедать. Львы удачно охотились и ели до отвала, и чем больше накапливали они жиру, тем реже охотились и тем больше спали. Такое

положение дел могло продолжаться до тех пор, пока не высохнет трава и не уйдут стада. Но вскоре львы вынуждены были уступить место другим охотникам.

Давно — еще в первый день охоты — львы почували слабый, но едкий и неприятный запах человека. Настал день, когда этот запах усилился, преобладая над всеми остальными.

Старая львица, отдохнувшая и потолстевшая, неожиданно для всех улизнула. Бежала она против ветра, навстречу опасности, но в конце концов ухитрилась пройти незамеченной сквозь линию загонщиков.

Люди охотились — тысяча сильных, ловких воинов. Сто загонщиков стояли с подветренной стороны, и их резкий запах спугнул пасущихся животных; остальные девятьсот человек расположились полукругом с наветренной стороны, чтобы преградить путь убегающим стадам. Старая львица пошла туда, откуда доносился резкий запах: словно подсказал ей кто-то, что нужно идти навстречу опасности, если не хочешь попасть в западню.

Многие животные, хотя и встревоженные резким запахом, избрали то же направление и легко прорвались сквозь линию загонщиков, но большинство помчалось по ветру. Какую пыль подняли они, как дрожала земля от топота их копыт, как быстро паника передалась от стада к стаду! А загонщики, бежавшие сзади, кричали, свистели, ударяли палками в щиты. И вдруг в этот шум и грохот врезалось оглушительное рыкание львов, которым грозила опасность погибнуть под копытами обезумевших от ужаса животных. Спасая жизнь, львы мчались галопом впереди стада, сворачивали в сторону, прятались за деревьями, муравейниками, в кустах. Пыль забивалась им в ноздри и горло; они фыркали и кашляли, забыв на время о сохранении собственного достоинства.

Раздался крик — крик человека:

— Я в у м а!

Из девятисот глоток вырывался этот охотничий клич, и в воздухе замелькали ассегаи*. Нагие стройные люди со сверкающими глазами бросились навстречу стадам, катившимся лавиной. Животные метались,

* Так называются копья, которыми вооружены африканцы.

увертывались, кружили на одном месте, падали, пронзенные асегаями, но основная масса прорвалась и понеслась дальше. Через десять минут охота была окончена: оставалось только убить оставшихся животных.

Антилопы, зебры, канны, вырвавшись на свободу, описали широкий полукруг и остановились, втягивая носом воздух, еще отравленный запахом человека. Тогда помчались они дальше, несколько раз останавливались и снова бежали, пока запах не исчез. Здесь стадо делало привал, и животные стали щипать траву. Настороженные, испуганные, они долго не могли успокоиться, и не сразу жизнь вошла в свою колею. На следующий день стада покинули тучные пастбища и рассеялись по всей стране.

Между тем охотники подобрали добычу, юноши взвалили на плечи тяжелые туши убитых животных и гуськом поплелись к краалу*. Остальные обмывали свои раны или разводили костры, чтобы устроить пиршество. Отряд наиболее смелых и опытных охотников и загонщиков вернулся на пастбище, покинутое стадами. Они задумали убить льва и шкуру его преподнести вождю.

Нгоньяма, взъерошенный и испуганный, следил за охотниками. Львица и Булюбис лежали на земле подле него; трава была невысокая — казалось, шакал и тот не смог бы здесь спрятаться, однако львица оставалась невидимой. Задние лапы она поджала, передние вытянула и положила на них свою круглую морду. Все мускулы ее тела были напряжены: она приготовилась прыгнуть в случае, если охотники ее заметят. Хвост конвульсивно подергивался, пасть была полуоткрыта, изредка слышалось тихое рычание.

Но охотники наметили жертвой большого льва. Несколько раз высовывал он из травы огромную голову и этим себя выдал.

Охотники окружили то место, где он спрятался. В левой руке каждый держал щит, в правой — асегай. Распевая охотничью песню, стягивали они кольцо.

Сто шли на одного! Но каждый из этой сотни был тростинкой по сравнению с разъяренным львом. А лев,

* Селение. Иногда краалем называют в Африке дом с двором, обнесенным изгородью.

поставленный в безвыходное положение, не проявил ни малейших признаков трусости. Он рычал глухо и грозно, но в этом рычании слышалась жалоба. Он готов в случае необходимости вступить в бой, но если его оставят в покое, он согласен не нарушать мира. Он не спускал глаз с людей, стоявших прямо перед ним, но, прислушиваясь к шороху, знал, что его окружают со всех сторон. Враг подступал справа, слева, сзади.

Бауэна — индуна* — громко задал какой-то вопрос, и один из охотников указал ему на зверя, притаившегося в траве. Индуна сделал несколько шагов и, наклонившись, увидел в траве круглые уши льва. Потом сверкнули желтые глаза, Бауэна разглядел оскаленные зубы. Отстранив стоявшего рядом охотника, он стал раздражать лежащего льва. Левую руку со щитом он вытянул, потом, изогнувшись всем телом, прицелился и метнул короткую тяжелую дубинку. Лев прыгнул прямо на щит, вытянув передние лапы, вооруженные страшными когтями. Но человек, спокойный и настороженный, бросил щит и отскочил.

Заметались обнаженные человеческие фигуры, слышались крики и рев. Львиный хвост, словно палка, торчал из травы; разинув огромную пасть, лев перешел в наступление. Один охотник упал на спину, другой свалился ничком; чей-то щит взлетел на воздух, клубилась пыль, блестели на солнце потные нагие тела. Лев встал на задние лапы, передними рассекая воздух; потом покачнулся, и кровь хлынула из пасти. Протяжное рычание и... смерть.

— Явума!

Бауэна заглянул в лицо смерти: кожа на лбу у него была содрана, и кровь слепила ему глаза. Он вытер ее, потом, отрезав у льва усы, поставил ногу на труп убитого зверя и пронзительно закричал.

Охотники, опьяненные победой, кричали, пели, приплясывали, гордясь полученными ранами. В честь свою они сложили победную песню.

Лев — «великий лев» — был убит, убит в рукопашном бою. Велика ли беда, что один охотник растерзан, второй умирает, у третьего сломана нога, и многие искалечены и окровавлены?

* Помощник вождя, стоящий во главе отряда.

Они съели сердце льва, взяли шкуру и уши, распевая песни, а львица подняла голову и долго смотрела им вслед. Когда они скрылись, она встала и направилась к старому своему логовищу в зарослях тростника. Лвьята следовали за ней по пятам.

Да, когда человек охотится, лев постыдно убегает или терпит поражение. Нгоньяма был свидетелем трагической гибели льва, и эта сцена запечатлелась в его мозгу. Отныне запах человека будет обращать его в бегство.

Возвращаясь в старое логовище, львица напала на след антилопы, раненной во время облавы. Тотчас проснулся в ней инстинкт охотника и стерлись воспоминания о недавних страшных событиях. Она понюхала кровавый след и рысцой побежала вперед. Пробежав шагов двести, львица остановилась и, припав к земле, стала красться к ближайшим кустам. Здесь она увидела лежащую антилопу и, приготовившись к прыжку, невольно зарычала. Раненое животное повернуло голову и увидело врага, но у него не было сил подняться. Антилопа встретила смерть мужественно и в последний раз угрожающе замотала головой, увенчанной рогами.

Через час после гибели льва львица со своими детенышами лакомилась мясом антилопы.

К вечеру следующего дня они вернулись к старому логовищу, но в заросли далеко не углублялись, так как после недавних дождей там образовалось болото. Заросли изменились неузнаваемо. Раньше тростник был сухим и желтым; теперь он зазеленел и разукрасился перистыми кисточками. Здесь поселились разнообразные мелкие птички-ткачики — желтые, красноголовые и черные с золотистыми пятнышками на спине. У самцов было яркое оперение, а подруги их одевались скромно. Самки хлопотали около гнезд, а самцы развлекались пением. Ткачик не прочь увильнуть от работы. При постройке гнезда он разыгрывает роль архитектора, предоставляя своей жене собирать материал и вить гнездо, которое имеет форму бутылки. При этом он щебечет без умолку.

Да, теперь тростниковые заросли были густо населены. Ткачики воспитывали птенцов и практиковались в пении, стрижи и стрекозы охотились за комарами, журавли отыскивали лягушек.

Львица и лвята рады были вернуться домой. Правда, никто их не приветствовал. Ткачки притихли и внимательно следили за тремя желтыми телами, скользнувшими в заросли. Журавли забыли о лягушках и смотрели на всколыхнувшийся тростник. Когда тростник перестал шуршать, снова раздалось щебетание птиц, а журавли вернулись к мутным, тинистым лужам. Львица и лвята, сощутив глаза, расположились на отдых.

ГЛАВА III

*Нгоньяма подрастает. Зеленые просеки. Западня.
Буйвол*

Очень немногие животные осмеливаются оспаривать у льва право на первенство. Слон и носорог, а из пресмыкающихся — крокодил могут одержать победу над львом; все остальные — не исключая и буйвола — уступают первое место льву. Так было в течение многих столетий, и неудивительно, что за это время лев успел приобрести величественную осанку и как бы проникнуться сознанием собственного достоинства. Очень характерна поза отдыхающего льва: передние лапы его вытянуты, массивная голова высоко поднята, спокойно и невозмутимо взирает он на мир. И это спокойствие изменяет ему только в тех случаях, когда на его пути появляется человек с ружьем.

Вражда между львом и человеком тянется с незапамятных времен. На древних скульптурах запечатлены различные моменты охоты на льва, а львиная шкура и когти, завоеванные в честном бою, всегда признавались почетными трофеями. В те далекие времена лев встречался с человеком как равный с равным, и не было

перевеса на стороне человека, вооруженного копьем и луком. Но с появлением ружей человек стал сильнее-шим противником, и тогда льву начали изменять самоуверенность его и спокойствие. Вот почему многие охотники непочтительно называют льва «трусливой тварью».

Впрочем, все зависит от темперамента. Львы предпочитают уступать дорогу человеку, но одни убегают, проявляя все признаки страха, а другие уходят не спеша и словно нехотя. Однако ни один лев, загнанный в тупик, не откажется от поединка с врагом. Если в течение следующего столетия львы не исчезнут с лица земли, то несомненно характер их и привычки значительно изменятся.

Конечно, Нгоньяма понятия не имел о своих предках, которые сражались с ассирийцами, карфагенянами, египтянами, арабами и воинственными племенами чернокожих, но в его жилах текла кровь отважных бойцов, и от них он унаследовал свои привычки и инстинкты. Сейчас он был почти такого же роста, как и его мать, но тело его еще не отличалось гибкостью, а мускулы были недостаточно развиты. Его желтоватая шкура стала темнеть, а на шее и на плечах появились жесткие волосы — зачатки будущей гривы. Настало время, когда он должен был самостоятельно охотиться и пригонять крупную дичь к матери и Булюбис. Ему шел уже третий год.

Иногда он делал промахи и спугивал дичь. Не желая возвращаться к львице, которая в таких случаях не скупилась на увесистые шлепки, он уходил на прогулку и, забывая о своих обязанностях, пробовал голос — учился рычать. Однажды он забрел на широкую зеленую лужайку в лесу. Притаившись за кустом, он внимательно осмотрел ее, но никаких признаков дичи не заметил. В несколько прыжков Нгоньяма пересек лужайку и потерял головой о ствол дерева дикой сливы. Потом встал на задние лапы, а когти передних лап вонзил в кору. На высоте двух метров остался на стволе след его когтей. Для льва это был хороший рост. Оставив отметку на дереве, Нгоньяма взбороздил землю когтями задних лап, затем сделал прыжок, нанес страшный удар воображаемому врагу и, завив хвостом, степенно зашагал по тропинке, проложенной зверьми и уводящей в прохладный сумрак леса.

Втягивая носом воздух, он решил, что только одно животное проходило здесь недавно: это была дикая свинья. Нельзя ли ее выследить и застигнуть врасплох? Низко опустив голову, он стал красться по тропе. Скользил он бесшумно, словно тень, но шагов через двадцать остановился. Здесь свинья неожиданно свернула с тропы и скрылась в кустах. Это было досадно. По тропинке лев может скользит бесшумно, но в зарослях треск сухого валежника возвестит о его приближении. Поэтому Нгоньяма отказался от охоты и величественно зашагал дальше. Вдруг он остановился и ошетинился, почуяв слабый запах человека. Он оглянулся, нерешительно сделал еще шаг, и в эту секунду что-то пронеслось над его головой. Он успел отскочить, припал к земле, оскалил зубы.

Но нигде не видно было врага. Нгоньяма заметил только бревно, лежащее поперек тропинки. Раньше этого бревна здесь не было.

Сверху послышалось фырканье. Он поднял голову и увидел на дереве дикую кошку. Кошка посмотрела на него и отвернулась с самым равнодушным видом. Молодой лев бил хвостом по земле и рычал. Кошка еще раз взглянула на него, потом уселась и стала умываться.

Нгоньяма переводил взгляд с кошки на бревно, с бревна на кошку. А кошка лизала согнутую лапку и изредка поднимала мордочку, но казалось, что смотрит она не на льва, а сквозь него. Наконец Нгоньяма решительно подошел к бревну. Но бревно было как бревно, хотя и издавало отвратительный запах человека. К нему была привязана веревка, другой конец которой терялся в ветвях дерева.

Нгоньяма ничего не понимал. Упади на него это бревно — он был бы убит на месте. Дело в том, что он наткнулся на западно, предназначенную человеком для буйвола. Чувствуя, что ему грозит какая-то неведомая опасность, лев встревожился и повернул назад. За его спиной снова раздалось насмешливое фырканье, но он даже не оглянулся на кошку.

Рыча от злобы и смущения, он в несколько прыжков добрался до зеленой лужайки. Ему следовало притаиться в кустах и сначала осмотреть лужайку, но он этого не сделал, и поэтому на его долю выпало еще одно приключение.

Случилось так, что эту лужайку облюбовал одинокий буйвол. Сюда явился он пастись, и запах льва сильно его раздражил. Он замотал головой, фыркнул и стал ждать, злобно сверкая глазами и почти касаясь мордой земли. Не потрудившись обойти куст, он бросился напролом, унося на рогах зеленую ветку.

Нгоньяма был застигнут врасплох. О бегстве нечего было и думать. Он кинулся на круп буйвола, но не удержался и соскользнул, а буйвол нанес ему удар в бок. Рассвирепев, Нгоньяма с широко разинутой пастью двинулся на врага, но тот одним ударом отбросил его в сторону. Это было уже слишком! Лев прыгнул снова; передние его лапы опустились на плечи буйвола, когти задних лап вонзились в живот. Нгоньяма справился бы со своим врагом, если бы ему удалось вонзить клыки в толстую шею животного, но буйвол не зевал, и через секунду лев, оглушенный страшным ударом, лежал на земле. Чтобы сбросить со спины льва, буйвол с разбегу налетел на дерево и затем скрылся в лесу.

Нгоньяма с трудом поднялся и облизал лапы. Вкус крови ему понравился, это была кровь врага, и он сразу почувствовал прилив сил. Рысцей побежал он домой, к своей семье.

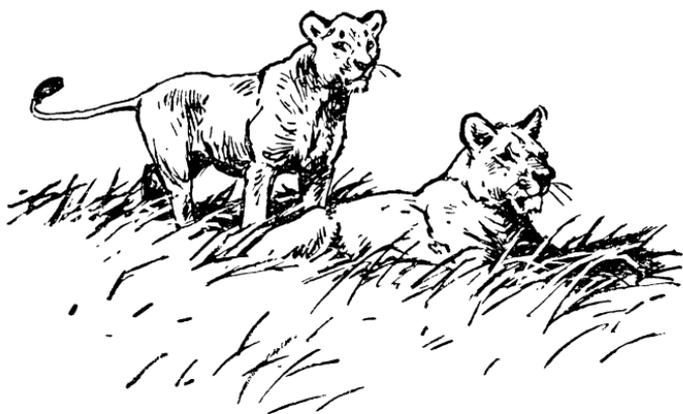
Почувяв запах буйвола, львица долго обнюхивала львенка. К сожалению, Нгоньяма не мог рассказать о поединке, но львица сразу поняла, что добыча от него ускользнула. Если бы ему удалось загрызть буйвола, он пригласил бы на пир и мать и сестру.

— Пфф...— зашипела она и больно ударила его по голове тяжелой лапой, а затем удалилась вместе с Булюбис.

От этого удара у Нгоньямы зашумело в ушах. Поджав хвост, он долго смотрел им вслед, а когда они скрылись из виду, побежал по следу и подоспел как раз вовремя, чтобы загрызть поднятую ими антилопу.

Он великодушно пригласил их на пир, а они поспешили явиться на его зов, но явились не одни: с ними пришел взрослый лев, которого Нгоньяма видел впервые.

Спустилась ночь. Львица лакомилась задней ногой антилопы, Булюбис принялась за мягкий живот, а лев-пришелец завладел вторым бедром. Нгоньяме, имев-

шему право на лучший кусок, достались жилистые плечи.

Такая несправедливость его возмутила. Мрачно посмотрел он на чужого льва, но тотчас же решил, что спорить с ним не имеет смысла. Тогда он оттеснил Булюбис и занял ее место. Но Булюбис обошла остатки антилопы кругом и оттеснила льва, который не счел возможным сопротивляться ей. Но к Нгоньяме лев никаких рыцарских чувств не питал и, ловко отпихнув его, стал терзать мягкий живот антилопы.

— Р-р-р-р...— зарычал Нгоньяма, принимаясь за жилистые плечи.

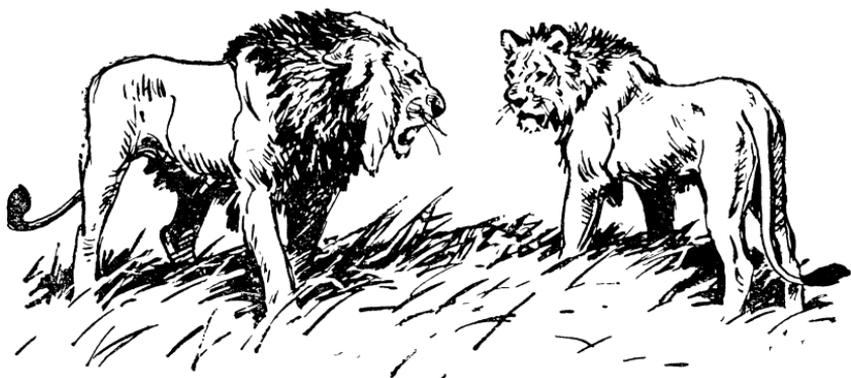
Лев поднял огромную голову и пристально посмотрел на него. Встретив этот холодный, недружелюбный взгляд, Нгоньяма смутился. Но он был очень голоден. Решительно оторвал он кусок мяса от туши.

— Р-р-р-р...— зарычал лев.

Нгоньяма посмотрел на львицу, но та не обращала на него ни малейшего внимания. Тогда он повернулся и ушел в темноту.

Рано утром, когда обе львицы и лев ушли на водопой, Нгоньяма вернулся к объеденной туше. Здесь уже пировали гиена и два шакала, которые жалобно захныкали и завывали, когда он завладел объедками.

После скудного завтрака Нгоньяма направился к ближайшему пруду. Он успокоился, готов был помириться со своей семьей и даже завязать дружбу со львом-пришельцем. Напившись, он пошел отыскивать

семью и нашел ее в тростниковых зарослях. Львица, Булюбис и лев еще не удалились на отдых; все трое играли, Булюбис резвилась и прыгала, как котенок, а лев внушительно ворчал. Нгоньяма весело подбежал к ним, намереваясь принять участие в невинных забавах, но лев сделал несколько шагов ему навстречу и преградил дорогу. Злобно рыча, пришелец перешел в наступление, и через несколько секунд Нгоньяма постыдно обратился в бегство. Засев в кусты, он стал зализывать раны, а где-то поблизости визжала и хныкала гиена, уже успевшая обглодать все кости антилопы.

Затем раздалось рыкание льва, и Нгоньяма, прихрамывая, поплелся дальше. Больше он не желал встречаться с этим пришельцем. Он порвал со своей семьей. Теперь он будет охотиться один и добывать пищу только для себя. Он отрастит гриву, разовьет голос и тогда, быть может, вернется и сведет счеты с пришельцем...

Молодой лев, остановившись на лугу, начал рычать первый раз в своей жизни. Его голос еще срывался и звучал хрипло, но все же это было рыкание — рыкание взрослого льва. Лев в тростниковых зарослях услышал вызов и зарычал.

Нгоньяма тронулся в путь. Он направлялся к той лужайке, где произошла накануне стычка с буйволом.

Дойдя до лужайки, Нгоньяма улегся в высокой траве и тотчас же заснул. Солнце высоко стояло на небе, когда он проснулся. Разбудили его веселые голоса

цесарок, отыскивавших в траве кузнечиков, червяков и жуков.

По-видимому, цесарки радовались и зеленой лужайке, и солнечному свету, и вкусной пище. Отыскивая корм, они перекликались, расправляли крылья, гонялись друг за другом, но ни на секунду их не покидала мысль об опасности, и то одна, то другая птица вытягивала длинную шею и высматривала врага.

И действительно, цесаркам угрожала опасность. Нгоньяма почуял острый запах дикой кошки, но у цесарок чувство обоняния было не развито; только острое зрение и чуткий слух предупреждали их об опасности. Не видя и не слыша притаившегося врага, птицы все ближе подходили к зарослям камыша в конце лужайки.

В камышах послышался легкий шорох, и Нгоньяма разглядел вздрагивающий хвост дикой кошки. Почему-то вид этого хвоста подействовал на него раздражающе. Смутно он вспоминал, что дикая кошка нанесла ему какое-то оскорбление.

Он не выдержал и зарычал. В ту же секунду цесарки скрылись в кустах, а кошка злобно посмотрела на льва: по его вине добыча ушла у нее из-под носа.

Вслед за цесарками он углубился в лес и пошел по знакомой тропе. Дойдя до того места, где накануне лежало бревно, он остановился.

На него нахлынули какие-то смутные, неприятные воспоминания: что-то здесь случилось, на этом самом месте, но что именно — он не помнил.

Он почуял запах человека и ошетинился. Да, человек имел какое-то отношение к его смутной тревоге... Человек и еще что-то... Да, живое бревно! Но сегодня бревна не было.

В ветвях деревьев раздался шорох. Быстро подняв голову, он увидел дикую кошку, увидел и бревно, висевшее над его головой. К концу бревна была привязана веревка, охватывавшая сук и спускавшаяся к краю тропинки. Здесь крючком она прикреплялась к вбитому в землю колышку. А крючок был привязан к палке, лежавшей поперек тропы.

Нгоньяма осторожно перешагнул через палку, поглядывая искоса на бревно и на кошку. Но ничего страшного не произошло, и лев самодовольно завилал

хвостом. Хвост коснулся крючка, и бревно с грохотом упало на тропу.

Снова Нгоньяма успел сделать прыжок, который спас ему жизнь. Когда он осмелился подойти к бревну и обнюхать его, ему ударил в нос резкий запах человека. С тех пор дикие кошки, бревна, цесарки и звериные тропы стали связываться в его представлении с человеком и чем-то страшным...

ГЛАВА IV

Махамба-следопыт. Дух предка и коза

— Хо! — Старый Махамба присел на корточки и костлявой рукой шлепнул себя по губам.

— Хо! — повторил он.

Об этом нужно было подумать. Два раза лев — один и тот же лев — испортил западню, расставленную для буйвола. Ведь не простая же это случайность? Э, нет! Такое нелепое объяснение Махамба презрительно отбросил. Тут что-то неладно. По-видимому, это было предостережение. В льва вселился дух одного из предков Махамбы... или же дух предка одного из врагов Махамбы... А быть может, в дело вмешался дух, защищающий буйвола, и с помощью льва испортил западню.

Все эти предположения Махамба обсудил внимательно и всесторонне, а затем по лесной тропе вышел на зеленую лужайку и обозрел местность. Лев оставил следы своих когтей на стволе дикой сливы. Следы когтей остались и на старом буйволе.

После стычки со львом буйвол пошел в одну сторону, а лев — в другую. Спустя некоторое время лев вернулся и вторично сдвинул крючок западни.

Лев был еще очень молод. Взрослый лев оставляет более глубокие отпечатки лап на сырой земле, да и лапы у него шире.

Молодой лев... Охотится один... И, однако, у него хватило смелости напасть на старого, одинокого и злого буйвола. По-видимому, дух, избравший молодого льва почетным своим жилищем, был духом великого воина. Обычно молодой лев никогда не решается напасть на старого буйвола.

Махамба остался очень доволен своими выводами. Он отбросил всякую мысль о духе, защищавшем буйвола, так как было совершенно очевидно, что лев сдвинул крючок не для того, чтобы спасти буйволу жизнь.

Теперь оставалось решить вопрос, кто же вселился в льва: дух предка, покровительствующий Махамбе, или злой дух, Махамбу ненавидящий? Если в льва вселился дух благожелательный, то прямая обязанность Махамбы относиться к нему с уважением; если же дух не расположен к Махамбе, то необходимо выследить льва и убить. При этой мысли чернокожий Махамба щелкнул пальцами. Он предпочитал иметь дело с миролюбивым львом, раз уже случилась такая беда, что лев появился в той местности, где охотился Махамба. Вот почему он старался убедить себя в том, что какой-то его предок заинтересовался Махамбой и вздумал осмотреть искусно расставленные западни.

О своих предках Махамба имел довольно смутное представление по рассказам матери и бабушки. Он вспомнил, что в дни его молодости бабка рассказывала ему о дальнем и давно умершем родственнике — вожде Мозелекаце. О, да, это был великий воин! Несомненно, дух его вселился в льва, чтобы милостиво осмотреть западню, расставленную смиренным его потомком Махамбой!

Придя к такому приятному и лестному выводу, Махамба решил отныне смотреть на эту звериную тропу, как на место священное. Если великий Мозелекац желает здесь прогуливаться, ну что ж! Он — Махамба — удалится и будет ставить западню где-нибудь в другом месте.

Взяв охотничий щит, ассегай и дубинку, Махамба отправился разыскивать льва, втайне надеясь оказать ему какую-нибудь услугу. Нгоньяму он нашел на лугу;

лев лежал в траве и крепко спал, а Махамба посмотрел на него и тихо удалился.

Вернулся он через час и принес козу. В сущности эта коза принадлежала не ему, а его приятелю и соседу Мафумло. Но Мафумло был богатым человеком, и Махамба предполагал, что он не обратит внимания на исчезновение козы — к тому же такой маленькой и тощей.

Сквозь сон Нгоньяма услышал какой-то подозрительный шорох. Он поднял голову и тотчас же вскочил: перед ним стоял человек, державший убитую козу.

Нгоньяма зарычал.

Человек бросил козу на траву и спрятался за дерево.

Нгоньяма видел, что человек робеет и дрожит; вот почему он снова злобно зарычал.

Человек влез на дерево, а Нгоньяма припал к земле. Ряд сложных представлений сменялся у него в мозгу: неожиданное появление человека, коза, пробуждение, острое чувство голода. Наконец голод одержал верх, человек как бы отступил на задний план, а все pomysлы льва сосредоточились на козе. Решительными шагами направился он прямо к козе, обнюхал ее и принялся за еду, громко мурлыча от удовольствия. О человеке он почти забыл, но когда коза была съедена, с дерева раздался голос:

— Нкоз! Великий!

Нгоньяма, выплевывая волосы козы, приставшие к языку, с удивлением поднял голову, посмотрел на дерево и несколько раз ударил хвостом по земле.

Таинственный голос продолжал:

— Будь милостив к слуге твоему Махамбе! Махамба живет в краале Уа Бакка у подножия высокой скалы. Мало коз у Махамбы, но у Мафумло большие стада!

Нгоньяме не понравился голос человека. Не понравились его маленькие, зоркие глазки. Нгоньяма встал и отправился на водопой. Один раз он оглянулся и посмотрел на человека, сидевшего на дереве. Такой странной охоте львица его не обучала, но на козу он смотрел, как на свою добычу, и был совершенно уверен в том, что отнял ее у жалкого существа, вскарабкавшегося на дерево.

Между тем Махамба был очень недоволен своим наблюдательным пунктом, так как дерево осаждали муравьи. Вдобавок он сомневался в том, правильно ли поступил, пожертвовав козой. Спустившись на землю, он поспешил домой, но и дома сомнения его не рассеялись, когда старшая жена ткнула его носом в пустой горшок.

Где мясо для голодных детей и жен? Нечего сказать, хороший он охотник! Старшей жене не приходилось лезть за словом в карман, в ее лексиконе было много ругательств, а Махамба не мог свалить вину на грозный дух воина Мозелекаца; не мог сослаться и на льва, помешавшего охоте. Поэтому он ударил свою супругу палкой по спине и приказал приготовить похлебку из маиса. Вечером, когда они ужинали, явился Мафумло. Горшок с похлебкой передали гостю, который молча уселся у костра.

— Это маисовая похлебка,— объявила старшая жена.— Стыдно мне, что я не могу угостить тебя мясом.

— От куска козлятины я бы не отказался,— проговорил Мафумло, поглядывая на горшок.

Он еще не потерял надежды напасть на след таинственно исчезнувшей козы.

— Хи! — крикнула старшая жена, а вторая жена презрительно фыркнула.— Козлятина! Да мы уже несколько дней не видели мяса!

Мафумло помешал палочкой в горшке и, отведав похлебку, убедился, что козьего мяса здесь и в помине нет.

— А я хотел принести тебе в подарок жирную козу,— обратился он к Махамбе,— но она пропала.

Он бросил зоркий взгляд на Махамбу, и обе жены тоже посмотрели на мужа, но у Махамбы вид был невозмутимо спокойный.

— Я, бедный человек, не отказался бы от жирной козы,— сказал он.— А жены у меня лентяйки и драчуны.

За этим последовало такое словоизвержение, что Мафумло рад был поскорей уйти, а Махамба предался мрачным размышлениям о предке, который избрал льва своим жилищем. Приказав женам принести трубку и табак, он задумчиво курил, пока из темноты не донеслось рычание охотящегося льва. Махамба насторожился и сразу повеселел.

— Разведите костер! — крикнул он.— Я принесу мясо водяного козла.

Он ушел в ночь, а жены его разложили костер и приготовили горшки. Они знали, что ни один человек не пойдет по своей воле блуждать в ночи, если его не побуждает к тому серьезная причина. Махамба вернулся под утро, шатаясь под тяжестью ноши: он притащил задние ноги водяного козла.

Жены засмеялись, захлопали в ладоши, начали приплясывать вокруг костра и затянули песню в честь великого охотника Махамбы, лучшего из мужей. На туше животного они заметили следы львиных когтей, но не стали расспрашивать Махамбу.

Съев кусок поджаренного мяса, Махамба сосредоточил внимание на мозговой кости и по собственному почину стал рассказывать. Ха! Он великий охотник, а теперь есть у него лев, который охотится для него, Махамбы! Разве они не слышали, как лев звал его на пир? А разве он, Махамба, не сказал, что принесет мясо водяного козла? Он расслышал, как заблеял козел, расслышал его предсмертный крик. Вот потому-то он и сказал, что принесет мясо водяного козла. И слово свое сдержал. Сейчас он держит в руке мозговую кость козла. А загрыз его лев, лев Махамбы! Съел он только мягкий живот, потому что был сыт — сыт, пообедав козой. Козой? Неужели Махамба сказал — козой? Нет, нет, не козой, а дикой свиньей, той самой свиньей, которая подала тыквы и маис. Лев закусил и заснул, оставив на долю великого охотника Махамбы задние ноги козла.

Так разглагольствовал Махамба, подстрекаемый восторженными возгласами своих жен, а утром прибежал

по горячему следу Мафумло, услышавший радостное пение женщин. Его угостили мясом водяного козла, но ни слова не сказали ему ни о льве, ни о козе. Мафумло узнал только о том, что великий охотник Махамба, не страшась злых духов ночи, отправился на охоту и убил водяного козла.

Мафумло был потрясен. Желая поддержать дружеские отношения с человеком, который не убоился чар ночи, он послал в подарок Махамбе тощую старую козу.

Старшая жена Махамбы возмутилась и хотела отослать козу обратно, но Махамба придерживался другой точки зрения.

— Женщина, молчи! — скомандовал он. — Уведи эту прекрасную жирную козу в загон.

Затем великий охотник завернулся в выкрашенное охрой одеяло и заснул сном праведника. Проснувшись после полудня, он умылся и пошел выслеживать льва. Отыскав спящего Нгоньяму, он вернулся за козой в крааль и понес льву свою дань.

Нгоньяма проснулся к вечеру и, как всегда в это время, почувствовал острый голод. С удовольствием вспомнил он об удачной ночной охоте и предстоящем пиршестве. Ночью он, Нгоньяма, загрыз водяного козла, выследив его у водопоя. Этого козла хватило бы на троих, но он пообедает один. Каково же было возмущение Нгоньямы, когда, явившись на место пиршества, он нашел только несколько костей да начисто обглоданный череп. Его добычей воспользовались гиены, шакалы, птицы и человек. Если бы Нгоньяма был наделен даром речи, наверное, он разразился бы ругательствами, но сейчас ему ничего не оставалось делать, как фыркать и ворчать, обзревая место, где несколько часов назад он загрыз водяного козла... Раздался треск. Нгоньяма оглянулся и увидел, что из-за колючих кустов выходит человек с козой.

Человек положил козу на землю и удалился.

Нгоньяма успокоился и перестал рычать. Медленно направился он к козе, считая ее законной своей добычей, но на полпути остановился, так как человек тоже остановился и начал издавать странные неприятные звуки, смущавшие льва.

А Махамба ораторствовал, обращаясь к духу Мозелекаца! Он предложил своему великому предку прекрас-

ную жирную козу, «лучшую из всего стада», и выражал надежду, что почтенный предок не забудет о Махамбе, когда дело дойдет до дележа добычи. Если великолепному льву угодно будет прислушаться к советам смиренного его слуги, то он, Махамба, рекомендует ему обратить внимание на зеленую лужайку, где растет одинокое дерево; каждое утро перед восходом солнца приходит к этому дереву буйвол и трется об него боком. А недостройный Махамба питает слабость к языку и мозговым костям буйвола.

Нгоньяма прервал эту речь протяжным рычанием, и Махамба поспешил убраться восвояси, правильно истолковав рычание как приказ удалиться. Но в крааль он вернулся в прекрасном настроении, так как факт оставался фактом: молодой лев, который одним движением лапы мог убить Махамбу, милостиво принял козу.

Махамба вспомнил об одном вожде, которого видел в дни своей юности. Этот вождь хвастался, будто лев охраняет его крааль и поставляет ему крупную дичь. К такой похвальбе Махамба относился с благоговением и некоторым недоверием, но сейчас он сам, смиренный Махамба, заключил союз со львом, в котором обитает дух великого Мозелекаца!

Махамба преисполнился гордости. Он представлял себе, как будет кормить льва козами из стада Мафумло, получая взамен крупную дичь, выслеженную львом. Он растолстеет и приобретет репутацию великого колдуна. Вожди будут обращаться к нему за советом, покупать у него волшебные зелья для лечения скота, а он, Махамба, возьмет себе еще одну жену... нет, не одну, а двух или трех... и с утра до вечера будет пить маисовое пиво.

В то время как Махамба строил воздушные замки, Нгоньяма без всякого аппетита доел козу и громко зарычал, как бы оплакивая таинственно исчезнувшего жирного водяного козла. Из темноты кто-то ответил ему противным хихиканьем. Лев высокомерно поднял голову. Его глаза, днем прищуренные и словно выцветшие, сейчас были широко раскрыты; эти огромные янтарного цвета диски излучали зеленоватый свет. Разглядев рыскавшую в кустах гиену, молодой лев пришел в ярость и с рычанием бросился за ней в погоню. Гонка продолжалась довольно долго; должно быть, они покрыли не меньше четырех километров. Наконец гиена выбилась

из сил, и Нгоньяма, умертвив ее одним ударом, предоставил муравьям угощаться лакомым блюдом.

Чета шакалов следила за погоней. Высунув язык и наострив уши, они глядели на льва. Потом один из них, вильнув хвостом, скрылся во мраке, а другой остался на своем посту. Когда Нгоньяма тронулся в путь, шакал смиренно последовал за ним. Лев услышал шорох и быстро оглянулся. Увидев жалобно заскулившего шакала, он успокоился и бесцельно побрел дальше, чувствуя себя одиноким и растерянным.

Вдруг справа послышалось протяжное завывание шакала, и второй шакал пронзительным голосом отозвался на вой. Через несколько минут вернулся шакал-разведчик: он выследил стадо антилоп, искавших нового пастбища. Шакалы заскулили, но Нгоньяма не обратил на них ни малейшего внимания. Они затрусили рядом с ним и снова захныкали, а когда Нгоньяма повернул голову, посмотрели на него с тревогой.

Нгоньяма остановился, не понимая, чего они хотят. Шакалы, поджав хвост, отбежали на несколько шагов и оглянулись, потом посмотрели вперед и наострили уши, втягивая носом воздух.

Наконец и Нгоньяма почуял запах антилопы и круто повернул. Шакалы, по-видимому очень довольные, бежали впереди.

Сначала лев шел медленно; когда же запах стал сильнее, лев пустился рысцей. Потом снова замедлил шаги, опасаясь спугнуть стадо. Припав к земле, он стал красться вперед, чтобы перерезать путь стаду, а шакалы рысью понеслись в противоположную сторону. Немного спустя раздался их злобный пронзительный лай, потом топот копыт испуганного стада и наконец рычание льва.

Махамба, сидевший у костра, услышал рычание.

— Утром у нас будет мясо,— сказал он своим женам.

— Мясо водяного козла? — смиренно спросила старшая жена.

— Нет, мясо антилопы,— ответил Махамба.— Антилопы переходят на новые пастбища. Да, мясо антилопы, но принесу я не меньше, чем в прошлый раз.

Махамба слышал не только рычание льва, но также и тьяканье шакалов. Он знал, что добычей нужно будет завладеть раньше, чем шакалы захватят свою долю.

Хотя он вышел из краая задолго до восхода солнца, но от антилопы остались только мозговые кости, шея, плечи и голова; все остальное было съедено львом и шакалами. Впрочем, и из этих объедков жены состряпали вкусное кушанье, но Махамба был недоволен. Покуривая свою трубку, он сердито качал головой.

Слишком много нахлебников оказалось у льва! Союз, заключенный Махамбой с львом и духом Мозелекаца, сулил большие барыши, но если придется делить добычу с шакалами, то он — Махамба — всегда будет получать жалкие объедки.

Махамба задумался о том, чьи предки не погнушались вселиться в шакалов. Ни один почтенный предок не избрет столь гнусного жилища. После долгих размышлений Махамба решил, что в шакалов вселились отец и мать Мафумло. Если это действительно так, нужно быть очень осторожным: шакалы могут пронюхать о том, кто уводит коз у Мафумло, и тогда они натравят великого льва на маленькое стадо самого Махамбы...

Лев смутно ощущал, что мускулы его становятся тверже, а походка увереннее. В бессмысленную погоню за гиеной он пустился только потому, что жизнь была в нем ключом. Скоро покинет он эти края и отправится в дальнее странствование.

ГЛАВА V

Чернокожие следопыты. Носорог. Люди у костра

Махамба был слишком маленького роста, чтобы стать воином, но как следопыт и охотник он не знал соперников. Не сила, а ловкость помогала ему завладеть добычей. Он умел расставлять силки для птиц, сделанные из жестких волос хвоста зебры, он делал маленькие ловушки-клетки для мелких зверьков и западни для молодых антилоп, он рыл ямы и устраивал западни для крупной дичи, а единственным его оружием был маленький топорик.

Методы Махамбы не походили на методы такого же талантливой охотника, молодого Нгоньяма. Нгоньяма, наделенный неистощимым терпением, чутким слухом и обонянием, полагался на свою силу, а Махамба, в совершенстве изучивший привычки диких зверей, надеялся только на свою ловкость и знание.

Нгоньяма охотился днем и ночью — обычно ночью, но для суеверного Махамбы ночь была населена призраками и злыми духами.

Человек в темноте не видит, и эта беспомощность породила в нем боязнь темноты. Ночь внушает человеку страх, а из страха рождаются суеверия. С заходом солнца хищные звери вновь приобретают давно утраченную власть над человеком. Когда холодные звезды сверкают над застывшей землей, вой волчьей стаи заставляет людей запирать дверь и задвигать засов. Когда ночной ветер пробегает по джунглям, глухое ворчание охотника-тигра призывает человека к молчанию. Человек видит плохо, слух его притуплен, чувство обоняния не развито; в темноте он не знает, с какой стороны угрожает ему опасность. Когда в ночи раздаются вой ягуара, рев леопарда, рычание медведя, человек признает свою беспомощность и скрывается за стенами дома или защищает себя кольцом костров и ружейными выстрелами.

Махамбе, опытному следопыту, приходилось работать по ночам, если вождь краала заставлял его ночью выслеживать дичь или расставлять западни. А ночь для суеверного Махамбы была населена чудовищами и привидениями. Чтобы побороть ужас, он напрягал всю свою волю, проявляя при этом подлинное мужество.

Обычно все восхищаются железными нервами белого охотника, который спокойно приближается к опасному зверю и из усовершенствованного ружья одним выстрелом в глаз убивает слона или всаживает пулю в грудь разъяренного льва. Действительно, способен на это только храбрый человек. Но что сказать о безоружном следопыте, который отыскивает дичь, выслеживает раненое животное, возвращается в лагерь за носильщиками, всю ночь поддерживает пламя костров и спит на голой земле? Лишения, выпадающие на его долю, испугают любого белого охотника. О нем никто не говорит, никто им не восхищается, и, однако, ни один белый не может с ним состязаться в мужестве и выносливости.

Махамба познал все опасности ночной охоты. На его долю не выпало славы, но, пожалуй, он полюбил бы свое ремесло, если бы ночь не была для него населена злыми духами. Органы чувств были у Махамбы более развиты, чем у белого человека. Его нос, широкий и плоский, улавливал запахи, каких не различает нос белого; слух у него был чуткий, и хотя Махамба и не видел в темноте, но всегда умел ориентироваться. Плоские мозолистые ступни

его маленьких ног так же бесшумно скользили по земле, как лапы льва, снабженные мягкими подушечками.

Как-то ночью, преодолевая суеверную боязнь темноты, Махамба покинул крааль. Дважды лев — его лев — выслеживал и загрызал добычу, но каждый раз прислужники-шакалы пожирали остатки до прихода Махамбы. Сегодня ночью Махамба твердо решил опередить шакалов и завладеть добычей, как только великий лев наестся и заснет. Выследив льва, он узнал, что Нгоньяма залег в траве около маленького пруда на зеленом лугу в окрестностях краалья Уа Бакка.

Жищник, подстерегающий томимых жаждой животных, похож на убийцу, который подкрадывается сзади, чтобы вонзить нож в спину ничего не подозревающей жертвы. В течение многих веков львы, притаившись в засаде у пруда, подстерегали измученных жаждой антилоп, и антилопы привыкли смотреть на пруд с его осыпающимися берегами как на западню. К воде они подходят лишь после того, как убедятся, что никакая опасность им не грозит. Если же что-либо указывает на присутствие врага, они, забыв о жажде, убегают к другому пруду, хотя бы он находился в нескольких километрах.

Один только носорог не ведает страха; когда он отправляется на водопой, некоторые животные следуют за ним и, пользуясь его защитой, утоляют жажду.

Махамба притаился в кустах на берегу пруда, когда на водопой пришел носорог. Спустившись с берега, он шел, пока вода не коснулась его морды; тогда только он начал пить. Потом вытащил тяжелые ноги из тины и выбрался на сушу. Он шел медленно, повертывая морду навстречу ветру, пока не почуял запах льва и человека. Оба эти запаха он ненавидел. Задрав забавный маленький хвостик и наострив уши, он пошел против ветра. У пруда запах усилился, и носорог рассвирепел. Словно паровоз, рванулся он вперед, навстречу ненавистному запаху.

Он пробежал на расстоянии двух шагов от Нгоньямы, притаившегося в траве. Молодой лев поднял голову и посмотрел вслед удаляющейся глыбе мяса. Промчавшись мимо льва, носорог перестал ощущать запах. Рассеялся и запах человека, так как дрожащий Махамба сорвал пучок дикого укропа и стал натирать им тело, чтобы заглушить свой собственный острый запах.

Носорог остановился, повел ушами, раздул ноздри, потом с удивительной легкостью свернул вправо и побежал рысцой, пока ветер снова не принес ему весточки. Определив местонахождение врага, носорог задрал хвост и вторично перешел в атаку. На этот раз Нгоньяма, спасаясь от страшного рога, вынужден был отскочить. Его увидели подхажившие к пруду антилопы, и все стадо пришло в волнение. Об охоте нечего было и думать. Лев зарычал и посмотрел сначала на антилоп, потом на носорога, который собирался повторить свой маневр. Не желая принимать вызов, лев удалился со сцены и скрылся в темноте, провожаемый тревожными взглядами двух шакалов, неведомо откуда взявшихся.

Когда неприятный запах рассеялся, носорог начал щипать траву, а антилопы, расставив караульных, спустились к пруду.

Махамба, дрожавший в кустах, был невидимым свидетелем постыдного бегства Нгоньямы. Поколебалась его уверенность в том, будто дух Мозелекаца вселился в льва. Во всяком случае дух, обитавший в носороге, оказался сильнейшим. Животное травоядное одержало верх над хищным зверем. Не скрывался ли в этом какой-то тайный смысл?

Махамба сдвинул брови и глубоко задумался. По некоторым признакам он давно уже предугадывал засуху. Быть может, и победа носорога указывает на грозящее бездожде? Дичь уйдет, засохнет трава, не будет ни мяса, ни маиса, ни тыкв, ни земляных орехов. При мысли о голоде Махамба съежился и покачал головой. Что делать? Если бы удалось ему найти местечко, где земля даже во время засухи останется влажной благодаря глубоким подземным источникам! Там можно было бы посадить маис, который послужит приманкой для антилоп. Но где найти такое местечко? А зеленые луга в окрестностях Уа Бакки? Он, Махамба, заставит своих жен вскопать землю и посадить маис, тыквы и земляные орехи; потом он обнесет поле изгородью и расставит западни для дичи. Тогда будет у него и маис и мясо. Для маиса он устроит кладовку в земле. Никто не найдет его кладовки, потому что отверстие он прикроет хворостом и травой.

Так размышлял дальновидный Махамба. Притаившись в кустах, он разрабатывал план борьбы за существование.

А что поделывал Нгоньяма? Униженный и смущенный, он бесцельно блуждал во мраке, словно хотел подалее уйти от места своего поражения. Можно ли примириться с сосуществованием такого отвратительного животного, как носорог? Толстая шкура делает его неуязвимым, а нрав у него такой горячий, что бедным хищникам приходится спасаться бегством.

Озлобленный Нгоньяма зарычал, с удовольствием прислушиваясь к собственному голосу. Дальнее эхо отозвалось на рев; словно раскаты грома прокатились над землей. Нгоньяма посмотрел в темноту и вдруг резко поднял голову: вдали мелькнул отблеск пламени, послышался заглушенный лай собак.

Об огне Нгоньяма имел представление: он видел его в краале, где жил Махамба. Знал он и собак и относился к ним недоверчиво, как к спутникам человека. Глухо заворчав в ответ на лай, он рысцой побежал вперед, навстречу огоньку. Да, действительно, здесь появился человек, но запах его показался Нгоньяме незнакомым. Были здесь и собаки, а также какие-то странные, невиданные доселе животные. Нгоньяма подполз ближе и, притаившись в траве, в течение двух часов терпеливо наблюдал, сбитый с толку новыми впечатлениями.

У костра сидели два человека — чернокожий и коричневый — вернее, не коричневый, а белый, но под африканским солнцем кожа его потемнела. Были здесь и две собаки — одна большая серая, другая маленькая белая; обе, наострив уши, смотрели в ту сторону, где притаился Нгоньяма. Костер, горшки, бочка с водой, мясо, поджаривавшееся на углях, а также повозка и брезентовый тент несколько не заинтересовали Нгоньяму, так как были недоступны его пониманию. Но он не мог отвести глаз от четырех животных, привязанных к колесам повозки. Небольшого роста, серые, они походили на зебр.

В течение двух часов следил за ними Нгоньяма; люди поужинали и закурили трубки, собаки обглаживали кости и изредка посматривали в сторону льва. Но Нгоньяма не обращал на них внимания, всецело поглощенный видом странных животных. Наконец он встал, намереваясь обойти вокруг лагеря. Когда он зашел с наветренной стороны, собаки тревожно зарычали, а серые животные наострили огромные уши. И вдруг одна из серых зебр подняла морду и заревела!

Никогда еще Нгоньяма не слышал такого зловещего рева. Кожа на лбу его собралась в складки, он отступил шагов на пятьдесят и с трудом поборол желание ответить на этот рев. И в ту же секунду в нескольких шагах от него зарычал лев, о присутствии которого Нгоньяма и не подозревал. Громко залаяли собаки. Чернокожий вынул из костра горящую палку и поджег две кучи хвороста, сложенного поблизости, а коричневый человек взял какой-то длинный предмет, отражавший пламя костра.

Всмотревшись в темноту, Нгоньяма увидел огромного льва, стоявшего в траве; подле него лежала львица и нетерпеливо подергивала хвостом.

Нгоньяма припал к земле и стал ждать дальнейших событий.

Лев, бесшумно ступая, обошел вокруг лагеря, а большая серая собака следила за каждым его шагом. Коричневый человек что-то сказал собаке, и та вскочила, оскалив зубы и оцетинившись. Нос ее, словно иголка компаса, все время поворачивался в ту сторону, где находился лев. Коричневый человек опустил ее на колени и поднял блестящую палку, которую держал в руках. В темноте вспыхнули два ярко-зеленых кружка, и тотчас же из блестящей палки вырвалось пламя и раздался оглушительный треск.

Лев заревел от боли, но львица ни малейшего внимания не обратила на проявление таинственной власти человека. Нгоньяма посмотрел на нее: она стояла, поджав одну лапу, вытянув шею и не спуская глаз с четырех странных животных. По-видимому, ее занимала одна только мысль — раздобыть мяса. Треск и пламя не произвели на нее впечатления.

Маленькая белая собачка с красными глазами и коротким хвостом увидела львицу и залилась лаем. Тогда чернокожий бросил в темноту горячую ветку. Рассыпая искры, ветка прорезала воздух и упала в двух шагах от львицы, которая с рычанием попятилась. Снова вырвалось из палки красное пламя и раздался треск; львица высоко подпрыгнула, показав белый живот, и тяжело упала на траву.

Нгоньяма поспешиллизнуть. Разумеется, он понятия не имел о том, что случайно наткнулся на лагерь золотоискателя. Белая собачка была бульдогом с железными нервами, а серая ищейка указала золотоискателю

место, где находился лев. Белый человек, почерневший под африканским небом, не боялся призраков ночи и надеялся на свое оружие. Что же касается четырех странных животных, похожих на зебр, то это были ослы, равнодушные ко всему, кроме еды.

Но для Нгоньямы урок не прошел даром: молодой лев на опыте убедился в том, что хищник, подстерегающий добычу, должен хранить молчание, если не хочет погибнуть. А человека Нгоньяма признал более опасным врагом, чем носорога.

К восходу солнца Нгоньяма ушел на пятнадцать километров от зеленых лугов Уа Бакки. В желудке его было пусто. Сощутив глаза, бежал он навстречу восходящему солнцу и вдруг услышал шорох в сухой траве: в десяти шагах от него показалась большая плоская голова крупной змеи. Нгоньяма остановился как вкопанный. Змея и лев в упор смотрели друг на друга. В прищуренных глазах льва горели голодные огоньки, а глаза змеи тускло блестели. Нгоньяма двинулся вперед, чтобы ее обойти. Змея высунула раздвоенный язык и злобно зашипела. Тело ее, скрытое высокой травой, судорожно подергивалось.

Туловище змеи было раздуто посередине. По-видимому, она недавно позавтракала и еще не успела переварить пищу. Сейчас она не могла ни нападать, ни спастись бегством.

Пока пресмыкающееся тщетно старалось изрыгнуть неперевавленную пищу, лев сделал прыжок. У змеи не было сил нанести ему сокрушающий удар хвостом, и через несколько секунд лев перегрыз ей позвоночник у основания шеи, размозжил голову и жадно стал пожирать добычу.

ГЛАВА VI

Засуха. Появление грифов. Собачья стая

Надвигалась засуха. Нгоньяма, как и Махамба, всем своим существом ощущал ее приближение. Весть о ней посылал ему сухой горячий ветер, раздражавший его широкие ноздри. За это время нос у Нгоньямы вырос; широкий у основания, он спускался к верхней губе, украшенной длинными усами.

Сейчас он инстинктивно предчувствовал надвигающуюся трагедию. Раскаленная земля покрывалась трещинами, влага испарялась, и над горизонтом повисла дымчатая завеса. На этом широком туманном экране возникали сказочные миражи: синело тихое озеро, сбегали к воде зеленые берега, затененные развесистыми деревьями.

Нгоньяма раздувал ноздри, но с призрачного озера не веяло прохладой и влагой; по-прежнему воздух был сухим и горячим. И вдруг берега начинали таять, исчезали развесистые деревья, а пруд переносился на другое место — туда, где несколько секунд назад рос терновый куст с длинными, очень острыми колючками. И куст превращался в пальмовую рощу, дремлющую на берегу

синего пруда, но пруд оставался мертвым — не слышалось радостного кваканья лягушек, пения птиц, шелеста крыльев.

Лев пристально смотрел на пальмовую рощу; и на его глазах она снова превращалась в колючий куст. Потом он поворачивал морду в другую сторону и видел несущийся по равнине столб песка, подхваченный двумя встречными течениями воздуха. Через минуту песчаный столб бесшумно падал на землю.

Эти тайны жизни лев постигнуть не мог; они не приковывали к себе его внимания и в памяти не оставались. Но вот по земле скользнула тень, и лев насторожился и посмотрел на небо. Это было ему понятно: высоко над его головой летел гриф, изредка взмахивая гигантскими крыльями. За ним показался второй, третий. Растянувшись длинной вереницей, плыли по небу птицы-хищники. Отлетев на большое расстояние, птица-вожак застыла в воздухе, а солнце серебрило ее распростертые крылья. И тогда начался зловещий танец смерти: двадцать громадных птиц, кружась над землей, стали медленно по спирали опускаться вниз на распростертых, неподвижных крыльях.

Нгоньяма встал и побежал в ту сторону, где кружились птицы. Бывают такие времена, когда и лев не брезгует падалью, если ему удастся ее найти. А сейчас такой момент настал. Грифы нашли мясо. Откуда они прилетели? Быть может, с гор, находящихся за сотни километров отсюда, а может быть, парили в небе на такой высоте, что с земли самый зоркий глаз не мог бы их разглядеть, тогда как им видно было все, что делалось на земле.

Большие прозрачные глаза страуса пронизывают далекие пространства, поразительной дальностью отличается орел, но глаза грифа — самый удивительный инструмент. словно драгоценные камни, вставлены они в лысую голову. С головокружительной высоты они замечают лежащую на земле падаль.

Нгоньяма рысцой бежал в ту сторону, где кружились хищные птицы. Раскаленная земля обжигала ступни его лап. Наконец услышал он пронзительные крики птиц, терзавших падаль и ссорившихся друг с другом над окровавленными ребрами издохшего животного. Но огромные птицы своими крыльями заслоняли от него

добычу. Громко каркали вороны, прыгая вокруг пировавших грифов, которые отняли у них лакомое блюдо.

Когда Нгоньяма подошел ближе, вороны с громким карканьем отскочили в сторону, а грифы вытянули длинные голые шеи. Увидев льва, они, переваливаясь, отошли, распростирали крылья и, оторвавшись от земли, стали кружить над падалью.

Вороны оживленно закаркали над его головой и, отлетев в сторону, уселись на дерево, которое росло неподалеку. Стая гиеновых собак неслась по равнине, и появление ее на сцене было чревато последствиями. Согласится ли лев добровольно уступить добычу?

Собаки бежали, наострив уши, высунув язык. Местонахождение падали указали им грифы, кружившие над разлагающейся тушей. Заметив льва, вся стая остановилась.

Нгоньяма высокомерно посмотрел на каркающих ворон и с самым независимым видом направился к туше. Это была мертвая зебра. Мясо издавало резкий запах, но было еще съедобно. Лев долго обнюхивал зебру, потом обошел вокруг и приблизился к ней с другой стороны — ему не хотелось стоять спиной к собачьей стае.

Вороны еще громче закаркали, словно поняли этот маневр, но собаки не хотели спешить. Они изучали позицию и выжидали. Когда лев прилег возле туши, они перешли на другое место, откуда им было его видно, и стали смотреть на него в упор.

Нгоньяма проглотил несколько кусков сильно разложившегося мяса и тогда только почувствовал на себе взгляд всей стаи. Резко подняв голову, он сразу заметил, что собаки настроены враждебно. Они придвинулись ближе, глаза их сверкали. Впрочем, когда он поднял голову, они прикинулись равнодушными. Одни собаки сидели, высунув язык, и можно было подумать, что они любезно улыбаются. Другие растянулись на земле и лобили мух, и только самые молодые, не скрывая своего волнения, бегали вокруг.

Еще ни разу не приходилось Нгоньяме иметь дело со стаей гиеновых собак, но эти настороженные уши и злые глаза словно предупреждали его о грозящей опасности. Проглотив несколько кусков мяса, он снова поднял голову и убедился, что стая придвинулась еще ближе. Сомнений быть не могло: собаки объявили ему войну,

и Нгоньяма, не задумываясь, принял вызов. Он встал и, низко опустив голову, двинулся навстречу стае.

Собаки отступили, и этим моментом лев воспользовался. Выпустив когти, ощетинившись и грозно рыча, он прыгнул вперед. Стая рассеялась, но через несколько секунд было уже трудно решить, лев ли преследует стаю, стая ли преследует льва!

Нгоньяма не мог уследить за тридцатью собаками. Одни бежали впереди, другие наступали на него справа и слева, острые зубы вонзились ему в задние лапы. Нгоньяма позорно поджал хвост и закружился на одном месте, а собаки отступили: их маневр удался — они заняли позицию между львом и падалью.

Теперь преимущество было на стороне стаи.

Собаки выжидали, рассчитывая, что лев удалится. Победа была обеспечена, но в их намерение не входило преследовать льва. Неизвестно, как поступил бы на его месте старый лев, но Нгоньяма был молод, неопытен и вдобавок сильно проголодался. Он не знал, что игра проиграна, и, надеясь застигнуть стаю врасплох, сделал два гигантских прыжка. Раздался лай, рычание, треск сломанных костей. А затем стая проучила льва. Собаки нападали на него и спереди, и с тыла, и с флангов; куснув его, они отскакивали, а их место занимали другие. Лев, не ожидавший такого отпора, выбрал из стаи одну собаку и гнался за ней на протяжении полукилометра. Но стая его преследовала, и он должен был забраться в колючие кусты, откуда высывалась только его голова.

И снова преимущество было на стороне стаи. Правда, одна собака погибла, но зато им удалось отогнать льва на полкилометра от гниющей туши. Собаки сомкнулись кольцом вокруг кустов и терпеливо ждали дальнейших событий. Но вскоре до слуха их донеслось хлопанье гигантских крыльев: грифы опустились на землю и присоединились к воронам, клевавшим падаль. Это зрелище заставило стаю галопом помчаться назад; малейшее промедление могло привести к тому, что от зебры остался бы один скелет. Грифы едва успели разлететься, когда собаки завладели добычей.

Нгоньяма встал, вылез из кустов и рысцой побежал прочь. Пробежав с километр, он оглянулся, так как до слуха его донеслись подозрительные звуки. Вдали он разглядел буро-черные пятнышки, быстро к нему прибли-

жавшиеся. Собачья стая! Он забился в заросли колючих кустов. Ну, что же! Если собаки думают продолжать войну, он встретит их и сведет счеты с каждой по очереди.

По-видимому, стая склонялась к той же точке зрения. Выследив льва, собаки повернулись вокруг зарослей, но не посмели перейти в наступление. С визгом и воем они понеслись дальше.

Зализав свои раны, Нгоньяма заснул и спал долго. Проснулся он ночью и, сердито ворча, тронулся в путь. Его мучила жажда, и вообще чувствовал он себя прескверно. Должно быть, съеденное им разложившееся мясо не пошло ему на пользу. Он разжевал и с трудом проглотил несколько сочных стебельков целебной травы, которая росла на дне высохшего ручья. Началась рвота. После этого он почувствовал облегчение, но жажда по-прежнему его мучила. Зализав шершавым языком раны, нанесенные собаками, он долго жевал траву. Потом его охватила странная слабость.

Двое суток провел Нгоньяма возле русла высохшего ручья. Какой-то яд проник в его кровь. Быть может, виной тому была съеденная им падаль или укусы собак отравили кровь. Его спасла целебная трава; сильный организм поборол болезнь. За эти два дня Нгоньяма сильно похудел и, казалось, еще крупнее стала его голова, обрамленная длинной гривой. На третий день, с трудом передвигая тяжелые лапы, он поплелся дальше.

Палило солнце, шуршала под ногами сухая трава, горячая земля обжигала мягкие подушечки на ступнях лап, резкий свет резал глаза, но лев упрямо брел дальше, почуяв в горячем воздухе запах воды. Ночью он пришел к стоячему пруду в высохшем русле реки. Здесь он напился и заснул, но проснулся как раз вовремя, чтобы загрызть водяную ящерицу длиной больше полуметра. Ящерицей утолил он голод и восстановил силы. Оставался он здесь, пока пруд не высох, и каждый день охотился, не пренебрегая ни водяными птицами, ни даже трубкозубом, издававшим неприятный запах. Наконец засуха погнала его дальше, по высохшему руслу реки.

Однако забрел он в тростниковые заросли. Когда-то тростник был зеленым и свежим, но теперь высох и пожелтел. Вдали блеснула вода. Выбравшись из зарослей, Нгоньяма увидел стоячий пруд; у края воды виднелись отпечатки копыт. В воздухе пахло буйволом, и действительно, там, в грязи, стоял одинокий буйвол.

Широко расставив толстые ноги и опустив голову, он тусклыми глазами смотрел перед собой. У пруда, на суку большого дерева, нахохлившись, сидели грифы.

Лев припал к земле, переводя взгляд с буйвола на птиц; потом встал и раздул ноздри. В воздухе стоял запах гниения. В застывших на суку грифах было что-то зловещее. И зловещим казалось равнодушие буйвола, не обращавшего внимания на присутствие заклятого врага.

Не сводя глаз с буйвола, лев сделал несколько шагов и глухо зарычал. Буйвол покачнулся и со стоном упал, уткнувшись мордой в грязь; рой мух закружился над судорожно подергивающимся телом. Грифы блестящими глазами смотрели на издыхающее животное. Один из них изрыгнул пищу, соскользнул с сука и тяжело упал на землю; остальные сидели неподвижно, равнодушные, сытые до отвала.

Нгоньяма испуганно заворчал и убежал. Он не понимал того, что здесь происходило, но запах гниения, стоявший в воздухе, был для него предостережением. Однажды он уже отведал падали и после этого мучился. Конечно, он не мог ни рассуждать, ни выводить заключения, но теперь запах падали внушал ему инстинктивное отвращение, а смерть буйвола и грифа также ука-

звала на какую-то неведомую опасность. Немного дальше он увидел наполовину объединенный скелет второго буйвола и сделал круг, чтобы его обойти.

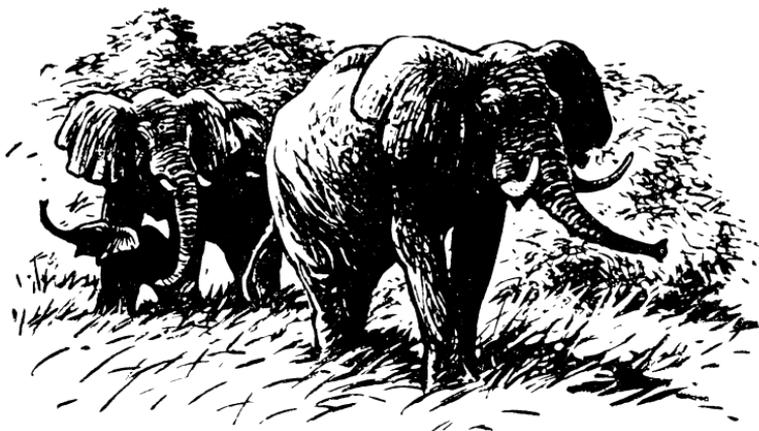
Чутье не обмануло Нгоньяму: вся местность была заражена, и лев инстинктивно бежал от страшной болезни — чумы. От домашнего скота чума перешла к буйволам и, словно поясом, охватила всю южную часть материка. Птицы, питавшиеся трупами погибших от чумы животных, тоже не избежали заразы.

Природа поддерживает равновесие между запасами пищи и существами, живущими этой пищей. Каждая засуха или болезнь приводит к тому, что нарушенное равновесие восстанавливается. Было время, когда буйволы вымирали, зараженные болезнью, передаваемой им укусами мухи цеце*. На смену мухе цеце пришла чума, поражающая также и домашний скот. По-видимому, туши погибших от чумы животных были губельны и для птиц, так как после чумы осталось очень мало грифов.

Нгоньяма продолжал путь по высохшему руслу реки, а затем свернул в сторону и углубился в лес. Здесь было душно, и листья шуршали, как сухой пергамент. Это не был тропический лес, какой мы находим на экваторе, где воздух насыщен влагой. Здесь не было ни старых деревьев, ни кустов, а росли только молодые деревья. Мириады термитов прокладывали туннели в стволах и ветвях. Лишенное соков подточенное дерево падало, и другие термиты выедали его сердцевину, а образовавшийся туннель наполнялся грязью. Упавшее дерево гнивало, смешиваясь с землей, наполнявшей его ствол и принесенной неумолимыми работниками. Так гибли деревья — ни одно не могло дожить до старости.

* Муха цеце при укусе заражает копытных животных особым паразитом — трипаномой, вызывающим у животного заболевание.

ГЛАВА VII

Безмолвный лес. Слоны. Странствующий крокодил

В лесу Нгоньяма чувствовал себя потерянным. Здесь он не привык охотиться. Лес может привлекать леопарда, который умеет лазить по деревьям, но лев предпочитает прятаться в высокой траве на просеках и лугах, где пасутся антилопы.

Нгоньяме лес казался необитаемым, мертвым, немым, как пустыня. Мир насекомых не играет никакой роли в жизни льва. В лесу полчища термитов рыли подземные каналы и занимались своей повседневной работой, а между деревьями ползали бесчисленные отряды очень крупных муравьев. Должно быть, были здесь и жуки, гусеницы и черви, которыми питаются муравьи, но для льва они не существовали, так как не годились ему в пищу.

Однако даже самое высокое дерево в лесу рано или поздно будет подточено термитами и рухнет на землю, а крупные муравьи не остановятся перед тем, чтобы атаковать льва, если он появится на их пути.

Нгоньяма шел все дальше и дальше по отлогому лесистому склону. Эта тропа рано или поздно должна была привести его к воде.

Вдруг тишину леса прорезал оглушительный треск ломающихся веток.

Лев насторожился и побежал на шум. Значит, в лесу все-таки водилась крупная дичь! Теперь треск доносился со всех сторон, по-видимому дичи было много. Потом послышалось какое-то странное урчание.

Нгоньяма остановился, приподняв одну лапу и недоумевая, что бы это могло быть. По привычке он оглянулся и, убедившись, что сзади никто ему не угрожает, стал бесшумно красться вперед. Потом он припал к земле и погрузился в наблюдение: перед ним стояло новое, доселе невиданное животное, крупнее, чем буйвол, крупнее даже, чем носорог. Гора мяса, но как ею завладеть?

Чудовищное животное находилось в тридцати шагах от Нгоньямы; у него был длинный нос, большие клыки и огромные уши. Оно раскачивало маленькое деревцо, с которого сыпались на землю желтые ягоды дикого кизила — нонг-гура. Своим длинным носом животное подбирало ягоды и одну за другой отправляло их в рот. Его забавный маленький хвостик подергивался, а умные глазки блестели от удовольствия. За этой горой мяса виднелись другие горы и холмы; был среди них и один совсем маленький холмик. Все они, не скрывая своего удовольствия, подбирали желтые ягоды и отправляли их в рот.

Маленький холмик был молоденьким слоненком, и Нгоньяме пришла в голову мысль спугнуть и обратить в бегство этих глупых животных, питавшихся ягодами. Затем он воспользуется суматохой и завладеет слоненком.

Прежде всего он должен был известить стадо о своем присутствии. Отойдя подальше от гигантского слона с длинными бивнями, внушавшими ему страх, он остановился с подветренной стороны, и слоны сразу почувяли запах хищника. Задрав вверх хоботы и приподняв огромные уши, они насторожились, а маленькие глазки зорко высматривали врага. Тогда лев, рыча, прыгнул вперед и остановился, выжидая, что за этим последует.

Ждать пришлось недолго, так как события развивались с молниеносной быстротой. Все стадо оглуши-

тельно затрубило, три слона и пять слоних тотчас же перешли в наступление. Между стволами деревьев стрелой скользнула желтая полоса. Это был улелепывавший Нгоньяма.

Слоны, урча, вернулись к деревьям нонг-гура, а мать-слониха ни на миг не отпускала от себя слоненка. Между тем Нгоньяма находился уже за километр отсюда. Быть может, он радовался, что не было ни одного свидетеля его постыдного бегства.

— Ха-ха!

Нгоньяма, не понимая, откуда доносятся эти странные звуки, испуганно оглянулся.

— Ха-ха-да-да!

— Р-р-р-р...— зарычал лев, осматриваясь по сторонам.

По земле, между деревьев, скользнула тень и раздался шелест крыльев. Большая птица с огромным широким красным клювом опустилась на ветку. Это был ток*. В клюве он держал насекомое — саранчу, скудное угощение для такой большой птицы. Но он ее не проглотил, а вложил в другой клюв, высунувшийся из отверстия в залепленном грязью дупле дерева. И снова раздался насмешливый крик: «ха-ха-да-да!»

Нгоньяма приподнялся, заинтересованный этой сценой. Ток-самец улетел, но скоро вернулся с новым угощением, которое и предложил своей супруге. Та сидела на яйцах, заключенная в тюрьму.

Несколько раз ток улетал и возвращался, откармливая самку саранчой.

Нгоньяма проследил полет тока и отыскал место, откуда тот приносил корм. Густой массой саранча покрывала три акра леса — стволы, ветви и землю между деревьями. Летала она на юго-восток, а здесь расположилась на отдых. Где она опускалась, там и питалась, поедая все — листья, ветки, ягоды кизила. Тысячи насекомых по стволам спустились на землю, но не найдя здесь никакого корма, погрузились словно в летаргический сон. Ярко блестели их жесткие крылья, прикрепленные к красно-бурому тельцу. Полакомиться саранчой явились птицы, муравьи, мыши, две дикие кошки и несколько змей.

* Ток принадлежит к семейству птиц-носорогов.

Пришел сюда и Нгоньяма. Сунув морду в густую массу саранчи, он медленно пережевывал пищу. Дикие кошки, мрачно поглядывая на него, ели изящно, понемногу, змеи часто отдыхали, а муравьи жадно растаскивали добычу.

Жалкая это была пища для льва, владыки зверей, невкусная, издающая запах нефти, но в дни засухи не полагается быть разборчивым, и Нгоньяма ел, пока не насытился. Потом он задумчиво окинул взглядом своих сотрапезников. Нельзя ли получить на десерт какое-нибудь лакомое блюдо?

Обе кошки поймали его взгляд и через секунду сидели на дереве, одна из змей последовала их примеру, а другие — ядовитые — предостерегающе зашипели. И лев величественно удалился, распространяя резкий запах нефти.

Теперь оставалось только утолить жажду, и тогда день можно считать удачным. Тропа привела его к высохшему руслу реки, где блестели отполированные водой камни и белый песок. У подножия высокой скалы земля была сырая. Здесь Нгоньяма лапой вырыл яму, в которую медленно просочилась вода. Этого было достаточно, чтобы освежить язык и промочить горло. Нгоньяма растянулся на влажной земле, и приятный холодок остудил его разгоряченное тело. Когда он проснулся, небо было усыпано звездами, а в черном лесу загорелись огоньки светляков.

Нгоньяма громко зарычал, бросая вызов в ночь. По лесу прокатилось эхо, заглушаемое листвой деревьев, а лев, одинокий, стоял и ждал ответа. Ответ не замедлил последовать: это было глухое протяжное хрипение, и Нгоньяма догадался, что где-то поблизости находится какое-то еще невиданное им животное. Вспомнив недавнюю встречу со слонами, он с удвоенной осторожностью стал отыскивать источник этих странных звуков.

Через полчаса Нгоньяма лежал на берегу высохшей реки и пристально смотрел на зеленую тинистую лужу и на какое-то странное длинное животное, блестящее и мокрое, лежавшее возле лужи и, по-видимому, недавно выбравшееся из стоячей воды.

Черное длинное животное издавало резкий запах мускуса, и только по этому запаху Нгоньяма признал в нем живое существо. Но что это был за зверь?

Неподвижный, словно вылитый из бронзы, Нгоньяма смотрел на странное животное, которое казалось высеченным из черного камня. Над пораженным засухой лесом нависла тяжелая тишина. Подул предрассветный ветерок, повеяло прохладой и запахом воды. Почуввав влагу, зверь-наблюдатель и существо, находившееся под наблюдением, тронулись в путь. Оба подняли голову, а странное животное разжало огромные челюсти и издало протяжный звук, так поразивший льва. Потом, перебирая короткими лапами, оно заковыляло по высохшему дну реки. С минуту Нгоньяма смотрел ему вслед, а затем побежал вдоль берега. Пока он еще считал нужным соблюдать осторожность, но с каждой секундой усиливалось желание полакомиться мясом и снова почувствовать вкус крови.

Иногда глаза Нгоньямы вспыхивали, он приостанавливался и, поджав задние лапы, готовился к прыжку, но затем, раздумав, бежал дальше. В этом ковыляющем животном было что-то отталкивающее; Нгоньяме очень не понравились его огромные челюсти и страшный хвост.

Наконец голод одержал верх над благоразумием. Лев забежал вперед, зарычал, сделал прыжок и, оскалив клыки, остановился, преграждая путь намеченной жертве. Но жертва несколько не смутилась. Холодные, словно мертвые, глаза выдержали взгляд сверкающих желтых глаз. Животное, разинув пасть, двинулось прямо на льва, а лев не осмелился вступить в бой. Отскочив в сторону, он смотрел на эти страшные щелкающие челюсти. В это время противник попытался нанести ему удар хвостом, но ловкий прыжок снова спас Нгоньяму.

После этой первой стычки крокодил заковылял дальше. Неизвестно, как он очутился в этом высохшем русле. Быть может, во время разлива рек он добрался до какого-нибудь глубокого пруда в лесу, а теперь, когда наступила засуха, возвращался по высохшему притоку назад, к главной водной артерии.

На суше крокодил чувствовал себя скверно, долгое путешествие его утомило, он стосковался по воде и больше всего хотел залезть в какой-нибудь пруд, где бы ему не угрожала опасность нападения.

Следуя за крокодилом, Нгоньяма производил наблюдения. Он видел, что крокодил утомлен, и, однако, не представлял себе возможности нападения: спереди

угрожали нападающему гигантские челюсти, сзади — не менее страшное оружие — хвост. Тогда он пошел на хитрость: прыгнул на врага и тотчас же отскочил, но ни одно движение крокодила от него не укрылось. Он заметил, что животное, почти не имея шеи, не может поворачивать голову, следовательно, челюсти страшны только при атаке с фронта, а хвост, описывая дугу, не доходит до челюстей приблизительно на два фута. Иными словами, на протяжении этих двух футов тело крокодила не защищено.

Разумеется, Нгоньяма был неспособен на такие странные рассуждения. Вообще он никогда не рассуждал, а только угадывал инстинктивно. И сейчас инстинкт подсказал ему, какой метод нападения является наиболее правильным. Обычно, бросаясь на намеченную жертву, Нгоньяма впивался клыками в шею, вонзив когти правой лапы в нос животного. Но если бы теперь он поставил лапу на нос крокодила, то пришлось бы ему с ней распрощаться. Поэтому, сделав прыжок, он попытался вонзить когти в шею, но едва не погиб, так как чешуя, защищавшая спину крокодила, оказалась броней, непроницаемой и для когтей и для зубов.

Лев едва успел спастись от железных челюстей, но через минуту он снова стал изучать своего врага. Крокодил упрямо ковылял вперед, а в холодных глазах горели огоньки бешенства. Казалось, слабые лапы подгибались, отказываясь ему служить. Подойдя к глубокому слою песка, он остановился, проявляя все признаки тревоги. Нгоньяма посмотрел вперед. Там, дальше, за песчаной полосой, блестела вода в глубокой впадине у подножия крутого берега. Потом лев перевел взгляд на слабые передние лапы и беловатый живот врага. Так вот где его уязвимое место! Через секунду он прыгнул

на спину крокодилу, обхватил его лапами, когти вонзив в живот, а страшные клыки — в правую переднюю лапу. Крокодил дергался и извивался, хвост описывал дугу, громко щелкали челюсти, в воздухе стоял резкий тошнотворный запах мускуса, но лев, не выпуская своей добычи, раздирал когтями мягкий живот.

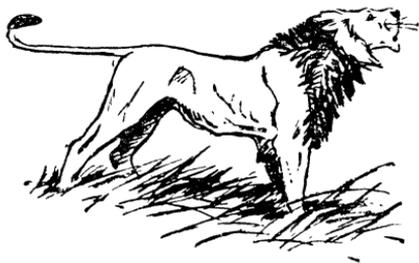
Однако поединок еще не закончился. Крокодил не отказывается от борьбы, если сердце его еще не перестало биться и позвоночник не поврежден.

Задние лапы льва соскользнули на землю. Этим воспользовался крокодил: он с трудом перевернулся на бок и ударил врага хвостом. Нгоньяма отлетел и упал в двух шагах от разинутой пасти. Если бы крокодил мог рвануться вперед — плохо пришлось бы Нгоньяме, но сломанная передняя лапа лишила крокодила возможности быстро двигаться.

Нгоньяма снова очутился на спине противника. Но теперь задние лапы льва упирались в его морду, а передними он придерживал хвост и, вонзив клыки в спину у основания хвоста, старался перегрызть позвоночник. Борьба была окончена, когда клыки прокусили хрящ и кость. Но, казалось, чудовище не хотело признать себя побежденным: зеленые огоньки горели в его холодных глазах, а страшные челюсти громко щелкали.

Тяжело дыша, Нгоньяма отошел и долго смотрел на эти щелкающие челюсти. Отдышавшись, он вонзил когти в беловатый живот и перевернул крокодила на спину. А челюсти крокодила конвульсивно сжимались и разжимались, когда Нгоньяма когтями и клыками раздирал его внутренности. Наконец медленно пульсирующее сердце перестало биться и исчезло в окровавленной пасти льва.

Наевшись до отвала, Нгоньяма напился воды из лужи и, задрав морду к небу, победоносно зарычал.

ГЛАВА VIII

*Нгоньяма отбивает львицу. Набег на крааль.
Возвращение следопыта Махамбы*

Нгоньяма шел по руслу реки, словно по проезжей дороге, которая рано или поздно должна была вывести его из леса на открытое место, где водится крупная дичь. За эти дни он исхудал и ожесточился, так как голод следовал за ним по пятам. Наконец он выбрался из леса и остановился на крутом откосе, там, где некогда был водопад. Отсюда открывался вид на широкую серо-желтую равнину и холмы, опаленные солнцем. Вдали, на холмах, виднелись какие-то точки и желтые пятна; это были хижины и маисовые поля. Лениво поднимались к небу тонкие струйки дыма.

Нгоньяма растянулся на скале и, мигая, смотрел вдале. Он ждал ночи...

Когда протянулись длинные тени, все живое вышло из оцепенения. Прохладный ветерок пробежал по обожженной траве, выпала роса, и земля жадно раскрыла поры, впитывая драгоценную влагу. Потом спустилась тишина. Земля, трава и все живые существа отдыхали.

Тишину нарушил протяжный заунывный стон. Медленно пронесся он над землей и замер, потом прозвучал снова, и трудно было поверить, чтобы эти мощные звуки издавало ничтожное маленькое насекомое, музыкальным инструментом которого являлось все его тело, растягивающееся, как резина.

Эта скорбная протяжная нота пробудила голоса ночи. Встрепенулись живые существа, окропленные росой, и хором затаили песню. Глухо загукала сова, заставляя всех насторожиться. Ночь поглотила этот звук, и на секунду вновь водворилось торжественное молчание. Потом запоздавшая обезьяна бросила в темноту тоскливый призыв, и снова все насторожились, снова нависла тревожная тишина. Казалось, ночь ждала, ждала, чтобы новый голос вступил в хор и героической нотой заглушил испуганные голоса.

И голос прозвучал. Стоя на скале, Нгоньяма обозревал долину. Потом втянул в легкие воздух и с силой выдохнул его. Его глухое рычание пронеслось над землей и эхом прокатилось по холмам.

И все живое пришло в движение. Где-то залаяла собака, вспыхнул костер на склоне холма, замычала корова, призывая своего теленка. Свистели кулики, выл шакал, злобно лаял старый павиан на скале. В хор ночных голосов только пение лягушек вносило радостную ноту, но в дождливое время они квакают громко, а в засуху — под сурдинку, словно приветствуя выпавшую росу.

Нгоньяма спустился со скалы в долину и побежал рысцой, глухо рыча. Заслышав это грозное рычание, животные сбивались в кучу и пугливо жались друг к другу, так как охотничья песня льва похожа на чревоуещание: в безветренную погоду нельзя определить, с какой стороны она доносится.

Маленькие стада топтались на одном месте, кружились, отбегали в сторону и снова останавливались. Наконец лев услышал стук копыт. Смолкла охотничья песня. Теперь лев не рычал и не бежал рысцой. Он крался бесшумно, прячась за кусты, муравейники, холмики. Животные не знали, где он, с какой стороны подходит, и заметили его только в тот момент, когда раздалось придушенное блеяние, а затем топот копыт убегающего стада.

Нгоньяма перегрыз антилопе горло и глотнул красной крови. Потом поднял голову и бросил в ночь торжествующий призыв. Впрочем, он ни с кем не собирался делить добычу и очень был удивлен и раздосадован, когда увидел приближающихся гостей. Их было двое — лев и львица. Без всяких церемоний львица направилась к туше, высокомерно поглядывая на Нгоньяму, но незнакомый лев остановился, когда Нгоньяма грозно ошетинился и оскалил клыки.

Человеку трудно представить, каковы отношения львов друг к другу. Иногда они охотятся вместе и вместе пируют, не заводя между собой ссор. В отличие от тигров и леопардов, которые всегда охотятся в одиночку, лев умеет быть общительным и не восставать против лежа добычи. Но бывают и такие случаи, когда лев не выносит присутствия другого льва. Как бы то ни было, Нгоньяма ни секунды не колебался. Мяса он не ел в течение нескольких дней, а антилопы не хватило бы на троих. Следовательно, пришелец должен убраться во свояси.

Нгоньяма не замедлил довести об этом до его сведения, но тот придерживался другой точки зрения. В этой местности он охотился уже давно и на антилопу смотрел как на свою добычу, а Нгоньяму считал непрошеным гостем. Кроме того, он был крупнее, чем Нгоньяма, и, следовательно, мог рассчитывать на победу. Опустив голову, он грозно зарычал и приготовился к прыжку, надеясь утратить врага.

Но Нгоньяма был не из пугливых. Присутствие львицы подействовало на него возбуждающе, и сейчас он готов был напасть даже на носорога, если бы таковой появился на сцене. Он прыгнул навстречу врагу, и в течение двух минут шел жаркий бой. Противники наносили друг другу удары, заботясь только о том, чтобы не повредить передних лап, так как лев с прокушенной или сломанной передней лапой выбывает из строя. Дрались они не только из-за антилопы, но из-за того, кому достанется львица, и к концу второй минуты старший лев признал себя побежденным.

Быть может, ему успела надоесть львица, отличавшаяся сварливым нравом. Как бы то ни было, но он, глухо рыча, отскочил в сторону и удалился, разукрашенный царапинами, ссадинами и ранами.

Нгоньяма торжествующе зарычал, а затем присоединился к львице, которая, мурлыча, уплетала антилопу. Когда она доела свою порцию, лев еще обглаживал ребро. Она подошла к нему, желая познакомиться ближе. Он поднял морду, встал и уступил ей недоеденный кусок. Так был заключен между ними союз.

После пира Нгоньяма последовал за своей подругой, которая уже забыла прежнего спутника и собиралась толкнуть Нгоньяму на путь зла. Дело в том, что ей однажды случилось отведать человеческого мяса, и с тех пор она стала отдавать ему предпочтение и охотиться за людьми.

Львица повела Нгоньяму через русло высохшей реки к пруду, куда жители крааля ходили за водой. А Нгоньяма, гордясь своей подругой, громко зарычал и всполошил туземцев.

На следующий же день вождь крааля послал гонца в Уа Бакка за Махамбой, который славился своим искусством готовить различные зелья. Гонец должен был передать Махамбе приказ вождя явиться немедленно и принести зелье, отваживающее львов.

Положив в кожаный мешок поджаренного маиса и горсть табаку, гонец выпил кафирского пива из кувшина вождя, взял свой асегай дубинку и охотничий щит и тронулся в путь. Ему предстояло пройти пятьдесят километров и он знал, что на каждом шагу путника стерегут опасности. Толпа смеющихся девушек проводила его за околицу. Шутливо уверяли его, что будут плясать только с ним, если он вернется целый и невредимый.

Гонец уже далеко отошел от деревни, а девушки все еще посылали ему шуточные пожелания, и чем дальше он уходил, тем обиднее делались их шутки. Рассерженный гонец оглянулся и во все горло крикнул им такое дерзкое пожелание, что девушки с визгом и смехом разбежались, и одна из них едва не налетела на отдыхавших в траве львицу и льва.

Девушка была толстая, с синими бусами на шее. Увидав ее, львица зарычала, предлагая своему супругу приступить к делу. Но Нгоньяма зевнул и сощурил глаза, не желая трогаться с места.

— Р-р-р...— снова зарычала львица, злобно глядя вслед убегавшим девушкам.

Зная по опыту, что сейчас из крааля выйдут войны, вооруженные асегаями, она поспешила удалиться. Желтое тело змеей скользнуло в траве, а Нгоньяма сел и стал смотреть на хижин, напоминавшие потревоженный муравейник. Лаяли собаки, визжали женщины, мужчины с копьями и щитами выходили из хижин.

И вдруг Нгоньяма смутно вспомнил картину далекого детства: увидел льва, окруженного людьми, которые бросают в него палки с зубцами. Он встал и, радуясь, побежал по следам львицы. Бежать ему пришлось быстро. Львица знала нравы людей и умела замечать следы. Она спустилась к руслу высохшей реки, перебралась, прыгая с глыбы на глыбу, на другой берег, галопом понеслась вниз по склону, свернула в сторону, покружилась в кустах и снова пересекла высохшее русло. Затем, обойдя холм, расположилась на скалистой гряде позади крааля, покрыв без остановки около трех километров.

Быть может, такая энергия и неутомимость пришлись не по вкусу бывшему ее супругу; быть может, потому-то он и уступил ее с такой легкостью Нгоньяме. Во всяком случае Нгоньяма был очень недоволен, от долгого бега подушечки его лап потрескались и болели.

Теперь деревня была во власти хищников, так как оставались в ней только женщины и дети, а все мужчины бросились по следам львицы. Львица хотела немедленно перейти в наступление, но Нгоньяма равнодушно лизывал лапы и не трогался с места. У него не было привычки лакомиться человеческим мясом, и он не сходил с вкуса с львицей. Нгоньяма любил порезвиться, но

львица не отвечала на его заигрывания, так как отличалась нравом суровым и жестоким.

Подняв голову, вытянув мускулистую шею, она горящими глазами следила за толстыми ребятишками, игравшими возле хижин. Потом начала спускаться с холма. Прячась в траве, она нетерпеливо ударяла тяжелым хвостом по земле и не сводила глаз с одной толстой девочки, круглая мордочка которой лоснилась от жира.

Нгоньяма заинтересовался и встал, а какой-то мальчуган тотчас же заметил обрамленную гривой голову льва. Его пронзительный визг рассек тишину. Женщины подняли крик и поспешили увести детей в хижины.

В крааль уже бежали мужчины, ударяя ассегаями в щиты, а львица, не понимая, чем вызвана суматоха, оглянулась и увидела стоящего на виду Нгоньяму. Она рысцой взбежала на холм и, перескочив через каменную гряду, скрылась из виду, предоставляя своему супругу выпутываться из беды. Он не намерен был обращаться в бегство, но и враги его не хотели рисковать жизнью: остановившись на почтительном расстоянии, они обратились к Нгоньяме с речью. Львица была им хорошо известна, так как она в течение нескольких месяцев делала набеги на крааль, но этого льва они видели впервые и надеялись его усюветить. Мбонго * деревушки выступил вперед и рассыпался в комплиментах.

Нгоньяма мрачно смотрел на него. Такое же странное существо, прыгавшее и гримасничавшее, как обезьяна, предложило ему однажды козу. Но сейчас козы не было. Выстроившиеся в ряд воины пристально, в упор смотрели на льва. Нгоньяме стало не по себе, он попятился и, глухо ворча, остановился в тени мимозы. Люди придвинулись ближе, а мбонго произнес еще одну речь, маскируя лестью оскорбительные насмешки. Упорные взгляды раздражали Нгоньяму, он снова попятился. Какой-то мальчишка швырнул в него камнем. Нгоньяма в испуге отскочил, потом подошел к камню, обнюхал его и, сердито рыча, поджал задние лапы, готовясь к прыжку.

Мбонго угостил мальчишку шлепком, а все остальные придвинулись еще ближе. Если бы они хоть на шаг отступили, лев перешел бы в атаку. Зная это, они побо-

* Мбонго — нечто вроде деревенского поэта, на обязанности которого лежит восхваление вождя.

роли страх и стали наступать на врага. Нгоньяма повернулся и медленно пошел прочь.

Воины следили за ним, посылая вдогонку ругательства, а когда он скрылся из виду, они затаились и вернулись в крааль, гордясь своей дипломатической победой.

Утром пятого дня явились Махамба из Уа Бакка и гонец. Оба тотчас же улеглись спать. К вечеру Махамба проснулся и получил приглашение участвовать в пиршестве. Пировали до поздней ночи, потом закурили трубки, и мбонго дал полный отчет об охоте на льва, не поспеившись на любопытные подробности. Толстая девушка пронзительным голосом рассказала о спрятавшейся в траве львице; мальчуган, швырнувший камень, тоже попытался вставить словечко, но его прогнали. Когда горшок с кафирским пивом пошел в круговую, мбонго повторил свой рассказ, а затем Махамба, разгоряченный пивом, заговорил о волшебном зелье, при помощи которого можно отвадить львов.

— Хорошо,— сказал вождь,— хорошо, что есть у тебя это зелье. Завтра ты прогонишь львов.

— Прогоню,— решительно заявил Махамба.

Вдруг издали донесся знакомый рев. Все умолкли и напряженно прислушивались. Через минуту заревел второй лев, но уже значительно ближе. Вождь сурово посмотрел на Махамбу.

— Они охотятся за антилопой, не за людьми! — поспешил отозваться следопыт.

— Может ли это быть? — возразил вождь.— Не так давно проклятая львица охотилась вместе со старым львом. Потом мы слышали рыкание дерущихся львов, а на следующий день львица привела молодого льва. Могут ли львы, которые вчера были нашими врагами, сегодня стать друзьями?

— Вождь, они охотятся за крупной дичью, не за людьми. Много ли дичи в долинах?

Вождь поднял тонкую руку и по пальцам стал пересчитывать.

— Стада уходят из долины. Осталось только маленькое стадо гну, стадо газелей и несколько антилоп. Не будь здесь этой проклятой львицы, львы последовали бы за стадами, но теперь они остались и ищут мяса в краале.

Махамба решил быть упорным.

— Львы охотятся за антилопами,— твердо повторил он.— Утром я принесу вождю мясо антилопы, которую загрыз лев.

— Хорошо, принеси,— промолвил вождь и, завернувшись в одеяло, ушел в свою хижину.

Махамба натер босые ноги и тело душистым соком какого-то растения и незадолго до восхода солнца покинул крааль. Когда он вышел из полосы света, отбрасываемого кострами, какая-то тень мелькнула за кустами и последовала за ним. К счастью для Махамбы, выпала роса, а по траве, окропленной росой, даже львица не может скользить бесшумно.

Махамба услышал шорох. Услышал он и тихое ворчание, показавшееся ему страшнее, чем самый яростный рев. Припав к земле, он ползком добрался до зарослей колючего кустарника и, не обращая внимания на царапины и уколы, забился в кусты. Ноги он подобрал как раз в тот момент, когда львица сделала прыжок. Но добыча ушла от нее из-под носа.

Львица подняла голову и увидела засевшего в кустах Махамбу. Несколько раз она обошла вокруг куста, но со всех сторон колючки преграждали путь. Подойдя ближе, она попыталась лапой вытащить из кустов добычу. Но Махамба успел сделать все необходимые приготовления. Он сломал длинный пустотелый стебель, срезал его верхушку, выдолбил сердцевину и в пустой канал насыпал нюхательного табаку. Потом прицелился, набрал в легкие воздуха и выдул весь заряд в желто-зеленый глаз львицы.

Львица попятилась и завывала от боли. Морда ее покрылась пеной. Она терлась головой о землю, разевала пасть и, повизгивая, уходила все дальше от кустов.

ГЛАВА IX

Махамба и львы. На сцену выступает мбонго

Ободранный и исцарапанный Махамба выполз из кустов. На черной коже царапины были белые, а не красные, как у людей со светлой кожей. С удовольствием прислушивался он к жалобному вою львицы, которую попотчевал нюхательным табаком.

Очень хотелось ему вернуться в крааль, но, поразмыслив, он решил, что безопаснее иметь дело со львом, чем явиться с пустыми руками к вождю. В худшем случае львы загонят его на дерево, а вождь может убить, если он не принесет добычи.

Махамба ползком пробирался в росистой траве. Наконец взошло солнце, и, словно драгоценные камни, засверкали росинки. Махамба влез на высокую мимозу, разукрашенную блестящими желтыми сосульками смолы, и, греясь на солнце, терпеливо ждал. Весть принесла ему ворона, которая прилетела с холмов и, каркая, опустилась на дерево на расстоянии полумили от Махамбы.

— Ха! — сказал Махамба, обозревая местность.— Ворона увидела мясо. Но почему она не опустится на землю? Должно быть, кто-то стережет добычу.

Быстро направился он к дереву, на котором сидела ворона. Птица тотчас же его заметила и громко закаркала. Перебегая от муравейника к кусту, от куста к холмику, Махамба наконец остановился под деревом. Ворона переводила блестящие круглые глаза с Махамбы на недоеденную тушу антилопы, возле которой отдыхали два льва.

Львы, забыв о ссоре, заключили мир и ночью охотились вместе. Им удалось загрызть антилопу и наесться досыта. После пира они улеглись в нескольких шагах от своей добычи и крепко заснули, тогда как им следовало бы пойти на водопой, а затем залечь где-нибудь в зарослях.

Махамба досадливо прищелкнул языком. Он не ожидал, что львы нарушат древний обычай. Раздосадована была и ворона. Она видела мух, кружившихся над мясом и не обращавших ни малейшего внимания на спящих львов, потом заметила быстро скользящие по небу темные точки — это приближались другие крылатые хищники. Нужно было спешить. Ворона легко опустила на землю и, искоса поглядывая на львов, зашагала к туше.

Не успела она проглотить кусочек мяса, как один лев раскрыл глаза и зевнул. Проснулся и второй лев. Он встал, потянулся, выпустил когти и вдруг заметил Махамбу, который выглядывал из-за дерева.

Махамба поспешил вскарабкаться на дерево, а лев величественно двинулся к нему.

— Ха! — воскликнул Махамба.

От волнения он чуть не свалился с дерева, так как по пучку черных волос между ушами узнал своего льва из Уа Бакка.

— Ха! Великий лев! Вспомни верного твоего слугу Махамбу, который кормил тебя мясом козы!

Услышав человеческий голос, старый лев зарычал и обратился в бегство, а Нгоньяма подошел ближе и поднял голову.

— Нет у меня козы,— почтительно сообщил Махамба, взбираясь на верхний сук.— Твой слуга виноват перед тобой. Если бы только он знал, что ты находишься

здесь... Но я вижу, что великий лев уже утолил голод и оставил кусочек для раба своего Махамбы.

Нгоньяма отвернулся. Как это ни странно, но блестящие хитрые глазки маленького сморщенного существа приводили его в смущение.

Махамба возгордился. Поистине, день был знаменательный: лев, его собственный лев, в котором обитал дух Мозелекаца, оказал ему великую честь, последовав за ним из Уа Бакки! У Махамбы будет о чем порассказать вождю! Задумчиво посматривал он на Нгоньяму, размышляя о том, удастся ли и впредь извлекать пользу из встречи со львом.

Нгоньяма был сейчас в расцвете сил: ему шел восьмой год. Густая грива покрывала его плечи, на массивной голове торчал между ушами пучок почти черных волос, по которому Махамба признал своего льва, клыки и когти были великолепны, спина широкая, мускулистая, передние лапы толстые и прямые.

Встав на задние лапы, Нгоньяма вонзил когти в кору дерева, потом тяжело опустился на землю, ударил себя несколько раз по бокам хвостом, украшенным кисточкой, и побежал по следам старого льва. С довольным карканьем ворона вернулась к туше антилопы, но Махамба прогнал ее и завладел передними ногами, головой и шеей, носившей следы клыков. С этой добычей побрел он в крааль, но на полпути остановился, разложил костер и поджарил порядочный кусок мяса. Махамба был человек предусмотрительный: он опасался, что вождь все лакомые куски оставит для себя. Так оно и случилось: когда Махамба положил добычу к ногам вождя, этот деспот велел своим женам приготовить сытный обед, а Махамбе не уделил ни кусочка. Мало того, он отказался выслушать Махамбу и удалился спать, хотя бедный следопыт горел желанием рассказать о своих приключениях.

Лишь после полудня вождь соизволил выслушать его рассказ. Махамба говорил не умолкая в продолжение двух часов. Говорил о росе, о шорохе и мурлыкании в темноте, о том, как подействовало на львицу «магическое зелье». Рассказал он о вороне и спящих львах, о мухах, жужжавших над мертвой антилопой, о пробуждении львов и последующих событиях. Не забыл упомянуть о цвете, размере и возрасте обоих львов и наконец

сообщил потрясающую новость: лев, его собственный лев, в котором обитает дух великого Мозелекаца, последовал за ним из Уа Бакка, и он, Махамба, его узнал и с ним беседовал. Затем Махамба сообщил, что говорил он льву и что лев ему отвечал. Действительно, рассказ вышел занимательным, так как Махамба умел правду приукрасить вымыслом.

Когда он описывал, как выглядит старый лев, советники вождя одобрительно закивали, так как по описанию узнали льва, сопровождавшего львицу. Когда он заговорил о великом Мозелекаце, вождь приосанился, а мбонго затянул хвалебную песню в честь своего повелителя, великого потомка Мозелекаца.

Сильное впечатление на слушателей произвел рассказ о постыдном бегстве львицы. Ночью они слышали ее злобный рев и сейчас не усомнились в словах Махамбы. С благоговением расспрашивали они о свойствах волшебного зелья. Конечно, они так и не узнали, что Махамба воспользовался горстью нюхательного табаку. А победа Махамбы не вызывала сомнений. Доказательство было налицо: он принес передние ноги, голову и шею антилопы и отдал добычу вождю, а вождь съел мясо. Такое событие следовало воспеть, и мбонго стал импровизировать песню, в которой ни слова не говорилось о Махамбе, но зато восхвалялся великий вождь, съевший мясо.

Махамба сердито покосился на мбонго, когда вождь милостиво предложил своему придворному льстецу промочить горло пивом. А Махамбе никто не предложил пива, и никакой награды он не получил. Тогда он робко намекнул, что не откажется взять в жены толстую девушку.

Женщины, которые стояли на почтительном расстоянии от мужчин, громко захохотали, а толстая девушка ближе подошла к костру и насмешливо захлопала в ладоши.

— Молчите! — крикнул вождь. — Молчите и слушайте меня! Правда, Махамба принес какие-то жалкие объедки, но они не заменят мне тех коз, каких утащили львы. Да, львица загрызла моих коз, а также двух мужчин, девушку и старуху из нашего крааля.

— Верно, верно! Мудрые слова! — вмешался мбонго. — Стоит ли говорить о жалких объедках, когда наш великий вождь лишился нескольких коз?

— Вот мой приказ,— продолжал вождь.— Пусть Махамба принесет мне голову львицы, а тогда я подумаю о его просьбе.

Махамба скорчил гримасу и проглотил обиду.

— Слово вождя есть слово вождя,— почтительно сказал он, предоставляя деспоту самостоятельно расшифровать этот уклончивый ответ.

Приблизительно в то самое время, когда Махамба начал свой рассказ, львица отыскиала львов, отдыхавших после охоты, и грозным рычанием дала им понять, что хочет есть. Они послушно встали, с любопытством посмотрели на ее воспаленный левый глаз и направились к тому месту, где оставили недоеденную тушу. Но они не нашли ни одной косточки.

Вдруг львица ошетибилась, почуяв слабый запах человека. Не обращая внимания на львов, она бросилась по следу. Запах привел ее к тому месту, где Махамба, разложив костер, поджаривал мясо и завтракал. Львы лениво следовали за ней. Львица, раздраженная запахом человека, стала красться к деревне. В ста шагах от костра она остановилась и спряталась в кустах как раз в тот момент, когда вождь приказал Махамбе принести голову львицы. А львица наметила своей жертвой ту самую толстую девушку, которую хотел взять в жены Махамба.

Между тем львы, встревоженные сильным запахом человека, не решались подойти к краалую. Один из них зарычал, и женщины поспешили придвинуться к костру.

Мужчины схватили асгеаи и тревожно посматривали то на вождя, то на Махамбу. Выстроившись в ряд, они ударили асгеаями по щитам. Женщины разложили несколько костров, дети спрятались в хижинах, мальчики постарше сновали среди взрослых. Все ждали, что скажет вождь. Быть может, такие же сцены происходили в те далекие времена, когда грозный тигр вел войну с пещерными жителями.

Вождь взял уголек и начал спокойно раскуривать трубку.

— Твой лев тебя зовет, Махамба,— проворчал он.— Ступай к нему.

Махамба пристально всматривался в темноту. Широкие ноздри его раздувались. Взяв небольшую циновку, сплетенную из травы, он свернул ее в трубку, положил

в нее несколько угольков и стал ею размахивать, пока из трубки не повалил дым.

— Вождь,— сказал он,— это не мой лев; это лев великого Мозелекаца. Я бедный человек, и слов у меня нет. Пусть пойдет со мной мбонго и побеседует с Мозелекацем.

Мбонго запротестовал, но вождь приказал ему сопровождать Махамбу и обратиться с хвалебной речью к великому черному вождю Мозелекацу, вселившемуся в льва.

Вдвоем они вышли из круга света. Махамба остановился и прислушался. Где-то неподалеку слышалось мурлыканье; всматриваясь в темноту, Махамба смутно разглядел притаившуюся за кустом львицу. Размахнувшись, он бросил в темноту свою тяжелую дубинку и поспешно выдвинул вперед мбонго.

Он не ошибся в своих расчетах: львица действительно притаилась в кустах, и дубинка ударила ее по спине. Зарывав, она прыгнула и сбила с ног злополучного мбонго. Стоя над ним, она рычала, собираясь утащить в кусты свою добычу. Но Махамба раздул угли в трубке и бросил пылающую циновку прямо в морду львице. Заревев от боли, она убежала в темноту, а окровавленный мбонго, пронзительно визжа, помчался в крааль.

Махамба вернулся к вождю, который по-прежнему восседал у костра и мирно курил трубку.

— Львица ушла и больше не придет,— объявил он.— Усы ее сгорели, и теперь она нам не страшна. Великий вождь, я прогнал львицу.

Вождь засмеялся. Это был злой, кудахтающий смех. Вождя развеселило постыдное поражение мбонго. Кто-то тоненьким голоском затянул хвалебную песню, и в круг света, отбрасываемого костром, вступил босоногий мальчуган в длинной рубашке. Этот малыш, сообразительный, как и все туземные дети, импровизировал песню, в которой повествовал о злоключениях мбонго и перевозносил вождя. По-видимому, мальчуган метил на место придворного поэта и льстеца, и труды его не остались без награды. Вождь угостил его пивом, и мальчик, приободрившись, затянул новую песню, но ни единым словом не обмолвился о Махамбе и славной его победе, словно не было на свете никакого Махамбы.

А Махамба, никогда не бывший придворным, лстыть не умел и знал только свое мансовое поле да лесные тропы, где расставлял ловушки и силки. С негодованием посматривал он на прыткого юнца.

— А кто опалил усы львице? — сердито крикнул он.— Кто, как не Махамба?

Желающий получить место льстеца ответил ему насмешкой и посоветовал убраться восвояси, а вождь в знак одобрения шелкнул пальцами. По приказу вождя Махамбе преподнесли тыкву, но не сочную и вкусную, а водянистую, такие предназначались для скота.

Махамба мрачно удалился, размышляя о вероломстве и неблагодарности деспотов и правителей. Всю ночь думал он о том, как бы повысить свой престиж и извлечь пользу из Мозелекаца. К утру созрел у него в голове хитроумный план. Явившись к вождю, он затянул унылую песню. В этой песне говорилось о духе Мозелекаца, который беседовал ночью со своим слугой Махамбой и рассказал ему о мертвом буйволе, о падеже скота, неурожае, нашествии львов, о голоде и смерти.

О грядущих бедствиях говорилось в песне, но храбрым человеком был тот, кто осмеливался предсказывать несчастье. Махамба посягнул на право Умтагати — знахаря и колдуна. Один только Умтагати пользовался правом пророчествовать и получать за это награду и кое-какие побочные доходы. И это право было ему пожаловано вождем.

Недобрым взглядом окинул вождь Махамбу. Он сам со своими советниками давно уже отметил признаки надвигающейся засухи и чумы. А Махамбу нужно было выслушать, так как народ в него верил.

Все, кто слышал песню Махамбы, сразу приуныли. Антилопы и гну покидали долину. Появились ястребы. В воздухе стоял запах гниения. Мутной и нечистой стала вода в старых водоемах.

Женщины подняли вой. Страшное бедствие надвигалось на них, и они с тревогой посматривали на вождя и Махамбу, словно только эти двое могли их спасти.

Поглаживая толстый живот, вождь хмурился и припоминал, как в дни своей юности пережил голод и чуму. Сейчас он грузный, жирный человек, а тогда был костлявым и слабым.

— Махамба из Уа Бакка,— сказал он,— предсказывает беду, но ни одного мудрого слова я не слышал. Махамба должен знать, как мы наказываем тех, кто предвещает недоброе!

— Выслушай меня, вождь! — взмолился Махамба. — Я не воин, я бедный следопыт, но то, что я видел, предвещает голод. И не только голод, но и чуму, потому что я наткнулся на мертвого буйвола, который лежал у водоема. Если великий вождь позволит мне говорить, я скажу все, что думаю.

Великий вождь милостиво дал свое разрешение, добавив, что иногда можно и из пустой болтовни извлечь мудрое слово. Махамба поднял руку и описал ею полукруг с востока на запад.

— Когда стада уходят, лев следует за ними.

Он умолк и плотнее завернулся в одеяло. Больше ему нечего было сказать. Вождь и советники задумчиво курили трубки и в глубоком молчании переваривали слова Махамбы.

— Откуда идет чума? — спросил наконец вождь.

Махамба указал на северо-восток.

— Куда уходят стада? — задал вопрос один из советников.

Махамба указал на запад.

Тогда заговорил старейший советник.

— Ха! В той стране много холмов, а дальше начнутся леса и кустарник.

Слушатели встрепнулись. Они поняли, что речь идет о переселении, и стали перешептываться. Раздавались отдельные слова и фразы: «Страна, где много холмов». «Там есть вода!». «Да, и хорошие пастбища». «Где пастбища, там и стада». «Там есть деревья и тростник для хижин». «И земля тучная, маис будет расти!»

Вождь, прищуриль серые глазки, смотрел на огонь костра и прислушивался к разговорам. Было ясно, что народ стоит за переселение. Поэтому он быстро принял решение.

Он не был бы вождем, если бы не умел действовать решительно. Отрывисто отдал он приказ. Бауэна — старший индун а — и с ним пятьсот воинов немедленно покинут крааль и отправятся в ту страну, где много холмов. Там они завладеют лучшими пастбищами. Если они встретят сопротивление со стороны местных жителей, пусть уничтожают врагов. Второй индун а и с ним двести воинов отправятся на следующую день и, придя в холмистую страну, построят загон для скота. Когда все будет готово, они пришлют гонца в крааль, и лишь после этого вождь отдаст приказ о всеобщем переселении.

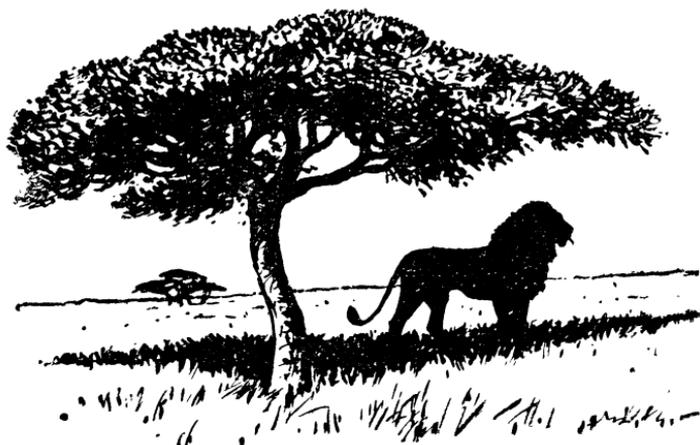
— Уа! — воскликнул Махамба. — Великий вождь забыл обо мне.

— Молчи! — прикрикнул тот. — Ты останешься здесь до конца. Если все пойдет хорошо, я дам тебе пять коз. Но если львы отсюда не уйдут, отвечать будешь ты!

Между тем Нгоньяма понятия не имел ни о предстоящем переселении, ни о великом черном вожде Мозелекаце. У него были свои заботы. Вместе со старым львом он отправился разыскивать львицу. Они нашли ее у пруда. Она металась и выла, словно одержимая. Только один глаз остался у нее — красный и воспаленный глаз. Обгорели усы и пучки волос над глазами.

Посмотрев на обезображенную морду, испуганный Нгоньяма убежал.

ГЛАВА X

Стада переселяются. Новая подруга

В южной Африке насчитывается до пятидесяти миллионов коз и овец, а когда лев и бушмен были главными потребителями мяса, около двадцати пяти миллионов газелей и антилоп паслись там, где теперь козы и овцы находят лишь скудный корм.

Земля оставалась плодородной, потому что стада газелей и антилоп переходили с места на место, покидая те пастбища, где трава была сожжена солнцем и высохли кусты кару — кустарника, — листья которого идут в пищу скоту. В отличие от коз и овец газели не оставались долго на одном месте, а на старые пастбища возвращались лишь тогда, когда отдохнувшая земля снова покрывалась густой и сочной травой. Вместе с газелями кочевали батальоны гну, бригады антилоп, эскадроны канн, и все эти несметные полчища уходили от засухи туда, где выпадали дожди. Таким образом, истощенная земля отдыхала и набиралась соков.

Случалось, что засуха охватывала целые области. Тогда переселяющиеся стада часто сливались в одно стадо и отправлялись на поиски тучных пастбищ. Не находя в обожженной солнцем степи ни корма, ни воды, животные, обезумевшие от голода и жажды, галопом мчались вперед, сметая на своем пути все живое. И бешеная их скачка не прекращалась, пока стада, уйдя от засухи, не добирались до тучных пастбищ.

В засуху львам жилось нелегко, и Нгоньяме большого труда стоило добывать себе пропитание. Часто проходил он десятки километров в поисках дичи, а долгая ходьба по сухой раскаленной земле раздражала мягкие подушечки на ступнях лап.

Как-то в знойный полдень он лежал под кустом, в обожженной солнцем степи. Подняв голову и прищурив желтые глаза, болевшие от яркого света, он всматривался в даль. От жары его клонило в сон, но, когда ухо его коснулось земли, он насторожился: казалось, земля дрожит и вибрирует, и дрожь эта вызвана топотом копыт.

Он встал и долго озирался по сторонам, но нигде не видно было ни одного живого существа. Над задыхающейся землей стлалась сероватая дымка. Нгоньяма прилег в тени, положив морду на вытянутые лапы. По сухой траве пробежал ветерок, поднимая завитки пыли. Сейчас вибрировала не только земля, но и воздух, словно где-то вдали проносились глухие раскаты грома. Гул нарастал, а вместе с ним нарастало и какое-то смутное беспокойство у льва.

Встревоженный лев встал и начал бродить по лугу, раздувая ноздри и озираясь по сторонам. Среди насекомых, ящериц и змей заметно было необычное оживление: прыгали огромные кузнечики, жуки забивались в свои норки, ящерицы прятались в кустах, гадюка заползла под камень и свернулась кольцами. Вдруг словно из-под земли вырос шакал. Навострив широкие уши, он долго смотрел на северо-запад, потом стрелой понесся на восток.

Нгоньяма остановился у куста и, наморщив лоб, прислушивался к нарастающему гулу. Наконец вдали показалось облако пыли; оно быстро приближалось. Припав к земле, он следил за этим облаком. Оно несло прямо на него, а шум, какого никогда в жизни не слышал

Нгоньяма, все усиливался. Теперь можно было отчетливо расслышать резкий стук копыт. Но Нгоньяма не был испуган. Он знал, что идет большое стадо, а чем больше стадо, тем легче охотиться.

Внезапно из-за каменной гряды, в полукилометре от куста, показался авангард приближающего стада, и лев с изумлением поднял голову. Он ждал появления газелей, но это были не газели, а хищники!

Невиданное зрелище: хищные звери убегали от травоядных животных! Можно было подумать, что из охотников они превратились в преследуемых. Он разглядел двух гиен, увидел рысью бегущих шакалов и стаю каких-то желто-черных животных — должно быть гиеновых собак. И все они бежали на восток, все были одержимы паническим страхом. Быть может, эта паника была вызвана появлением человека? Быть может, человек гнал стада? Широкие ноздри Нгоньямы раздувались, он втягивал воздух, но ощущал только резкий запах газели. Ничто не указывало на приближение человека.

За хищниками следовали антилопы. Они тоже убегали от смерти. Нгоньяма широко раскрыл глаза и поджал задние лапы, готовясь к прыжку. Он загрызет антилопу и наестся досыта! Но в эту минуту через каменную гряду с грохотом и треском перекатилась какая-то лавина. Можно было только разглядеть сливающиеся пятна — белые, красные, бурые. Это были стада — стада гну, газелей, антилоп-канны, слившиеся в одно большое стадо. Мелькали белые животы газелей, перепрыгивающих через гряду камней, но через минуту завеса пыли затянула каменный хребет и только несмолкающий грохот свидетельствовал о том, что несметные полчища продолжают надвигаться.

Нгоньяма оставил всякую мысль об охоте. Он посмотрел направо, налево, но поздно было бежать от катящейся лавины. Припав к земле, он оскалил зубы и глухо зарычал, но рычание было заглушено грохотом и гулом.

Обезумев от жажды, убегая от смерти, надвигающейся сзади, и не думая об опасности, подстерегающей впереди, передовые животные-самцы вели стадо. Они видели льва, притаившегося под кустом и грозно скалившего клыки, но в сторону не свернули. Они шли напролом, прямо на куст, а бежавшие по бокам обошли льва справа и слева.

Находившиеся в авангарде развили предельную скорость, следующие за ними ряды подвигались медленнее, а вся масса трусила рысцой; но те что остались в тылу, настойчиво пробивались вперед, а бежавшие в авангарде отставали и переходили в тыл. Голод и жажда гнали стадо, и все время вожаки смертельно боялись тех, что за ними следовали. Стоило животному оступить и упасть — и оно неминуемо погибало под острыми копытами задних рядов. Им грозила еще одна опасность: все время сотни газелей и гну делали прыжки. Взлетев на десять-двадцать футов в воздух, они опускались на чью-нибудь спину, так как животные бежали, касаясь друг друга, и не было свободного местечка между рядами.

Громко стучали копыта, резкое бляение прорезывало насыщенный пылью воздух; хрипло дышали измученные животные, большие испуганные глаза смотрели в одну точку.

Все стадо было охвачено паникой. Животные забыли о всякой осторожности, обо всем, чему научила их жизнь. Тяга к воде увлекала их вперед, и никакие препятствия не могли остановить катившуюся лавину. Если бы путь перерезала река с крутыми берегами, животные продолжали бы бежать навстречу гибели.

Припав к земле, Нгоньяма рычал от испуга, а бешено мчавшийся авангард налетел на него и понесся дальше. Задыхаясь от пыли, лев из первого испытания вышел живым, но уже надвигались на него следующие ряды. Он вскочил и передними лапами стал наносить страшные удары, но его сбили с ног, ранили острыми копытами. Он поднялся и в бешенстве стал бросаться

на пробегающих мимо животных, как вдруг из облака пыли ему на голову опустилась газель; он упал, в ноздри и рот забилась пыль, а лавина, не останавливаясь, катилась дальше.

Собрав последние силы, он встал и занял место в рядах бегущих животных. Об охоте он уже не думал и только смутно надеялся выпутаться из беды. Газели и антилопы его не замечали. Они бежали бок о бок с ним, толкали его, случайно задевали острыми рогами, ударяли копытами. Никто не обращал на него внимания. Вскоре он начал отставать. Он не мог бежать так быстро, как бежали газели; у него болели лапы, глаза были воспалены от пыли, он чувствовал мучительную жажду. Но гнев, овладевший им вначале, давно остыл, острые копыта научили его смирению.

Бежал он потому, что иного выхода не было: на него напирала сзади. Но наконец силы ему изменили, и он в изнеможении упал. Он находился уже в задних рядах, и это его спасло. Медленно прошли мимо животные, отстававшие от стада. Они брели, тяжело дыша и низко опустив голову. Глаза их казались стеклянными. Пока ноги не отказались им служить, они брели за стадом.

Пыль опускалась на льва и на отставших животных, но лавина уже пронеслась, и стук копыт замирал вдали.

Угоньяма отдыхал, закрыв глаза и с трудом переводя дыхание. Такой мучительной усталости он никогда еще не испытывал. Когда улеглась пыль, выползли из своих норок насекомые и пресмыкающиеся, которым посчастливилось спастись. Армия муравьев двигалась по направлению к растоптанной копытами ядовитой змее. Умирал шакал со сломанным позвоночником, а пряма-

тые, искалеченные кусты уродливо торчали над взрытой копытами землей. С трудом передвигая ноги, брели последние отставшие животные.

Нгоньяма встал, и все повернулись в его сторону. В нескольких шагах от него лежала молоденькая газель. Поодаль стояла ее мать — она не в силах была пошевелиться. А еще дальше брела, прихрамывая, антилопа. На нее обратил внимание лев. Проходя мимо маленькой газели, он едва не наступил на нее, а животное бессильно уткнулось мордой в песок. Антилопа пыталась убежать, но споткнулась и упала. Раньше чем успела она подняться, острые клыки вонзились ей в шею.

Вечером, когда стало прохладнее, Нгоньяма пошел на восток, вслед за стадами, зная, что рано или поздно доберется и до воды.

Ночью он видел дым костров: чернокожие воины, узнав о переселении травоядных животных, явились как раз вовремя, чтобы добить оставшихся. Разрезав мясо на длинные куски, они коптили его в дыму костров.

Пролетела ночь, но Нгоньяма продолжал путь. Шел он медленно, а к ночи ускорил шаги. Под утро он почувал запах львов, и часа через три подошел к каменистому руслу высохшей реки, берега которой густо поросли кустами. В глубоких выбоинах он нашел воду и пил долго, жадно. Утолив жажду, он стал бродить вокруг водоемов, обнюхивая землю. По запаху он узнал, что львы прогуливались здесь ночью. Следы вели в тростниковые заросли и кусты. Окончились злоключения Нгоньямы — страна, пораженная засухой, осталась позади.

В неподвижном воздухе раннего утра гулко пронеслось его торжествующее рыкание, и львы, отдохавшие в зарослях, узнали: в их владения вторгся чужестранец.

Из высокой травы вышла львица — длинная, мускулистая, гибкая. Крадучись, побежала она в ту сторону, откуда доносилось рыкание. Хотела она, сама оставаясь незамеченной, разглядеть пришельца, но из этого ничего не вышло, так как шорох травы предупредил Нгоньяму о ее приближении.

Нгоньяма был в расцвете сил. Еще не зажили раны, нанесенные ему рогами и копытами антилоп, но львица с первого же взгляда убедилась, что этот исхудавший, но сильный и мускулистый лев может защищать семью

и снабжать ее кормом. Такого спутника она не прочь была бы приобрести. Вот почему она начала заманивать пришельца в опасную зону, где ему предстояло сразиться с одним из молодых львов, предьявляющих свои права на львицу.

Она заигрывала с ним, бродила вокруг него. Потом отошла на несколько шагов и оглянулась. Видя, что Нгоньяма, словно зачарованный, следует за ней, она решительно углубилась в заросли и громко зарычала, призывая желающих за нее сразиться.

Ее зов был услышан, и львица поспешила отойти в сторонку, уступая место разъяренному молодому льву. Увидев соперника, лев грозно зарычал, и тогда только его появление было замечено Нгоньямой. Противники тотчас же припали к земле, и взгляды их скрестились. Казалось, они изучали друг друга. Если бы один из львов оказался слабее или трусливее другого, дело обошлось бы без драки. В таких случаях признающий себя слабейшим удаляется, пятась в кусты, а затем обращается в бегство.

Но, по-видимому, противники признали себя равными по силе. Следовательно, поединок был неизбежен. Они встали и медленно двинулись навстречу друг другу. Молодой лев нервничал и злобно рычал, но Нгоньяма безмолвствовал. Однажды он уже участвовал в поединке и сейчас готовился к атаке: он хотел застигнуть противника врасплох.

Пока молодой лев рычал, с удовольствием прислушиваясь к своему голосу, Нгоньяма перешел в наступление и, раньше чем враг успел опомниться, нанес ему два страшных удара. Лев попятился и встал на задние лапы. А Нгоньяма вонзил клыки в переднюю лапу и стиснул челюсти. Пытаясь вырваться, лев вывихнул лапу. Теперь он был беспомощен и при первой же возможности покинул поле битвы, ковыляя на трех лапах.

Нгоньяма не имел намерения преследовать врага и разрешил ему уйти. Торжествующим рыканием он известил всех о своей победе. Отныне львица принадлежала ему, а вдобавок он завоевал себе право охотиться в этих краях.

Когда замерло рыкание, львица начала ластиться к Нгоньяме, как ластилась бы и к его сопернику, если бы тот вышел победителем. Пока они резвились, на по-

ляну выбежали три льва и две львицы. Они слышали рев и заинтересовались исходом поединка. Выйдя на поляну, они убедились, что победил пришелец, а молодой лев был позорно обращен в бегство. По-видимому, его противник оказался испытанным бойцом. Самый крупный из трех львов величественно направился к Нгоньяме, а Нгоньяма равнодушно позволил себя осматривать. Лев подошел ближе и стал его обнюхивать. Нгоньяма стоял неподвижно, и только хвост его вздрагивал. Тогда большой лев взрыл задними лапами землю и оглушительно заревел. Такого рыкания Нгоньяма никогда не слышал и ответить на него не посмел. Львицы и другие два льва тоже подошли и обнюхали его. Потом все растянулись на земле и вскоре заснули.

Так Нгоньяма был принят в шайку хищников-бродяг.

ГЛАВА XI

Битва в тростниковых зарослях

Тигр и леопард охотятся в одиночку, изредка со своими самками, но львы нередко охотятся группой. Это объясняется тем, что охотится лев за быстроногими животными в открытой степи, а не в лесу и, следовательно, нуждается в помощи.

Стая гиеновых собак может загнать антилопу или газель, но лев на это не способен, так как он слишком грузен, и погоня его утомляет. Зато он может подкрасться к стаду и ловким маневром заманить его в засаду. Встречаются среди львов и одинокие охотники: это старые самцы или львы, добывающие корм для своих львиц. Им приходится подстергать животных у водопоя; но в общем лев любит общество и в этом отношении нимало не похож на угрюмого тигра, который держится особняком.

В зависимости от окружающей обстановки тигр становится охотником за людьми, либо охотником за домашними животными, либо, наконец, охотится за круп-

ной дичью, и выбор специальности влияет на его привычки, нрав и даже строение тела. Тигр, нападающий на домашних животных, грузен и ленив; охотник за крупной дичью — легче, проворнее, хитрее, а тигр-людоед отличается исключительной жестокостью и коварством.

В Африке, изобилующей крупной дичью, лев — прежде всего охотник за антилопами, газелями, зебрами; иногда случается ему загрызть домашнее животное, но за человеком он охотится лишь в случае крайней необходимости. Чем крупнее намеченная добыча, тем охотнее львы соединяются и действуют сообща. Самой легкой добычей для льва является зебра, а самой желанной — буйвол. Но буйвол серьезный противник, и не только лев, но и человек приближается к нему с опаской. Лев, охотящийся за буйволами, считается животным более опасным и сильным, чем его собрат, предпочитающий преследовать зебр.

Умеет защитить себя и антилопа. Бывали случаи, когда она отражала нападение льва и наносила ему страшные удары рогами, напоминаящими два серпа. Антилопы-канны менее подвижны и увертливы, чем другие антилопы, но их рога также являются опасным оружием. В Грут-Шууре одна молодая канна, напав неожиданно на своего повелителя — вожака стада, убила его на месте, пронзив рогом легкие. Несомненно такой удар и для льва оказался бы роковым, и, должно быть, не раз случалось, что канна в поединке со львом выходила победителем. Вот почему львы предпочитают охотиться вместе и общими силами добывать себе пропитание.

Нгоньяма был принят в шайку охотников и вместе с другими львами выходил на охоту. С методами охоты он познакомился еще в ту пору, когда был львенком, и сейчас не нуждался в обучении. Грузные старые львы устраивали засаду, а более молодые и проворные подкрадывались к стаду и гнали его в ту сторону, где прятались в траве охотники. Этот план изменялся в зависимости от той или иной местности и от количества дичи. Случалось, что отряд разбивался на отдельные группы либо львы охотились поодиночке, но и в том и другом случае охотники должны были проявлять все свое мастерство.

Для Нгоньямы жизнь вошла в колею. Словно тень, скользил он в зарослях, подкрадывался к мирно пасущимся стадам или же терпеливо караулил в засаде. Он убивал добычу, ел, пил, спал или часами лежал неподвижно и, прищурив глаза, смотрел вдаль. В сущности львы-охотники держали себя с достоинством и никаких упреков не заслуживали: друг с другом они не заводили ссор, самок своих не обижали, а зебр и антилоп загрызали только потому, что к этому побуждал их голод.

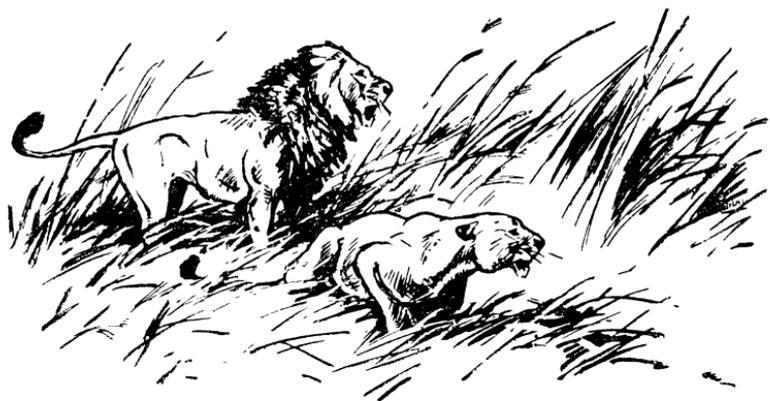
Сытная привольная жизнь пришлось Нгоньяме по вкусу. Он разленился и начал толстеть. Но его подругальвица происходила из семейства львов, охотившихся на буйволов, и к этой охоте она склонила Нгоньяму. Она знала, что неподалеку находятся тростниковые заросли, куда приходят пастись буйволы; там, в этих зарослях, хотела она вырастить своих детенышей.

Нгоньяма неохотно покинул мирные пастбища. Шли они две ночи, а к утру третьего дня увидели тростниковые заросли на опушке леса, спускающегося в глубокое горное ущелье.

На широкой лужайке, между зарослями и темной стеной леса паслось стадо буйволов. Их было пятнадцать голов — пять буйволов, две огромные злые и старые буйволицы и несколько буйволиц с детенышами. Высокая трава доходила им до колен. Сюда еще не перебралась чума, и буйволы имели вид сытый и довольный. Нгоньяма потянул носом воздух: с этим сортом дичи он был уже знаком.

Стояла безветренная погода, и буйволы не могли почувать запаха львицы и льва, притаившихся в тростнике. Но какой-то таинственный инстинкт уведомил их о близости врага. Они перестали щипать траву, насторожились и посмотрели в сторону зарослей, потом буйволовожак громко заревел, а две старые буйволицы злобно замотали головой.

Львица искоса посмотрела на Нгоньяму. Он выступил вперед и величественно окинул взглядом стадо. Все головы повернулись в его сторону. Пять буйволов, здоров вверх блестящие черные морды, двинулись ему навстречу и остановились. Матери со своими детенышами медленно пошли по направлению к лесу, а две старые буйволицы заняли место с правого фланга.

Нгоньяма задумчиво посмотрел вслед уходящим детенышам, потом повернулся налево, к зарослям. Буйвол, стоящий справа, двинулся вперед. В это время зашелестел тростник: львица подкрадывалась к стаду. Заметив второго хищника, пять буйволов и две буйволицы с ревом бросились в атаку, а матери с детенышами скрылись в лесу. Взбешенные буйволы, ломая тростник, метались в зарослях, но враг был уже далеко. Нгоньяма находился на расстоянии полукилометра; он злобно рычал, возмущенный поведением буйволов. А львица спряталась в самой гуще зарослей; она кружилась на одном месте, приминая тростник и устраивая логовище.

Буйволы покинули старое пастбище. Они нашли другие поляны у опушки леса и туда приходили пастись. Теперь для Нгоньямы и львицы задачей являлось найти новое пастбище буйволов, и целую неделю они занимались слезкой. Нужно было вооружиться терпением и соблюдать величайшую осторожность. Бесшумно скользили они в тростнике, предусмотрительно держась наветренной стороны. Найдя тропу, по которой ходило стадо, они обошли ее, чтобы буйволы не почуяли запаха львов.

Охотились они в противоположной стороне, и почти каждый день им удавалось загрызть дикую свинью или водяного козла. Благодаря постоянному преследованию дичи они спустили лишний жир, окрепли и закалились.

К концу второй недели они узнали, что стадо часто забирается в заросли, где поедает молодые зеленые побеги. А тростниковые заросли являлись удобным местом для нападения, так как здесь буйволы, разбредясь в разные стороны, друг друга не видели. Лвица решила, что настал момент приступить к действию.

Однажды буйволы отважились забраться в глубь зарослей, а хищники стали красться по следам стада. Тростник трещал, ломаясь под ногами пасущихся животных, и за шумом не слышно было, как подходили львы. А так как погода стояла безветренная, то запах не выдавал их присутствия. В высоком тростнике не видно было ни буйволов, ни львов.

Припадая к земле, хищники кралась к стаду. Но и буйволы соблюдали осторожность: то один, то другой возвращался назад и прислушивался. У стада были свои караульные, заботившиеся о безопасности буйволиц и буйволят.

Львам часто приходилось сворачивать в сторону и обходить те места, где блестела стоячая вода или где тростник был примят. Когда буйволы останавливались и прислушивались, хищники немедленно следовали их примеру.

Преимущество было на стороне львов, поскольку они знали, где находятся буйволы, тогда как буйволы не подозревали, что за ними следят. Но зато тростник, не

являясь препятствием для нападающего буйвола, стесняет свободу движений льва.

Вдруг раздалось громкое хлюпанье и ворчание. Все стадо сразу притихло: один из буйволов увяз в грязи и с трудом высвободил ногу. Стадо успокоилось, когда он снова принялся за еду.

Нгоньяма стал красться к топкому месту, откуда доносилось ворчание, а львица скользнула в противоположную сторону. Они близко подошли к стаду, и если бы одного из них постигла неудача, то другой должен был поспешить на помощь. Своей добычей они наметили молодую буйволицу, а на обязанности льва лежало отвлечь внимание буйволов, пока львица не покончит с жертвой. Итак, лев двинулся налево, чтобы сразиться с буйволом.

Послышалось хлопанье крыльев. Стая буйволовых птиц, питающихся клещами, пронеслась над зарослями. Птицы опустили на спину буйволов и стали искать насекомых. Теперь буйволы могли спокойно пастись: присутствие птиц являлось для них защитой, так как зоркий глаз птицы видит опасность издалека. Вот почему львы были очень недовольны появлением птиц, и действительно, одна из них заметила огромную лохматую голову и тотчас же подняла тревогу. Заслышав ее крик, стадо насторожилось, и несколько минут протекло в глубокой тишине. Лев припал к земле, засунул голову под примятый тростник и замер. Львица еле дышала.

Наконец стадо пришло в движение, но животные уже не пережевывали побегов — очевидно, они были встревожены. Нгоньяма поднял голову, птицы с громкими криками полетели к нему, а львица скользнула вперед. Буйволы все до одного повернулись и стали смотреть в ту сторону, где кружились над Нгоньямой птицы. Львица воспользовалась этим моментом и прыгнула на спину молодой буйволицы, а лев с ревом рванулся вперед.

Началась паника. Ломая тростник, матери с детенышами бежали по направлению к лесу, и от топота дрожала земля. Львица, злобно рыча, старалась вонзить клыки в шею молодой буйволицы, но та стряхнула ее со спины как раз в тот момент, когда Нгоньяма, сделав гигантский прыжок, всей своей тяжестью придавил буйволицу и повалил на землю. Она жалобно заревела, и тот-

час же с трех сторон выбежали из зарослей три буйвола. Один из них головой подбросил львицу в воздух, и та с распростертыми лапами и разинутой пастью высоко взлетела над тростником. Упав на землю, она сделала попытку улизнуть, но буйвол подждал ее, и, пронзив обоими рогами, пригвоздил к земле.

Львица извивалась и когтями раздираала ему шею. Он попятился, но на смену ему явились две расвирепевшие старые буйволицы, и через несколько минут львица превратилась в бесформенную массу.

Нгоньяма сломал молодой буйволице шею, но в этот момент на него напали два буйвола. Пустив в дело кльки и когти, лев пригнул одного из них к земле, но второй нанес ему тяжелую рану и обратил в бегство. Топот и рев слышались еще несколько минут, а затем буйволы, взмыленные и окровавленные, галопом помчались к лесу.

Нгоньяма выполз из-под примятого тростника, под которым спрятался, когда счастье от него отвернулось. Из битвы он вышел искалеченным. Приблизившись к телу львицы, он долго его обнюхивал, потом сел и стал зализывать раны. Охота оказалась неудачной. У Нгоньямы одно ребро было сломано, на левом плече зияла рваная рана, и он не мог ступить на левую заднюю лапу.

Отдохнув, он спустился к воде, хромая, утолил жажду и вернулся на поле битвы. Здесь Нгоньяма опустился на землю возле мертвой буйволицы и плотно поел. После обеда он погрузился в сон. Девять дней спустя Нгоньяма покинул тростниковые заросли. На боку у него виднелась шишка в том месте, где срослось сломанное ребро; рана на плече зажила, но на левую лапу он хромот.

Ему хотелось вернуться к львам, с которыми он вместе охотился, и на третий день он нашел недоеденную тушу антилопы, загрызенную львами. Он обглодал все кости, это был его первый обед с тех пор, как он доел мясо буйволицы, погибшей в зарослях. Приободрившись, он поплелся дальше и вскоре увидел львов, отдыхающих после пира.

Они встретили его равнодушно, но затем проявили необычайное внимание. Львы заметили, что он хромот, а калека им не нужен. Самый крупный лев встал, сде-

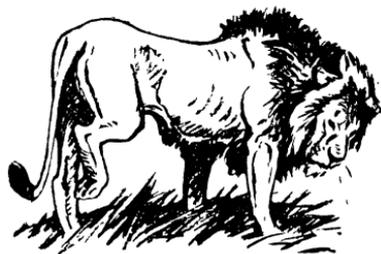
лал несколько шагов и, низко опустив голову, обнажил клыки. Нгоньяма повернулся и прихрамывая побрел прочь. Он сразу понял намек, и так как шансы были против него, то ему оставалось только удалиться. Неизвестно, был ли он рассержен, разочарован или удручен. Своих чувств он не проявил.

Старый лев посмотрел ему вслед и тяжело опустился на землю, но лев молодой — тот самый, которого Нгоньяма несколько недель назад обратил в бегство, — задумал свести счеты с бывшим своим соперником. Забежав на полкилометра вперед, он подстерег хромого льва и немедленно открыл военные действия: хвост задрал кверху, сделал прыжок, перевернул противника на бок и тотчас же отскочил.

Нгоньяма не мог ступить на левую лапу и, следовательно, был уязвим с левой стороны. Несколько раз молодой лев повторял свой маневр, нанося врагу тяжелые удары. Он прыгал и отскакивал, и было ясно, что развязка близка.

Наконец он лапой разодрал ему старую рану, и тогда Нгоньяма расшвырнулся. Прыгать он не мог и побежал рысцой к отпрыгнувшему врагу. Тот не уклонился от встречи, а Нгоньяма этого только и добивался. В последовавшей схватке зубы Нгоньямы вонзились в горло льва. Раздалось хрипение, и все было кончено.

Нгоньяма, хромая, потащился дальше. Шел долго, пока не добрал до воды. Он напился и шершавым языком зализал свои раны. Потом залез в кусты, где его не беспокоили мухи. Здесь он оставался до тех пор, пока не зажили раны.

ГЛАВА XII

Пария и человек

Нгоньяма ковылял по выжженной степи. До захода солнца оставалось около часу, и длинные тени кустов протянулись по земле. Нгоньяма был взрослым сильным желтогривым львом, а ковылял он потому, что один из мускулов на задней ноге был разорван длинным рогом буйвола. Случилось это в те дни, когда Нгоньяма, гордый своей силой, имел подругу и вместе с ней охотился в тростниковых зарослях. Теперь львы не принимали его в свою компанию, и он — изгнанник, пария! — вынужден был одиноко бродить по степи и питаться падалью.

Нгоньяма не мог прыгать. Передние лапы его не были повреждены — массивные лапы с широкими подушечками и длинными острыми когтями — и клыки его по-прежнему оставались страшным оружием но для прыжка лев должен поджать задние лапы и с силой оттолкнуться от земли: этого Нгоньяма сделать не мог. Он походил на военное судно со сломанным винтом. Подойдя к врагу вплотную, он становился грозным и опас-

ным противником, но ни преследовать, ни убежать он не мог. Эта неспособность убежать — или, вернее, быстро и с достоинством удалиться — и превратила его в парию. Он не мог найти себе подругу, потому что ни одна львица не станет смотреть на льва, который не в состоянии ее прокормить. Но он даже не попытался искать подругу, так как молодые львы всегда одерживали над ним верх. Они коварно нападали на него сзади, и ему ничего не оставалось, как прятать искалеченную заднюю половину тела в колючие кусты, чтобы избежать нападения с тыла. Это делало его смешным, так как противник оставаясь ненаказанным, удалялся со львицей.

Под влиянием этих постоянных неудач и оскорблений Нгоньяма стал мрачным и свирепым, а физический недостаток лишил его возможности охотиться. Ему приходилось изощряться, чтобы добыть себе пропитание: он стал вором — вором лукавым и коварным, не гнушающимся общества ворон, шакалов и гиен. Он следил за охотниками. Когда другие львы, утолив голод, уходили на отдых, он подкрадывался к остаткам пиршества и питался объедками. Его задачей было выслеживать львов-охотников, идти за ними и терпеливо ждать.

Но теперь — с наступлением засухи — почва походила на раскаленное железо; горячий ветер шелестел в обожженной солнцем траве, трещали жесткие сухие листья, в руслах рек не было воды. Крупная дичь покинула старые пастбища, а вслед за дичью ушли и львы-охотники. Тяжелые времена настали для Нгоньямы. Вот почему в этот жаркий предвечерний час он брел, голодный и одинокий по раскаленной степи.

Шел он в страну зарослей и холмов, а к ночи спустился в русло высохшей реки, надеясь найти воду и поймать хотя бы несколько лягушек. Но воды не было. Он нашел только жидкую грязь в выбоине и пожевал влажную землю. С берега смотрел на него, скаля зубы, шакал.

Взошла луна, и засеребрился белый песок в русле реки. Скользя бесшумно, как тень, лев поплелся дальше. Там, где русло реки расширялось, он остановился, поднял голову и широко раскрыл глаза. Обычно у льва глаза бывают прищурены, словно на мир он взирает с высокомерным презрением; но, широко раскрытые, они огромны и светятся зеленовато-желтым светом.

На высоком берегу реки он увидел какое-то странное существо. Оно сидело, скрестив руки и опустив голову, и громко храпело. Лев решил, что странное существо спит. Это был человек. Вдруг он поднял голову, заморгал, посмотрел прямо на льва и снова закрыл глаза. Нгоньяма ничего не понимал. Уж не попал ли он в ловушку? Он оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. Взглянув еще раз на спящего человека, он стал подниматься по крутому склону.

Был он на полпути, когда человек снова раскрыл глаза и посмотрел в упор на приближающегося льва. И тотчас же сон слетел с него, а глаза расширились от ужаса. Лев поджал задние лапы, готовясь к прыжку, потом вспомнил, что прыгать он не может. Вытянув огромную лапу, он вонзил когти в землю и подтянулся выше. Дважды повторил он этот прием и все время не спускал глаз с перекошенного лица там наверху.

И вдруг с искривленных губ человека слетел слабый стон, перешедший в вопль, такой пронзительный и страшный, что лев сорвался и покатился по откосу. Когда он встал, на берегу раздавались крики, слышался топот ног. Нгоньяма скользнул в тень и рысцой побежал прочь.

Человек на берегу был одним из караульных, расставленных вдоль реки. Когда товарищи подбежали к нему, он не мог выговорить ни слова. Его отнесли в палатку, а кутру он оправился и обрел дар речи. Товарищам он рассказал о происшествии прошлой ночи. На берегу реки было холодно; он завернулся в одеяло, карабин положил на колени и задремал. Сквозь сон открыл он глаза и увидел внизу осла. Ему показалось странным, как очутился здесь осел. Пересилив дремоту, он снова приоткрыл глаза и вдруг понял, что это не осел, а лев, взбирающийся по откосу. Онемев от холода, он не мог пошевеливаться, не мог схватить карабин. Вот тогда-то он и стал кричать. Товарищи нашли это объяснение незаслуживающим доверия, но, вернувшись на место происшествия, они ясно разглядели следы льва.

Быть может, благодаря этому приключению лев-пария сообразил, что впредь не следует пренебрегать такой дичью, как человек. Бредя по руслу реки, он почуял острый запах человека и решительно свернул в сторону, намереваясь произвести расследование. Запах привел

его к колючей изгороди между двумя каменными глыбами. За изгородью виднелось пять хижин, большой сарай, где хранились запасы маиса, маленький — для кур и загон для коз. Прижавшись мордой к дыре в изгороди, он громко потянул носом воздух. Этот звук услышали куры и испуганно закудахтали; потом раздался пронзительный женский голос.

Нгоньяма припал к земле и затаил дыхание, ожидая, когда уляжется тревога. Так долго оставался он неподвижным, что можно было принять его за спящего. Наконец он встал и дважды обошел вокруг краая. В изгороди не было ни одного отверстия, в которое Нгоньяма мог бы пролезть. Он подошел к воротам, просунул голову между кольями, налег на них, и кольца с грохотом упали, а Нгоньяма вошел во двор.

Отчаянно кудахтали куры, а женщины, сидевшие каждая в своей хижине, начали перекликаться и высказывать догадки, кто вошел во двор — лев, леопард, гиена, белый человек или просто злой дух.

Бесшумно ступая, Нгоньяма отправился на разведку. Он осмотрел все хижины, курятник, загон для коз, но к козам доступа не было. Найдя во дворе лужу, он напился и стал глотать валяющуюся на земле кость.

Тогда хозяин краля — звали его Мафумло — решил принять участие в прениях, открытых его тремя женами.

— Молчите! — крикнул он. — О чем вы спорите?

Вопрос мог показаться излишним, так как он и сам прекрасно знал, о чем идет речь.

Три жены наперебой начали ему объяснять, что кто-то вошел во двор, а затем единогласно потребовали, чтобы он, Мафумло, выступил на защиту своего имущества.

— Уа, — сказал Мафумло, — все вы дуры. Кто запирает ворота?

— Нозанна! — отозвались два голоса.

— Ну так пусть Нозанна пойдет и снова их запрет.

— Хи-хи! — злорадно захихикали две женщины.

Нозанна была второй женой, и с ней никто не считался. Мафумло заплатил за нее только две козы, так как ее отец был бедняком. Плохо жилось Нозанне, и на ее долю выпадали попреки и побои.

Нозанна презрительно щелкнула пальцами, причмокнула губами, но делать было нечего. Приоткрыв дверь своей хижины, она на четвереньках выползла во двор. Громко закудахтали куры. Нозанна попятилась, вернулась в хижину и только голову высунула в щель. Окинув взглядом знакомый двор, она увидела между одной из хижин и загоном для коз темное пятно. Вглядевшись пристальнее, она убедилась, что какое-то большое животное пробралось во двор. Оно не смотрело в ее сторону, так как все его внимание было сосредоточено на мозговой кости, которую Нозанна припрятала для своего супруга. У животного голова была огромная, и Нозанна, узнав льва, затрепетала.

— Эй, ты, лентяйка! — крикнул Мафумло. — Завтра я тебя угощу палкой.

Женщины засмеялись, и в эту минуту блестящая мысль осенила Нозанну. Осторожно выползла она из хижины, тенью скользнула к воротам, и, очутившись за оградой, быстро влезла на дерево.

— Ну, что? Готово? — осведомился Мафумло. — Заперла ворота?

— Да! — закричала Нозанна. — Я поймала вора! Иди скорей!

Мафумло схватил асsegай, распахнул дверь, вышел во двор и наткнулся на льва. Передней лапой лев нанес ему страшный удар, и Мафумло навеки потерял всякий интерес к мозговым костям.

Нгоньяма посмотрел на неподвижное тело, лапой подтянул его к себе, обнюхал и замурлыкал от удовольствия. Потом схватил его и поволок прочь от крааля.

Тогда Нозанна спустилась с дерева, заперла ворота, взяла асsegай Мафумло и приказала двум трепещущим женам приготовить для нее горячую похлебку.

— Теперь я хозяйка этого крааля, — объявила она.

Между тем Нгоньяма спрятался в зарослях у подножия каменных глыб, на расстоянии нескольких сот шагов от крааля. Нозанна заметила, что он хромал, и

на следующее утро внимательно осмотрела следы его лап во дворе. После осмотра она убедилась, что лев не мог даже перепрыгнуть через невысокую изгородь, за которой находились козы. Тогда она приказала двум женам и их потомству набрать камней и отнести их к зарослям, куда удалился лев. Мальчишки стали швырять камни в кусты у подножия скал и потревожили сон Нгоньямы. Он громко зарычал, а когда началась настоящая бомбардировка, Нгоньяма вынужден был покинуть свое убежище; злобно рыча, он скрылся в зарослях. А Нозанна завладела нюхательным табаком своего погибшего супруга и стала называть себя «Убийца льва». Правда, лев был еще жив, но эта деталь не имела значения. Все-таки она, Нозанна, заставила его обратиться в бегство.

Нгоньяма остановился за кустом и оглянулся на крааль. Быть может, у него мелькнула мысль возобновить осаду, но торжествующая песня «Убийцы льва» изменила его планы. Он повернулся и рысью побежал прочь.

С удовольствием вспомнил он о Мафумло. Правда, мясо оказалось жестким, но голода он не чувствовал. И как легко было завладеть добычей! Один удар — и готово! Нгоньяма растянулся в глубокой тени у подножия скалы и стал лизать лапы. Потом он задремал. Ночью его разбудил рев его собратьев, направившихся на охоту. Он быстро встал и отправился в путь, надеясь, что и на его долю выпадет лакомый кусочек. Снова раздалось оглушительное рыкание, и Нгоньяма ускорил шаги. Один из львов завладел добычей и великодушно приглашал друзей на пир.

Нгоньяма забыл о своем несчастье, забыл о том, что стал парией, которого львы изгнали из своей среды. Он поднял лохматую голову и в ответ на призыв заревел протяжно и громко.

Велико было его разочарование, когда, выйдя на просеку, откуда доносился запах зебры, он увидел молодого черногривого льва, преградившего ему путь. Нгоньяма смерил взглядом дерзкого юнца, решил, что справиться с ним будет нетрудно, и, прихрамывая, пошел дальше. Сделав шагов десять, он остановился: над тушей зебры показалась голова взрослого льва, который пристально посмотрел на Нгоньяму, а затем протяжно зевнул.

На сцене появилась львица. Высокомерным взглядом окинула она пришельца и направилась к зебре. Было в ней что-то, смутно напоминавшее Нгоньяме его властную подругу — ту, что погибла в тростниковых зарослях во время стычки с буйволами, которые его искалечили. Охваченный этими воспоминаниями, Нгоньяма призывно замурлыкал.

Львица посмотрела на льва, который уже начал терзать зебру. Казалось, взгляд ее говорил: «Прогони этого попрошайку!» Затем она растянулась на земле и принялась за еду.

Лев нехотя встал и двинулся навстречу Нгоньяме. По-видимому, он решил поскорей покончить с неприятным делом, но калека ждать его не стал. Пятясь и грозно рыча, он покинул лужайку, а лев был настолько великодушен, что не преследовал врага. Когда Нгоньяма вошел в заросли, лев остановился и тихо зарычал ему вслед. Можно было подумать, что он говорит:

— Ваше присутствие нежелательно. Но если после пира останутся объедки, можете их разделить с шакалами.

Нгоньяма был взбешен и стал скрести передней лапой землю. Это был непростительный промах: всякий благовоспитанный лев скребет землю задними лапами.

Его противник с достоинством повернулся и пошел степенно назад, но, увидев, что на пир явились еще два гостя, он в два прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от зебры. Нужно было спешить, пока кто-нибудь другой не занял его места на банкете.

Между тем Нгоньяма решил не дожидаться конца пира. Под покровом ночи он прошел около двух километров. Затем мимо пробежали два шакала. Вскоре его обогнала гиена, которая бежала по следам шакалов, и лев рысцой пустился за ней. Счастье ему улыбнулось: в высокой траве лежала лошадь — мертвая лошадь, взнузданная и оседланная. На костях оставалось еще много мяса, и Нгоньяма завладел добычей к великому неудовольствию пяти шакалов и одной гиены. Досадно было ему, что шакалы, заметив его слабость, присоединились и под самым его носом терзали переднюю ногу лошади, а наглая гиена глодала кость на расстоянии прыжка от него.

Но Нгоньяма старался не обращать на них внимания и ел, пока не насытился. Потом он пошел к пруду и утолил жажду. Теперь недурно было бы вздремнуть.

Нгоньяма спрятался в траве на берегу пруда и заснул, как только закрыл глаза. Но белый человек, сидевший в кустах и тревожно всматривавшийся в темноту, не спал ни одной минуты. Он слышал, как лев лакал воду. Потом спустилась тишина, но человек не сомневался в том, что убежище его открыто. Нужно удирать, пока не поздно.

Утром худой, измученный человек, сидевший у подножия каменной глыбы, увидел льва, который, хромая, брел по его следам. Человек догадался, что этот самый лев приходил ночью к пруду. Тогда лев его не тронул, но кто знает, будет ли он сейчас столь же великодушен. Вот почему человек поднял ружье и прицелился в широкий лоб льва. Заметив человека, Нгоньяма — усталый калека и скиталец — остановился и осмотрелся по сторонам. Убедившись, что опасность ему не угрожает, он со вздохом опустился на землю и положил тяжелую голову на вытянутые передние лапы.

Человек клевал носом. Восходящее солнце слепило глаза, и Нгоньяму стало клонить в сон. Через несколько минут оба крепко спали. Человек проснулся, потому что лучи солнца немилосердно жгли ему кожу. Вздрогнув, он широко раскрыл глаза, увидел льва и схватил ружье. Потом вспомнил, что утром лев его пощадил. Сухие, потрескавшиеся губы человека сложились в улыбку.

— Ах, ты, старый вояка! — пробормотал он и помахал Нгоньяме рукой.

Между тем лев успел подойти шагов на двадцать ближе и сейчас отдыхал в тени мимозы. Когда человек встал и, прихрамывая, пошел дальше, Нгоньяма, тоже прихрамывая, потащился за ним.

В полдень человек оглянулся на своего мрачного спутника. Он увидел, что лев стоит неподвижно и пристально смотрит куда-то вдаль. Потом он повернул свою огромную лохматую голову и посмотрел на человека.

Человек остановился и заслонил рукой глаза от солнца. На расстоянии трехсот шагов от него стояло под деревом какое-то животное.

— Ах, ты, молодчина! — прошептал человек.

Крадучись, он направился к дереву. Лев следовал за

ним. Наконец человек разглядел отдыхающую в тени антилопу. Он сделал еще несколько шагов, дрожащими руками поднял ружье, долго прицеливался и выстрелил. Антилопа упала. Человек отрезал несколько кусков мяса от бедра и отошел в сторону, чтобы разложить костер. Искося он посматривал то на льва, то на убитую антилопу.

Услышав выстрел, Нгоньяма припал к земле. Ни на секунду он не спускал глаз с охотника и наконец отважился подойти к антилопе. Обнюхав ее, он вздохнул и принялся за еду.

После обеда обоим захотелось пить. Человек не знал, где найти воду, но львом руководил инстинкт. Нгоньяма степенно пошел вперед. Человек следовал за ним. Через полчаса они пришли к пруду. Первым напился лев. Он растянулся на влажной земле и долго лакал воду, потом отошел от пруда, остановился и посмотрел на человека, который вскарабкался на высокую каменную глыбу. Человек помахал рукой, крикнул: «Молодчина!» и спустился к пруду. Здесь он напился и вымыл ноги.

Теперь нужно было найти какое-нибудь безопасное местечко. Человеку посчастливилось: он увидел густо разросшийся куст «уохт-ин-битж», ветви которого покоились на земле и были укрыты длинными кривыми колючками, высохшими и побелевшими на солнце. Срезав несколько ветвей, человек сможет залезть в самую середину, а вход забаррикадировать изнутри колючими ветками. Не обращая внимания на острые колючки, человек приступил к работе, и через несколько минут убежище было готово. Покончив с этим делом, человек влез на каменную глыбу, достал из кармана табак и закурил трубку. Искося посматривал он на льва, который лежал возле недоеденной туши, а лев в свою очередь следил за человеком.

Солнце склонилось к западу. Человек сидел неподвижно, погруженный в свои думы. Вдруг лев поднял лохматую голову. Человек оглянулся через плечо и увидел двух львов, которые, крадучись, подходили к убитой антилопе. Стрелой полетел он в кусты и поспешно забаррикадировал вход. Львы зарычали и, делая гигантские прыжки, помчались к колючей крепости.

Сквозь колючую изгородь они злобно смотрели на человека, потом несколько раз обошли вокруг куста, но

езде колючки преграждали им путь. Тогда они обратили внимание на Нгоньяму. Забыв, по-видимому, о человеке, они направились к нему.

Нгоньяма встал и отошел на несколько шагов от антилопы. Двигался он очень медленно, чтобы скрыть свою

хромому. Львы решили, что их приглашают участвовать в пиршестве. Величественно приблизились они к туше и принялись за еду. Но мяса осталось мало, слишком мало для двух здоровых взрослых львов. Учтя это обстоятельство, Нгоньяма счел необходимым занять выигрышную позицию на тот случай, если будет объявлена война.

Прекрасным убежищем для него был куст «уохт-ин-битж». Не спрашивая разрешения у владельца колючей крепости, Нгоньяма спрятал заднюю часть тела в кустах. Когда протянулись вечерние тени и козодои вылетели на охоту за мотыльками, два льва подошли к кусту «уохт-ин-битж». Они вспомнили о человеке, спрятавшемся в кустах, а так как обед был скудный, то даже человеком пренебрегать не следовало. Величественно приблизились они к Нгоньяме, высунувшему голову из куста, и остановились, пристально на него глядя. Если бы львы могли говорить, быть может, они повели бы такую беседу:

— Это твой человек?

— Совершенно верно,— ответил бы Нгоньяма, хотя в тот момент он совсем забыл о человеке.

— Ты не возражаешь против того, чтобы мы его вытащили из кустов и разделили добычу поровну?

— А как вы его вытащите?

— Мы предоставляем это тебе, так как ты, по-видимому, питаешь пристрастие к колючкам.

— Разве вы не видите, что я сижу здесь на страже?

— Как знаешь. Но мы не намерены ждать, пока человек сам оттуда вылезет.

— Это ваше дело.

— Проваливай-ка отсюда, ты нам мешаешь!

Конечно, и Нгоньяма и львы не сказали ни слова. Они только смотрели друг на друга. Наконец Нгоньяма рассердился и зарычал. По-видимому, львы решили, что с ним каши не сваришь. Один лев подошел к кусту справа, другой слева и спину изогнул дугой. В него-то и выстрелил человек, и пуля попала в позвоночник. Снова выстрел. На этот раз был ранен в бок лев, находившийся справа. Пребывая в полной уверенности, что эту каверзу подстроил ему Нгоньяма, он бросился на врага. Нгоньяме, оглушенному выстрелами, пришлось энергично защищаться. Правой передней лапой он нанес льву сильный удар, а затем вонзил ему в ногу клыки и,

злбно рыча, сжал челюсти. Лев ускакал на трех лапах, но в догонку ему была пущена третья пуля, положившая конец его страданиям.

— Это послужит им уроком,— грозно сказал человек.

Нгоньяма, хромая, отошел в сторону и долго смотрел на убитых львов. Обнюхав их, он вернулся к кусту и посмотрел на человека. Потом отправился ночевать в соседние кусты. Несколько раз он останавливался и поглядывал через плечо то на львов, то на человека.

— Ах, ты, старый вояка! — сказал человек, укладываясь спать.

Ране утром человек проснулся, окоченевший, искушенный муравьями. Он зевнул, посмотрел на сверкающие росинки, раздвинул высокими сапогами ветки, загромождавшие выход, и выполз из куста. Нгоньяма спал в высокой траве.

Спустившись к пруду, человек умылся, разложил костер и поджарил на завтрак кусок мяса. Потом посмотрел на двух убитых львов — жалко было бросать шкуры, но взять их с собой он не мог. Пошел он на юго-восток, определив направление по солнцу. Пройдя несколько шагов, остановился и крикнул:

— Эй, ты, старый вояка!

Услышав его голос, Нгоньяма широко раскрыл глаза, а человек помахал рукой:

— Я забыл о тебе, старина. Поднимайся, идем!

Он побрел дальше, потом оглянулся и не мог удержаться от смеха. Нгоньяма встал, потянулся, громко зевнул и величественно обозрел местность. Глаза его вспыхнули, когда он увидел убитых львов. Медленно подошел он к ним и долго обнюхивал, словно впервые увидел их. Затем подошел к обглоданному остову антилопы, обнюхал кости и спустился к пруду. Напившись, он уселся на берегу и долго смотрел вслед уходящему человеку.

Когда тот в последний раз оглянулся, лев все еще сидел на берегу.

В полдень человек, отдохавший под деревом, увидел льва, идущего по его следам. Подойдя ближе, Нгоньяма улегся под кустом и быстро заснул. Шелестела желтая трава, трещали сухие кусты, когда ветер пробежал по негостеприимной степи. У человека слипались глаза, но поблизости не видно было ни кустов «уохт-ин-битж», ни

каменных глыб, нагроможденных одна на другую, не было убежища, где бы он мог спать спокойно.

Поборов дремоту, человек поплелся дальше, а лев, услышав шорох, встал и побрел за ним. Вечером человек увидел валявшиеся на земле косточки дикого кизила. Вскоре нашел он и деревья и съел несколько ягод. Ночь он провел в пещере среди огромных каменных глыб, а утром с вершины холма обозрел местность. Глаза у него были красные, воспаленные. Никаких признаков дичи он не заметил, не было и воды. Он окликнул льва, но, по-видимому, тот покинул своего спутника.

Человек, волоча ноги, брел по степи. Наконец с вершины невысокого холма увидел он поляну, на которой паслось стадо антилоп. У него мелькнула мысль подкрасться к стаду, но через минуту он заметил, что на высоком муравейнике у края заросли стоит на страже антилопа. Следовательно, не было надежды подойти незамеченным. Какой-то шорох внизу привлек его внимание, и он увидел льва, притаившегося в желтой траве.

Нгоньяма поднял голову и посмотрел на человека. Тогда человек ползком спустился с холма и спрятался в кустах.

— Ну, что ж! — подумал он. — Посмотрим, как наш старый вояка останется в дураках.

Но у Нгоньямы план был другой. В былые дни он пригонял дичь к своей львице, а сейчас намеревался пригнать этих антилоп к человеку, который был, по-видимому, прекрасным охотником.

Человек не знал, что задумал Нгоньяма. Когда лев исчез в желтой траве, он с минуты на минуту ждал, что антилопы, почуввав опасность, скроются в зарослях. Но этого не случилось. Прошло около получаса. Вдруг антилопы, находившиеся в дальнем конце поляны, перестали пастись. Тревожно посматривали они на юг и жалась друг к другу. Затем самцы, делая прыжки и курбеты, медленно двинулись на север, уводя за собой все стадо.

— Похоже на то, что старый вояка гонит стадо в мою сторону! — удивился человек. — По-видимому, стадо пройдет мимо этих кустов.

Он затаил дыхание. Действительно, животные подошли ближе и ближе. Изредка они останавливались и озирались. Потом, почуввав запах человека, пустились га-

лопом. Человеку это не понравилось: он знал, что должен убить наповал. Когда стадо почти поравнялось с кустами, он громко свистнул и высоко подбросил свою шапку. Животные остановились как вкопанные. Длинные морды повернулись в его сторону, все глаза были устремлены на шапку. И в этот момент человек выстрелил в молодую антилопу. Животное упало. Он сделал еще два выстрела, и стадо, охваченное паникой, промчалось мимо кустов.

Человек поднял шапку и взобрался на холм, отыскивая льва — своего льва. Казалось, в выжженной степи не было ни одного живого существа, но на расстоянии полукилометра он разглядел темную тень, скользнувшую в траве. Ближе лежали две антилопы — одна на поляне, другая в колючих кустах. Человек направился к той, что лежала в кустах. Он разложил костер, содрал с убитого животного шкуру, повесил два окорока к ветвям мимозы и оставил их коптиться в дыму костра. Потом он поджарил себе кусок мяса и сытно поел.

После обеда он поднялся на холм посмотреть, что делает лев. К великому его изумлению, Нгоньяма с величайшей осторожностью подкрадывался ко второй убитой антилопе, словно боялся ее спугнуть. Он был всецело поглощен игрой и не думал о том, что антилопа никакого участия в забаве не принимает. Остановившись шагах в пятидесяти от своей добычи, он заметил стоявшего на холме человека и тогда только перестал притворяться и вышел из роли охотника. В несколько прыжков покрыл он расстояние, отделявшее его от антилопы, но при этом имел вид победителя, завладевшего добычей, которая принадлежит ему по праву.

— Добро пожаловать, старина! — крикнул человек. — Ешь вволю!

Он вернулся к костру, а лев проводил его глазами и приступил к еде.

У человека были свои заботы. Он отыскивал местечко, где бы можно было спокойно провести ночь. Вдруг глаза его загорелись: он увидел следы лошадиных копыт и вскоре убедился в том что неделю назад отряд верховых сделал здесь привал. Несомненно, это был тот самый отряд белых, от которых человек отбилсся дней десять назад и с тех пор блуждал по степи, надеясь напасть на след товарищей.

Он нашел место, где кормили лошадей и где спали люди, потом увидел золу костров. Радостно вскрикнув, поднял он пустую жестянку из-под консервов. Жестянка навела его на мысль о супе. Он сварит себе суп, больше всего хотелось ему супу! Присмотревшись, он увидел какие-то круглые белые пуговицы, лежавшие на земле. Это были грибы. Он пошел к источнику и наполнил водой жестянку, а лев, пожиравший антилопу, поднял морду и следил за каждым его движением.

Человек поел грибного супа и полез в карман за табаком и трубкой. Табак весь вышел, но ему повезло найти на земле два окурка сигары и несколько папиросных. Он подобрал их и закурил трубку.

Ночь он провел на дереве — спал, привязав себя поясом к стволу. В Нгоньяме он не был уверен: кто знает, быть может, лев не удовольствуется антилопой и захочет получить десерт! Вот почему он спал на дереве.

Ночь прошла спокойно. Утром человек слез с дерева и умылся у источника. Потом пересчитал свои патроны — их было только семь. Он очень устал — ноги его были исцарапаны и болели.

— А все-таки нужно идти дальше. Что ты на это скажешь, желтая шкура?

Нгоньяма спал возле недоеденной антилопы. Голос его разбудил. Он встал, моргая, посмотрел на человека, потом отвернулся и стал глядеть куда-то вдаль. Один раз он оглянулся, словно хотел сказать: «Посмотри-ка, что там делается!»

Из зарослей выехал всадник, затем еще четверо; наконец показался целый отряд. Шагом ехали они по поляне. Лев оглянулся на человека, сидевшего у источника, и припал к земле. Быть может, в эту минуту у него мелькнула мысль: «Кажется, нужно удирать».

Человек сидел в кустах, держа в руке жестянку из-под консервов. Вытянув шею, он всматривался в приближающихся людей. Вдруг его лицо, худое и изможденное, осветилось улыбкой.

— Сержант с нашими ребятами,— пробормотал он.

Всадники пересекали поляну. Лошади насторожились и храпели, почуяв запах льва, притаившегося в траве. Шагах в сорока от Нгоньямы отряд остановился.

— Сойдите с седел! Пристрелите этого льва! — отдал приказ сержант.

— Эй, не стреляйте!

Всадники замерли, не понимая, откуда доносится голос.

Из кустов вышел человек и спустился на поляну. В десяти шагах от Нгоньямы он остановился и сказал:

— Эх, ты, старый вояка!

А Нгоньяма поднял голову и посмотрел на него сверкающими глазами.

— Да это Дик! — заорали солдаты.

— Сержант, — сказал человек, — обещайте, что вы не тронете моего льва.

— Ладно, ладно, — отозвался сержант, — никто твоего льва не тронет. Ну, и доставил же ты нам хлопот! Если бы не дым от костра, никогда бы мы тебя не отыскали. А ты, оказывается, успел за это время привадить льва?

Солдаты спрыгнули с седел и привязали лошадей к мимозам, а Дик рассказал приятелям, как произошло его знакомство со львом и как они вместе охотились. Солдаты издали поглядывали на Нгоньяму и бросали ему куски мяса, но лев, припав к земле, не трогался с места.

Через час отряд тронулся в путь. На прощание солдаты три раза прокричали «ура» в честь Нгоньямы. Лев встал и оглянулся через плечо, размышляя о том, нельзя ли улизнуть. Потом обнажил желтые клыки.

— Вперед! — раздалась команда.

Всадники ехали гуськом, а Нгоньяма смотрел им вслед. Когда Дик приостановил лошадь и в последний раз помахал ему рукой, лев поднял лохматую голову, и оглушительное рыкание пронеслось над степью. Прощался ли он со своим другом или радовался тому, что отряд уходит? Дик не мог ответить на этот вопрос.

ГЛАВА XIII

Нгоньяма, козы и жертвоприношение

Отвергнутый братьями, Нгоньяма расстался и со спутником своим — человеком — и снова стал парией. Жить было тяжело. Теперь, чтобы добыть пропитание, лев должен был полагаться не на силу, но на хитрость и изворотливость. Приближался день, когда Нгоньяме предстояло стать самым коварным и жестоким из всех хищников — охотником за людьми.

Он подстерегал львов, выслеживающих добычу, и питался объедками; он ел гниющее мясо, ловил лягушек, отыскивал птиц, сидящих на яйцах. Его ненавидели гиены и оскорбляли шакалы. Был он парией, тощим, хромым и свирепым.

Находясь в таком жалком состоянии, притащился он в страну Тысячи Холмов, где были вода, трава, кусты и огромные гранитные скалы, громоздившиеся одна на другую. А в скалах было много расщелин, где мог спрятаться лев. В воздухе стоял едкий запах человека, а также запах краалей, коз и дыма, вырывавшегося из очагов. На полях и огородах, обнесенных изгородью из колючих веток, работали женщины, обнаженные

до пояса. Одежда не стесняла свободы их движений. Смеясь и болтая, они вскапывали землю кирками.

Узкие тропинки прорезывали долину, взбегали на холмы, спускались вниз, соединяя один край с другим. По этим тропинкам шли женщины. На голове они несли сосуды с водой. Некоторые тащили на спине круглоголовых младенцев, завернутых в одеяло, концы которого мать обвязывала вокруг талии. Все тропинки были извилисты. Казалось, люди, проложившие их, избирали линию наименьшего сопротивления: заботливо обходили каждый камень, куст, муравейник, избегали крупных подъемов и спусков.

Лев поднялся на вершину скалы и окинул взглядом страну холмов. Видел он, как стада выходят из зарослей, возвращаясь домой. В эти края не проникла чума, и коровы — бурые, черные, пятнистые — выглядели здоровыми и сытыми. Лев смотрел на коз, щипавших траву у подножия скал, смотрел на мальчиков-пастухов, прислушивался к их пронзительному свисту и крикам. Заметил он и малышей с круглыми животами, и суетливых коричневых кур, бродивших вокруг хижин Пестрые пестухи, взобравшись на конек крыши, хлопали крыльями, мужчины слонялись по двору без дела и проводили время за разговорами.

Нгоньяма несколько часов лежал на скале, внимательно и терпеливо обозревая местность. Полученные им впечатления не претворялись в мысли. Мозг его напоминал гладкую поверхность скалы, на которой пещерный художник бушмен проводит царапины, создавая рисунок. Но каждая царапина дышит жизнью и правдиво передает впечатления художника.

Лев запоминал звуки, очертания, движения животных и людей. Он походил на полководца, который с горных высот смотрит вниз на неприятельский лагерь и обдумывает план атаки. Но не было у Нгоньямы ни адъютантов, передающих его приказания, ни батальонов, эти приказания исполняющих. Он был и полководцем и армией. Перед ним находился враг, но думал Нгоньяма не об атаке, а о сытном обеде. Войны он никому не объявлял и не намерен был сражаться. Его задача сводилась к тому, чтобы запомнить план местности и под покровом ночи завладеть добычей.

Когда стемнело, он остался на своем посту, прислушиваясь к бесконечной гамме звуков. Призывно мычали возвращавшиеся домой коровы, им отвечали тонкие голоса телят. Потом заблеяли козы; можно было различить густой бас козлов и слабое блеяние козлят. Когда коров и коз загнали в ограду и заперли ворота из кольев, новый поток звуков разлился над холмами. У костров смеялись и пели девушки; стряпая ужин, они болтали и перекликались пронзительно и звонко. Вокруг угасающих костров мужчины ели, курили и разговаривали, а когда смолкли их голоса, тишину прорезал тревожный лай собак, отрывистый и злобный. Лаяли они, чтобы заглушить страх, потому что среди гранитных холмов рыскал леопард, их вечный враг.

Домашняя собака боится темноты. Ее хозяин, человек, может укрыться в хижине и запереть дверь, предоставляя собаке караулить его имущество. А сторожевой пес дрожит у двери хижины, зорко всматривается в темноту, трусит, но всегда исполняет свой долг.

Дикую собаку защищает вся стая, но в африканской деревушке мало собак, и каждая, оставаясь на своем посту, должна действовать самостоятельно и ни от кого не ждать помощи. Никто не исполняет свой долг так самоотверженно, как собаки из крааля, и никому не приходится так часто сталкиваться с опасностью.

Иногда собаки одной деревушки перекликаются с псами из другой деревушки, иногда они сами бросают вызов в ночь и заливаются злобным лаем. Голос собаки передает все ее эмоции: она скулит от страха, воеет от боли, в ярости глухо рычит или выражает свой восторг радостным лаем.

Величайшую храбрость проявляет собака, когда, встречая голосом хозяина, слепо бросается вперед, навстречу смерти. В темноте рыщет леопард. Собака, дрожа от страха, зовет хозяина. Тот выползает из хижины, сжимая в руке ассегай. «Вперед! Пошла!» — кричит он, понукая собаку, и делает вид, будто тоже идет в темноту. Дрожащая собака, поборов страх, бросается туда, где ее подстерегает враг, который одним ударом лапы может сломать ей спину.

Нгоньяма прислушивался к голосам ночи и не покидал наблюдательного пункта, пока где-то поблизости не

раздался шорох. Повернув голову, он увидел у подножия скалы леопарда, который крался по направлению к деревушке. Лев осторожно спустился со скалы и последовал за ним на почтительном расстоянии. Леопард, рыча, подошел к первому загону, привел в смятение всех коров и коз, затем тихо прокрался в дальний конец долины, где намерен был поохотиться. Нгоньяма, как тень, скользил за ним.

В конце долины находился загон для коз. Леопард легко перепрыгнул через изгородь и, повинувшись своим кровожадным инстинктам, перегрыз горло несколькими козам, хотя ему нужна была только одна. Когда поднялась тревога, он одним прыжком очутился за оградой, держа в зубах мертвую козу. Высоко подняв голову, он волочил по земле свою добычу, потом бросил ее и повернулся, чтобы отразить нападение разъяренных собак. Когда собаки в испуге разбежались, леопард в несколько прыжков вернулся к добыче, но тотчас же отскочил: над мертвой козой стоял лев. Злобно зашипев, леопард ушел в темноту, а грабитель, ворча от удовольствия, стал тут же пожирать козу, ни малейшего внимания не обращая на лай собак и вопли людей.

Задолго до рассвета Нгоньяма вернулся в свое логовище среди каменных глыб. Шел он извилистым путем, чтобы замести следы: пробирался сквозь заросли, возвращался назад, обходил гряды камней.

Утром люди нашли в краале пять мертвых коз. Каждой из них леопард перегрыз горло. Они отыскивали то место, где он перепрыгнул через изгородь, утаскивая шестую козу. Но поразительнее было то, что съел козу не леопард, а лев. Об этом свидетельствовали отпечатки лап на земле.

Мужчины достали нюхательного табаку и долго обсуждали ночное происшествие. Потом привели собак, а собаки побежали по следу леопарда. Конечно, леопард был страшным врагом, но еще хуже иметь дело со львами. Собак отозвали и пустили по следу льва. Нехотя спустились они к водоему. Здесь на влажной земле, ясно виднелись глубокие отпечатки трех лап и слабый отпечаток левой задней лапы. По этим следам и по расстоянию между отпечатками люди определили размеры и возраст льва. Большой взрослый лев! И сильно хромает!

Они послали вестника вождю, а вождь, поев и выкурив трубку, благоволил покинуть свой крааль. Осмотрев мертвых коз, он приказал устроить вечером пиршество и посулил пять горшков пива.

Народ одобрил такое решение, а Бауэна, владелец коз, был настолько умен, что скрыл свою досаду. Его собирались вторично ограбить, и, однако, он стал восхищаться щедростью вождя, который жертвовал пять горшков пива из собственного погреба.

Вождь на секунду призадумался, а затем приказал пятерым старшинам пожертвовать по одному горшку пива. Таким образом, его запасы должны были остаться неприкосновенными. После этого вождь со своими индунга и знахарем спустился к водоему, чтобы взглянуть на отпечатки лап.

Здесь, у края водоема, произошло совещание, в котором принимал участие не один, а несколько Шерлоков Холмсов. Все они были наделены способностью подмечать малейшие детали. Общими силами они восстановили картину ночного нападения и доказали, что леопард действовал самостоятельно, а лев его подстерег и завладел его добычей.

Леопард давно уже рыскал в окрестностях, но появление льва привело в замешательство мудрых сыщиков. Всем жителям деревушки угрожала серьезная опасность. Беда была в том, что лев хромот. Хромой лев не может охотиться; чтобы добыть себе пропитание, он нападает на стада домашнего скота, загрызает коров и коз, а при случае и людей. Положение было чрезвычайно серьезное, и все обратились за советом к знахарю. Такого рода дела решал он один. Часто предлагал он жестокие меры и при исполнении своих обязанностей становился чуть ли не страшнее, чем лев-людоед.

Знахарь искоса посмотрел на вождя, но не мог угадать, какое решение окажется угодным его повелителю. Тогда он стал размышлять вслух. Следует подождать, посмотреть, что будет дальше. Леопард, в которого вселился злой дух, загрыз шесть коз. А что сделал лев? Он вырвал мясо из пасти леопарда. Правда, это мясо он съел, но точно так же поступил бы каждый великий вождь, который отнимает добычу у врага.

— В хромого льва вселился дух великого вождя,— произнес в заключение знахарь.

— Уа! — воскликнули слушатели. — Так значит это лев Махамбы из Уа Бакка?

Знахарь презрительно фыркнул.

— Кто такой Махамба? Разве он вождь? Только у вождя может быть свой лев.

Слушатели поспешили отречься от Махамбы. Ха! Какой он вождь? Он пес, исполняющий приказания вождя. Они хотели только сказать, что презренный Махамба видел льва, в которого вселился дух великого Мозелекаца. Быть может, это тот самый лев.

— Подождем, что будет дальше. Пожалуй, придется принести жертву...

И знахарь, скосив глаза, посмотрел на вождя.

— Сейчас готовьтесь к пиру, а о жертвоприношении мы еще подумаем, — сказал вождь.

Толпа в глубоком молчании разошлась. Жертвоприношения боялись все, так как по одному слову знахаря вождь мог отнять у человека его ребенка, жену, имущество или же его самого принести в жертву. Но когда запылали костры, зашипело мясо, запенилось пиво в горшках, люди развеселились и забыли о своих опасениях.

Нгоньяма, не подозревавший о том, что какой-то Мозелекац приютился в его теле, отдыхал среди гранитных глыб и моргая смотрел на пламя костров. Ночью он спустился в долину и доверчиво направился к дальнему краалу, надеясь и на этот раз пообедать на чужой счет. Но пришлось ему горько разочароваться. Леопард не явился, а изгородь была слишком высока, чтобы хромой лев мог через нее перепрыгнуть. Однако он не терял надежды и до утра караулил возле изгороди. На следующее утро жители деревушки нашли отпечатки его лап и возликовали. Хромой лев стоял на страже всю ночь! Значит, никаких жертв приносить не нужно! С этой вестью пришли они к вождю.

— Подождем, — сказал вождь, — и посмотрим.

Следующей ночью Нгоньяма обошел все краали для коз и коров, но ничем не мог поживиться. В свое логовище он вернулся голодный, а голод сделал его предприимчивым. Утром он увидел стадо коз, приближавшихся к гранитным глыбам, между которыми росли кусты. Крадучись, скользнул он им навстречу. Прошло немало времени. Наконец он подошел почти вплотную

к стаду и, взобравшись на глыбу камней, осторожно посмотрел вниз. Козы щипали траву, прыгали, шутливо толкали друг друга рогами. Нгоньяма поджал задние лапы и прыгнул вниз, прямо на спину козлу.

Стадо галопом понеслось с холма в долину, мальчик-пастух, увидев льва, полетел стрелой. Пробежав шагов сто, он остановился и посмотрел назад. Мать-коза, заслышав бляние козленка, взбиралась на холм: козленок, маленький, длинноногий, так испугался, что забыл, в какую сторону нужно бежать. Жалобно бляя, он топтался в нескольких шагах от льва.

Мальчуган вернулся назад. Ему было строго-на-строго внушено, что первая его обязанность охранять стадо. Всхлипывая, поднимался он на холм и наконец услышал мурлыканье льва. Он подошел ближе. Лев, пожиравший козла, поднял голову и посмотрел на него. Расширенные глаза ребенка встретились с огромными желтыми глазами льва. Нгоньяма разинул пасть, выплевывая приставшие к языку волосы, а козленок бросился к своему спасителю. Мальчик взял его на руки и стремглав побежал в долину; коза следовала за ним по пятам.

У подножия холма мальчика встретила кучка мужчин. Они видели, как разбежались испуганные козы, и поспешили на помощь.

Однако они не посмели подняться на холм и сразиться со львом. И никто не похвалил храброго мальчугана. Знахарь, присев на корточки, бросал гадальные кости, и люди, затаив дыхание, ждали, какой приговор он вынесет.

— Нужно принести жертву,— объявил знахарь.

Все присутствующие вздохнули. Переглянувшись с вождем, знахарь продолжал:

— Дух великого черного вождя, который вселился в льва, требует жертвы. Кто владелец шести коз?

— Бауэна,— последовал ответ.

— Кто владелец козла, которого загрыз сегодня лев?

— Бауэна.

— Значит, сын Бауэны будет принесен в жертву.

Бауэна, рослый красивый мужчина, носивший звание индуна, приветствовал вождя:

— Байэт, о вождь! Разреши слуге твоему говорить. Вождь кивнул.

— Духу, вселившемуся в хромого льва, должна быть принесена жертва?

— Да,— подтвердил знахарь, злорадно посматривая на Бауэну.

— Но мой сын еще мал. Ни одним подвигом он себя не прославил. Великий дух не примет такой жертвы. Я, Бауэна, отец мальчика, не раз водил воинов против врагов, и мы одерживали победу. Я индуна, а индуна будет достойной жертвой!

В толпе находились воины Бауэны. Они глухо за роптали.

Вождь, грузный человек, державший в руке жизнь всех своих подданных, услышал ропот и поспешил свалить ответственность на чужие плечи:

— Пусть колдун подумает и еще несколько раз раскинет кости. Жизнь козла — ничто по сравнению с жизнью Бауэны. Мы будем ждать до новолуния.

Бауэна, погруженный в мрачные размышления, направился в свой крааль. Проходя мимо кучки ребят, он услышал, как его сынишка с восторгом рассказывает товарищам о встрече со львом. У Бауэны висело на мускулистой шее ожерелье из когтей льва, которого он убил, когда Нгоньяма был маленьким львенком. Мальчик гордился своим храбрым отцом и теперь, увидав его, крикнул приветствие, с которым полагалось обращаться только к вождю:

— Байэт!

— Молчи, мальчишка! — сурово остановил его отец.

Но было уже поздно. Один хитрый юноша, приближенный знахаря, услышал это слово и поспешил донести кому следует. Он знал, что и знахарь и вождь ненавидели Бауэну, который пользовался слишком большим влиянием, как храбрый воин и индуна.

Между тем Нгоньяма, сытый и довольный, вернулся в свое логовище среди скал. В течение следующей недели он загрыз двух коз. Однако вождь не заговаривал о

жертвоприношениях. Но на восьмой день лев загрыз откормленную телку из стада, принадлежавшего вождю.

Немедленно было созвано совещание, а знахарь получил приказ объяснить, что означает гибель телки.

Знахарь, раскрашенный и увешанный бусами, перьями и ожерельями из костей, приступил к исполнению своих обязанностей. Он свистел, лаял, выл, топтался на месте, с пеной у рта корчился на земле; пот лил с него ручьями, смывая узоры на лице и теле.

Затем он стал объяснять. Дело было очень просто. Дух, вселившийся в хромого льва, оскорблен. А почему он оскорблен? Потому что великий вождь проявил излишнюю доброту, отказавшись от жертвоприношения. Хромой лев загрыз телку, а выбрал он эту телку из стада самого вождя. Жертвоприношение должно быть совершено во время новолуния, и жертва уже намечена.

— Пусть будет так,— сказал Бауэна.— Я готов умереть, если этого пожелает вождь. Но я имею право.

— Какое? — резко перебил вождь.

— Пойти и сразиться на новолунии с хромым львом,— спокойно заявил индуну.

— А много ли воинов ты хочешь с собой взять? — вкрадчиво спросил вождь.

— Ни одного.

Вождь вопросительно посмотрел на знахаря, а этот хитрый мошенник покачал головой.

— Не годится,— объявил он,— убивать льва, в которого вселился дух одного из наших предков.

— Посмотрим,— сказал вождь, распуская собрание.

ГЛАВА XIV

Суд Нгоньямы. Охота на людей

Когда Нгоньяма загрыз телку вождя, у него были все основания предполагать, что он обеспечен провиантом по крайней мере на несколько дней. На следующий день он вернулся к своей добыче, но телка пропала бесследно. Обнюхав землю, Нгоньяма узнал, что в дело снова вмешался этот вечный путаник — человек.

Лев отправился разыскивать телку, а запах привел его к краалю вождя, где пылали костры. Он сердито заворчал, потому что на огне поджаривалось мясо его телки. Вокруг костров сидели мужчины, и лев видел, как они отправляют себе в рот куски мяса. Поодаль стояли женщины и дети и терпеливо ждали, когда их повелители утолят голод. Наконец мужчины уступили место у костров своим женам и приготовились слушать вождя, который должен был назначить день жертвоприношения.

Внезапно тишину прорезал гневный рев льва. Вождь пугливо посмотрел в темноту и заковылял по направлению к своей хижине. За ним последовал знахарь. Оставшись наедине со своим советчиком, вождь сказал:

— Бауэна хочет сразиться с хромым львом. Только храбрый человек пойдет на такое дело.

— Да, великий черный вождь,— ответил хитрый знахарь,— на такое дело пойдет только храбрец, который хочет захватить власть.

Лицо вождя оставалось бесстрастным, но глаза его сверкнули.

— Бауэна — один из лучших индуна,— сказал он.— Юноши идут за ним. Если отнять у него жизнь, они будут роптать. А если он убьет льва, народ воздаст ему почести.

Это был тонкий намек, но знахарь понял, чего требует от него повелитель.

— Я совещался с гадальными костями,— заявил он.— Они требуют жертвы. А жертвой должен быть мальчик, не воин. Мальчик, сын достойного отца.

— Если этого требуют кости...

— Да, великий вождь. В жертву нужно принести не Бауэну, а его сына. Нехорошо,— тихо добавил знахарь,— когда слуга осмеливается соперничать с вождем.

— Мм...— замычал вождь, грозно сверкнув глазами.

— Я все сказал,— робко отозвался знахарь.— Великий дух предка меня предостерегает.

Вождь вернулся к народу. Сначала он изъяснился в любви к верному своему слуге Бауэне, а затем объявил, что дух предка приказывает народу принести в жертву сына Бауэны. По словам вождя, дух предка удостоил Бауэну великой чести. Жертва будет принесена у дерева баобаб следующей ночью, когда взойдет молодой месяц.

Бауэна поклонился вождю, завернулся в одеяло и пошел домой. Прошел он в тридцати шагах от Нгоньямы, притаившегося в траве, и в этот момент был на волосок от смерти. Нгоньяма замурлыкал, готовясь перейти в наступление, а индуна остановился и, посмотрев в темноту, увидел две светящиеся точки. Лев заколебался, зная, что прошли те времена, когда он мог одним прыжком покрыть расстояние в тридцать шагов, а Бауэна, презирая опасность, пошел своей дорогой. Войдя в хижину, он выгнал оттуда женщин и приказал позвать сына. Здесь, под покровом темноты, воин сообщил мальчику о предстоящем испытании.

Мальчик схватил отца за руку, спрятал голову в складках одеяла и стал всхлипывать.

— Ты мужчина,— сказал отец.— Человек умирает только один раз. Будь храбрым.

Услышав эти слова, мальчик перестал плакать. Он мужчина! Отец назвал его мужчиной.

Мальчик смело поднял голову.

— Байэт, мой вождь! — воскликнул он.

Индуна, подавив вздох, коротко сказал:

— Я буду там с тобой.

Он притянул к себе сына, чего никогда раньше не делал, и эта неожиданная ласка успокоила мальчика.

Нгоньяма долго бродил вокруг крааля в тщетной надежде чем-нибудь поживиться, а под утро, глухо рыча от голода, вернулся в свое логовище. Вечером его разбудил барабанный бой. Он встал, почувствовал острый голод и сразу пришел в отвратительное настроение. Барабанный бой действовал на него раздражающе и словно притягивал к себе.

Спустившись в долину, лев направился в ту сторону, откуда доносились звуки и, крадучись, вышел на поляну, где рос гигантский баобаба. К дереву был привязан маленький мальчуган, а подле него стоял барабанщик.

Справа от баобаба выстроились в ряд мужчины.

Нгоньяма, припав к земле, подполз ближе и притаился за кустом. Терпеливо наблюдал он разыгрывающую перед ним сцену. Сначала он посмотрел на мальчика, худенького, стройного, связанного по рукам и по ногам, потом перевел взгляд на воинов и наконец на барабанщика.

Обязанность барабанщика исполнял знахарь, а барабаном служило дупло баобаба, на которое туго был натянут кусок кожи. Глухой монотонный бой напомнил льву крик птицы-трубача. Может быть, этот барабан был живым существом? Сначала лев вздрагивал при каждом ударе, но вскоре успокоился. Ни на секунду он не спускал глаз со знахаря. А мальчик, прислушивавшийся к гудению барабана, терпеливо ждал конца испытания. Воины стояли поодаль мрачные, безмолвные. Все они ненавидели знахаря, но не смели восстать против жертвоприношения, так как знахарь пользовался покровительством вождя и жестоко карал ослушников.

Яркий серп молодого месяца всплыл над грядой облаков, и луч света скользнул к баобабу.

Замер барабанный бой. Знахарь, указывая рукой на небо, протяжно возгласил:

— Дух приближается к жертве. Дух крадется в ночи. Дух с горящими глазами, острыми зубами и длинными когтями.

Мальчик задрожал, тоскливо всматриваясь в темноту. Он приоткрыл рот и стал всхлипывать.

— Человек умирает только один раз,— раздался спокойный голос.

Мальчик медленно повернул голову в ту сторону, откуда донеслись эти слова. Увидев высокую фигуру человека, стоявшего перед рядами воинов, он сразу успокоился. Больше он не спускал глаз с отца.

Знахарь с утонченной жестокостью издевался над своей жертвой. С языка его срывались слова, насыщенные ненавистью и вселявшие ужас. Он прыгал, приплясывал, визжал, размахивая руками, гримасничая, кривляясь.

Нгоньяма ошетинился, услышав эти пронзительные вопли. Они пугали его и в то же время разжигали злобу. Голодными глазами следил он за каждым движением знахаря, а когда тот поворачивался к нему спиной, лев прибижался на несколько шагов.

Знахарь устал; пот лил с него ручьями. Дико вращая глазами, повернулся он к мальчику, и в эту минуту воины увидели льва, притаившегося в траве на расстоянии нескольких шагов от знахаря.

Люди оцепенели от страха. Вздых пробежал по рядам.

Знахарь заметил, что зрители потрясены, но волнение их объяснил своим умением воздействовать на людей. Вытянув руку, он указал куда-то в темноту и крикнул:

— Смотрите! Великий дух приближается!

Нгоньяма рванулся вперед. Знахарь дико завизжал, когда тяжелая лапа опустилась на его голову. Лев, размахивая хвостом, секунду стоял над своей добычей и смотрел на воинов, которые не смели пошевелиться. Потом он вонзил зубы в плечо человека, приподнял его и, волоча по земле, ушел в темноту.

Бауэна бросился к сыну, перерезал веревки и, схватив мальчика на руки, громко закричал:

— Байэт, великий вождь! Дух твоих предков сам

выбрал себе достойную жертву. Он отказался от моего сына, который еще мал и недостоен такой великой чести.

Эти слова были вызовом, брошенным вождю. В тишине ночи слышно было, как мурлычет лев над своей добычей.

— Мальчик,— сурово сказал индуна,— сложи песню в честь нашего великого черного вождя.

Ребенок, прошедший через тяжкое испытание, решительно выступил вперед и запел песню в честь великого вождя, чей слуга — знахарь — оказался недостойным своего господина.

Разгладились морщины на лбу вождя. Прислушиваясь, как лев грызет кости, он усмехнулся и стал подшучивать над знахарем, который сам попал в яму, вырытую им для другого.

Воины стали ударять ассегаями по щитам, а Нгоньяма, встревоженный шумом, поднял голову. Затем он встал и потащил свою добычу в заросли.

В ту ночь он не вернулся в свое логовище среди гранитных глыб, так как Бауэна устроил в честь вождя военную пляску. В непривычном шуме было что-то зловещее, и лев ушел в соседнюю долину искать новое логовище.

В этой долине, спустя два дня, он загрыз женщину, которая шла за водой, а на пятый день подстерег мужчину.

Нужно было что-то предпринять, так как опасность угрожала всем обитателям деревушки. Вождь призвал одного из своих советчиков, который несколько дней назад получил звание придворного знахаря и должен был исполнять обязанности своего злополучного предшественника.

Но новый знахарь был человек осторожный. Он заявил, что еще не надеется на свою магическую силу и не может войти в сношение с духом, который обитает в хромом льве. Но он знает одного человека, способного вести дело со львом. Это следопыт Махамба из Уа Бакка.

Вождь шелкнул пальцами и послал за Бауэной.

— Хо, Бауэна, возьми отряд в десять человек и приведи ко мне Махамбу — того, что победил львицу.

Индуна вернулся в свой крааль и глубоко задумался.

мался. Быть может, вождь хочет убрать его с дороги. Быть может, он — Бауэна — вернувшись домой, узнает, что все его имущество перешло в руки вождя. Он постарался прогнать неотвязные мысли, но все-таки поделился своими подозрениями со старшей женой. Потом стал загибать пальцы на руках и, дойдя до девятого, сказал:

— В этот день я вернусь.

Старшая жена взяла понюшку табаку и призадумалась.

— Если что-нибудь случится,— сказала она,— отряд твоих воинов встретит тебя в этот день. А я позабочусь о том, чтобы послать нашего сына в крааль моего отца. Там хромой лев ему не страшен.

— Положи мяса в мешок,— сказал индуна, одобрительно посматривая на свою супругу.

— Охи! — засмеялась она.— Не в первый раз я снаряжаю в путь моего мужа. Не заботься ни о чем.

Незадолго до полудня Бауэна и десять лучших его воинов гуськом шли по тропинке, пересекающей долину. Нгоньяма поднял свою огромную лохматую голову и долго смотрел им вслед. Он уже пристрастился к человеку мясу. Прошли те времена, когда запах человека казался ему отвратительным. Теперь человек был единственной доступной для него добычей. Убить его было легко, но Нгоньяме приходилось близко подкрадываться к добыче, так как больших прыжков он делать не мог. Последнее время ему редко удавалось застигнуть врасплох мужчину, женщину или ребенка, потому что все держались настороже.

Следует заметить, что лев, преследующий крупную дичь, нуждается в большей сноровке и сообразительности, чем лев — охотник за человеком. Выследить антилопу, наделенную острым чутьем, гораздо труднее, чем подкрасться к человеку, у которого обоняние, зрение и слух развиты сравнительно слабо. Но лев, охотящийся за людьми, сталкивается с другого рода трудностями. Он должен приноравливаться к привычкам человека. На ночь человек прячется в хижину, тогда как лев предпочитает охотиться именно ночью. Отказываясь от своих привычек, лев сначала ждет терпеливо случая подстеречь человека днем. Если по каким-либо причинам его постигает неудача, он в конце концов преодоле-

вает страх перед ночными кострами, проламывает изгороди и иногда врывается ночью в хижины. Для обитателей крааля набеги хищника являются подлинной трагедией, и очень возможно, что по вине львов-людоедов возникло немало туземных суеверий. Зная, что где-то поблизости рыщет лев, туземец дрожит в темноте, и малейший шорох приводит его в ужас. Вот почему он населил ночь злыми духами и самые естественные явления объяснял присутствием таинственной силы.

Лев, охотящийся на людей, проявляет бесконечное терпение, осторожность и лукавство. На охоту он выходит во всеоружии. Вес его равен весу трех человек; он наделен огромной силой и мужеством; все привычки и уловки дичи хорошо ему знакомы, все тропы изучены. Никто не может сказать, когда и с какой стороны ждать наступления. Если расставлены в деревне караульные, то можно с уверенностью сказать, что лев появится как раз там, где его никто не ждет.

Нгоньяма в совершенстве изучил крааль и его окрестности, знал все водоемы, все тропинки и хижины. Зверь, наделенный инстинктами, повел войну с людьми, одаренными разумом. В данное время никакая опасность ему не угрожала, так как туземцам он внушил суеверный ужас. Воины не смели убить его, пока оставался нерешенным вопрос, кто вселился в него — дух ли какого-нибудь великого воина либо просто злой дух.

Между тем новый знахарь старался разведать, к кому из своих подданных вождь относится с неприязнью. Основываясь на симпатиях и антипатиях вождя, знахарь должен был наметить следующую жертву. Народу он внушал, что хромой лев не простой хищник, но пристанище могущественного духа, которого можно умилостивить только жертвоприношением. Неудивительно, что обитатели деревни пришли в уныние и знахаря своего боялись не меньше, чем льва.

А вождь и не помышлял о том, чтобы отряд воинов убил льва. Подобно всем деспотам, он хотел воспользоваться удобным случаем, чтобы расправиться с теми своими подданными, которые были популярны и могли оспаривать у него право на власть. Он мечтал завладеть их имуществом, уделив малую толику тем, кто был ему предан. А на льва он смотрел как на сообщника, помогающего захватить добычу.

Разве он, вождь, не делает для своего народа все, что только в его силах? Разве не послал он самого смелого своего индуну за Махамбой, который умеет составлять волшебные зелья? Но, конечно, в дороге какое-нибудь несчастье может постигнуть Бауэну.

Эти соображения вождь высказал в присутствии своих советчиков, а затем устремил взгляд на Сегунгу, который, как было ему известно, не любил Бауэны.

Помолчав, вождь снова заговорил:

— Чтобы Махамба явился сюда целым и невредимым, я пошлю еще пятьдесят человек под командой Сегунги, верного моего индуну.

Сегунга втихомолку снарядился в путь, но жены его спутников выболтали секрет, а старшая жена Бауэны догадалась, что мужу грозит опасность. Она прокралась в хижину своего брата, и брат с отрядом воинов вышел из деревни на пять часов раньше, чем Сегунга.

ГЛАВА XV

Махамба увещевает Нгоньяму

Нгоньяма был в расцвете сил, и потребность иметь самку с каждым днем становилась сильнее. Вот почему, когда в его владения вступили лев и львица, он немедленно вступил в бой за обладание львицей. Никакого стратегического плана у него не было. Когда Нгоньяма почувял запах львицы, им овладело бешенство, и он разразился оглушительным ревом.

Лев, приближавшийся размеренным шагом, остановился, прислушался и с меньшим пылом ответил на вызов. Тогда из мрака вышел ему навстречу враг; он хромал, голова его была опущена, глаза горели ненавистью. Львица высокомерно посмотрела на калеку, и грозно зарычала. Ее спутник взглянул на нее и смело двинулся навстречу сопернику. Начался поединок.

Страшный рев разбудил жителей окрестных деревушек. Собаки лаяли до хрипоты, воины схватили асsegай, у ворот запылали костры, дети плакали и звали мать. Но все эти звуки заглушались гневным рычанием и ревом львов, которые наносили друг другу удары. Они

катались по земле, впивались друг в друга когтями и клыками, и неизвестно, кто вышел бы победителем, если бы в дело не вмешалась львица. Зарычав, она напала на хромого льва с тыла. Выбор ее был сделан. Быть может, ей не нравилась перспектива иметь своим спутником калеку, и она не намерена была признать победителя, если побежденным окажется ее повелитель. Как бы то ни было, но ее вмешательство положило конец поединку. Нгоньяма был побежден; хромая, заковылял он прочь, но теперь в него поистине вселился дьявол, а ярость свою он, естественно, должен был направить против человека, являвшегося наиболее доступной для него добычей.

Нгоньяма, взбешенный и окровавленный, напал на отряд Сегунги, возвращавшийся в крааль, и лапой проломил черепа двум носильщикам. Пятьдесят воинов разбежались. К растерзанным носильщикам они подошли лишь после того, как лев, злобно рыча, удалился. Теперь было о чем порассказать в деревне.

На следующее утро Сегунга явился к вождю и застал у него Бауэну, а также следопыта Махамбу. Вождь сердито посмотрел на Сегунгу и, сдвинув брови, выслушал рассказ о гибели двух носильщиков. По-видимому, нужно было что-то предпринять. Хромой лев, в котором обитал дух великого предка, загрыз не только телку вождя, но и первого его знахаря, а теперь Сегунга, посланный со специальным поручением стереть Бауэну с лица земли, вернулся и принес весть о своем поражении. Быть может, он, вождь, совершил промах, когда задумал уничтожить Бауэну. Поразмыслив, он собственноручно поднес Бауэне чашу, наполненную кафирским пивом. Шепот пробежал по толпе. Все поняли, что ветер подул в другую сторону, и все были довольны. А Бауэна высоко поднял чашу и стал до небес перевозносить великого вождя.

Сегунга впал в немилость. На него наложили штраф: дабы возместить гибель двух носильщиков, он должен был отдать двух лучших своих коров.

Между тем Махамба из Уа Бакка взвешивал и обдумывал все события, происходившие при дворе вождя. Его репутация человека, умеющего готовить волшебные зелья и отваживать львов, стала для него тяжким бременем. Вторично его оторвали от родного крааля и семьи

и заставили вмешаться в дела высокой политики. Он размышлял о том, будет ли ему на руку возвышение Бауэны, или же придется подкупить знахаря и вступить в соглашение с Сегунгой. Не следовало также забывать о льве, который играл чуть ли не самую главную роль. По-видимому, этот лев отличался злобным нравом и никакого почтения к людям не питал.

Наконец советчики вождя удостоили обратить внимание на жалкого следопыта Махамбу. Холодно осмотрели они его с ног до головы. Воины с презрением относились к пастухам и земледельцам, а Махамба, морщинистый и тощий, имел вид, не внушающий уважения.

Окинув взглядом сидевшего на корточках следопыта, Бауэна подвел его к вождю; а для вождя Махамба являлся орудием, покорным слугой, который должен был беспрекословно ему подчиняться. Махамба получил приказ отыскать льва, служившего пристанищем для великого духа, а затем посредством волшебного снадобья умиротворить духа и спровадить хромого хищника.

Нечего сказать — приятное занятие для миролюбивого и смиренного следопыта! Махамба бледнел и дрожал, встречая повелительные взгляды воинов, поручавших ему дело, которое надлежало им самим выполнить. Впрочем, он хорошо знал силу суеверия. Если бы речь шла о том, чтобы убить первого попавшегося льва, воины с энтузиазмом взялись бы за это дело. Но выступить против таинственного духа они не смели. Суеверный страх побуждал их щадить не только льва, но и других животных. Они не тронули бы даже ядовитой змеи, если бы это опасное пресмыкающееся поселилось в одной из туземных хижин.

Махамба приготовил волшебное зелье. Это была вода, настоенная на рогах антилопы, а также на когтях и усах льва. Выпив эту настойку, он развел костер из сухих листьев и травы, бросил в огонь какие-то травы, а затем босыми ногами затоптал костер. Прислушиваясь к разговорам воинов, он запомнил, где именно происходили трагические события, и сейчас ему эти сведениягодились. С громким воем побежал он к роковому баобабу и долго вертелся и приплясывал под развесистыми ветвями. Потом залился лаем и с пеной у рта обещал вокруг краая для коз. Рыская в окрестностях деревни, он вел себя словно одержимый, но это была только

комедия, которую он разыгрывал, чтобы произвести впечатление на зрителей.

Мысль его упорно работала. Кривляясь и приплясывая, он в то же время запоминал расположение местности, узнал, где находятся водоемы, в какую сторону тянутся извилистые тропинки. На поляне, где происходил поединок между двумя львами, он нашел клочья желтой шерсти и жесткие волосы из гривы. Заметил он и лужицы крови, над которыми кружились мухи.

Махамба подобрал пучки волос и клочья шерсти и заботливо спрятал в свой мешок, сделанный из обезьяньей кожи. Вскоре пришел он к тому месту, где лев напал на двух носильщиков Сегунги. Следы привели Махамбу к огромным гранитным глыбам, нагроможденным одна на другую. Здесь следопыт скрылся из виду. Можно было подумать, что земля его поглотила.

Час спустя маленькое черное пятно показалось на самой верхней глыбе. Это была голова Махамбы. Прищуренные хитрые глазки смотрели вниз на хмурого, покрытого царапинами льва. Нгоньяма лежал на выступе скалы и зализывал глубокие царапины.

Махамба вынул изо рта камешек, который держал за щекой, и бросил его в льва. Лев не пошевелился. Тогда Махамба несколько раз ударил ладонью по скале. Лев встал и долго озирался по сторонам. Услышав голос следопыта, он поднял голову и посмотрел вверх.

Махамба увидел черный клоч волос между ушами и шлепнул себя рукой по губам. Уа! Да ведь это был его собственный лев! Лев, которому он носил коз! Свесив ноги в пропасть, Махамба дружелюбно открыл беседу.

— О, сильный лев! Видно, плохо тебе жилось это время! Кто же это тебя так искалечил?

Нгоньяма сердито зарычал.

Достав из мешка табак, трубку и кремь, Махамба выскел искру и затянулся дымом.

— А теперь выслушай меня, великий лев. С тобой говорит Махамба. Ты узнаешь меня? Помнишь Махамбу и зеленые просеки? Там ты был сытым, толстым и довольным. Возвращайся-ка туда и живи в мире.

Нгоньяма оскалил клыки и сел.

— Ха! Ты охромел, а человек для тебя легкая добыча? Смотри, как бы не попасть тебе в беду. Только что я бросил в тебя камешек, но я бы мог пустить отрав-

ленную стрелу, и теперь ты был бы мертв. Подумай об этом, великий лев. Махамба отыскал твое логовище. И это было совсем нетрудно, потому что Махамба — следопыт. А яд придется тебе не по вкусу! Яд жжет, как огонь. Стрела вонзится, когда ты спишь, и демоны смерти тебя растерзают. Ты хорошо сделаешь, если последуешь совету Махамбы и уйдешь отсюда!

Лев встал и, размахивая хвостом, спустился с выступа в долину.

Махамба пришел в восторг от такого послушания. Докуривая свою трубку, он с удовольствием посматривал на мирно пасущиеся стада. Он уже наметил двух телок, которых, по его расчетам, вождь должен был дать ему в награду.

Выждав часок после ухода льва, он начал спускаться со своей вышки. Но на полпути он остановился: что-то зашевелилось в траве, у подножия каменной глыбы. Сначала он подумал, что это змея, но, присмотревшись, разглядел толстый хвост льва, украшенный черной кисточкой. Значит, лев не ушел! Он караулил у подножия скалы. Еще несколько минут — и Махамба очутился бы у него в лапах!

— Ууу! — воскликнул потрясенный Махамба.

Быстро повернул он назад и снова вскарабкался на вышку. Здесь он находился в полной безопасности, но надвигалась ночь, и он почувствовал острый голод. Махамба по природе своей отнюдь не был аскетом. Он любил сытно поесть, любил погреться у костра, а ночь проводить под крышей, не страшась злых духов. Путь к краалю был для него отрезан. Он знал, что позови он на помощь, и вождь предложит своим воинам принести его, Махамбу, в жертву льву.

Усевшись на глыбу, он обратился к Нгоньяме с почтительной речью. Лев слушал и бил хвостом по земле. Тогда он стал ему угрожать, а затем осыпал ругательствами и самого и всех его предков. Никакого ответа не последовало; Махамба слышал только глухие удары хвостом по земле. Здесь застигла его ночь. Свесив голову и обхватив руками худые колени, Махамба съжился и дрожал от холода. Страшные пережил он минуты, когда чьи-то невидимые крылья коснулись его тела и кто-то протяжно застонал над самым его ухом. Это была просто-напросто сова, испугавшаяся не меньше,

чем он, но бедный Махамба несколько не сомневался в том, что его посетил злой дух.

Медленно тянулась ночь. Наконец взошло солнце, и окоченевший следопыт отогрелся и воспрянул духом. Какой-то странный шорох привлек его внимание. Он свесился со скалы и увидел льва, который лежал на выступе и зализывал свои царапины. Тогда Махамба осторожно спустился вниз и галопом помчался по долине, но у входа в деревню он замедлил шаги и степенно приблизился к краалю вождя.

Бауэна и советчики вождя ни слова не говорили Махамбе о приметах хромого льва. Утром был созван совет, и когда Махамба дал точное описание хищника, не забыв упомянуть о свежих царапинах на его теле и о старом шраме на левом бедре, все присутствующие заявили, что бедный следопыт Махамба свое дело знает.

После полудня вождь снова созвал совет, который вынес следующее решение: если хромой лев посетит этой ночью крааль, то Махамба выйдет за ворота и постарается его усювестить. По словам советников, потеря будет невелика, если лев растерзает оратора: ведь Махамба был чужим человеком в деревне.

Ночью хромой лев не замедлил явиться. Был он очень голоден и решил идти напролом, но всюду путь ему преграждали колючие изгороди. Он чуял дичь, но не мог до нее добраться, и это приводило его в бешенство. Все чаще раздавалось его рычание, когда он переходил от одного загона к другому.

Махамба послан был заклясть или умиротворить духа, обитавшего в хромом льве. Еще засветло наметил он одно дерево, которое росло на лугу, и заранее обмазал ствол клеем, чтобы преградить путь муравьям. Если придется ему сидеть на дереве, то по крайней мере муравьи его не потревожат, так рассуждал Махамба.

Когда тьма окутала его, он, крадучись, двинулся по направлению к этому дереву. В то же время он чутко прислушивался к голосу льва. Следует отметить, что чрезвычайно трудно узнать, в какой стороне рычит лев. Ходит он с опущенной головой, и звуковые волны ударяют о землю; вдобавок рыщет он не по прямой линии и все время мотает головой. Вот почему даже на расстоянии сотни шагов можно подумать, что рычание доносится со всех сторон.

Страшным усилием воли Махамба поборол желание бегом пуститься к дереву. В темноте он мог потерять направление и в таком случае не миновал бы встречи со львом; кроме того, шорох травы и топот ног коснулся бы ушей хищника. Махамба должен был подвигаться ползком, чтобы перехитрить своего противника. Зловещее рычание действовало ему на нервы, он боялся сбиться с пути и пройти мимо дерева.

Вдруг залаяла собака, где-то крикнула женщина, и в краале поднялся шум. Махамба остановился, сгорбился и, вытянув шею, стал прислушиваться. Широкие ноздри его раздувались, глаза впивались в темноту. Пот лил с него ручьями. Замер шум, и сзади раздался шорох — кто-то бежал по траве. Махамба стиснул зубы и не двинулся с места. Это была великая победа человека. Он стоял неподвижно, даже не повернул головы. Страх повелевал ему бежать — бежать от приближающегося льва, но, прислушавшись к легкому шороху, он догадался, что подкрадывается к нему не лев, а собака.

Однако Махамба не сомневался в том, что этот шорох коснется ушей льва. Затаив дыхание, он ждал. Лев больше не рычал; значит, он услышал шорох и крался навстречу врагу. Наконец замер и шорох. Послышалось тихое ворчание, и кто-то уткнулся холодным носом в босую ногу Махамбы. Следопыт едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Собака отошла на несколько шагов и остановилась. Сначала Махамба видел только неясное темное пятно, потом разглядел наостренные уши.

Постояв с минуту, собака свернула направо и скрылась в темноте. Махамба знал, что сейчас решается его судьба. Собака увидела или почуяла льва. Если и лев ее увидел, то человека он не заметит, ибо будет следить глазами за собакой. Если же он только услышал шорох, то может подойти ближе и почуять запах человека.

Махамба стоял как вкопанный. В темноте его легко было принять за неодушевленный предмет, но острый запах пота, струившегося по телу, мог коснуться ноздрей хищника.

Зоркие глаза следопыта разглядели в темноте какое-то бесформенное пятно. Это был лев; бесшумно скользил он по траве вслед за собакой. Махамба не смел повернуть голову; скосив глаза, следил он за движущейся тенью. Вдруг лев остановился и оглянулся. Махамба хо-

рошо знал свое ремесло лесного следопыта: он прищурил глаза, чтобы в темноте не видно было белков глаз.

Лев долго смотрел на темный предмет, но, должно быть, в конце концов принял его за столб или дерево. Спустя несколько минут в соседнем загоне для коз раздался легкий шум, и лев скользнул в ту сторону.

Вот тогда-то мужество изменило Махамбе, он стремглав побежал к дереву. Ему повезло: он взял правильный курс и через секунду стоял под деревом. Подпрыгнув, он уцепился за нижнюю ветку и влез на дерево. Свесив голову вниз, он увидел два зеленых огонька. Хромой лев опоздал на несколько секунд.

Махамба отдышался, успокоился и обратился к Нгоньяме с длинной речью. По приказу вождя, он должен был усювестить льва. Говорил он долго и красноречиво, а под утро лев, ковыляя, ушел в темноту. Но когда рассвело, Махамба увидел, что хромой лев лежит на лугу между деревом и краалем и, по-видимому, спит. Голова его покоилась на лапах, хвост протянулся по траве, неподвижный, словно палка, желтые бока мерно поднимались и опускались, глаза были закрыты.

Махамба легко спрыгнул на землю, спрятался за стволом дерева и украдкой посмотрел на своего противника. О, ужас! Лев находился на расстоянии нескольких шагов! Махамба снова вскарабкался на дерево, вытер пот, стекавший ему в глаза, и терпеливо стал ждать. Когда обитатели проснулись, он громко закричал:

— Сюда, сюда! Это я, Махамба!

Поднялась суматоха. Мужчины вышли за ворота, женщины смотрели с холма вниз, на поляну, где росло дерево, приютившее в своих ветвях Махамбу.

Услышав пронзительный смех женщин, Нгоньяма отвернулся от Махамбы и мрачно стал смотреть на хижины. А Махамба понять не мог, над чем смеются женщины, ему было не до смеха.

— Замолчите, трещотки! — крикнул он. — Я должен передать приказ великого духа!

Из хижины, которая была вдвое больше всех остальных, выполз на четвереньках вождь. С трудом поднявшись на ноги, он заковылял к воротам.

Лев сразу обратил на него внимание. Никогда еще не видел он такого толстого человека, и это зрелище его заинтересовало.

— Смотрите! — крикнул Махамба. — Хромой лев узнал великого черного вождя. Великий приветствует великого!

При виде этой горы мяса Нгоньяма почувствовал острый голод и заревел.

Вождь был польщен, зрители благоговейно молчали, а Махамба самодовольно ухмыльнулся.

— Вождь, — сказал он, — я говорил с духом великого предка, и он согласился выслушать слугу своего Махамбу. Вот что узнал я от него: настанет день, когда он покинет нашу деревню, но сейчас ему угодно получить козу... Он останется доволен даже старой козой...

Нгоньяма, раздраженный болтовней Махамбы, поднял голову и злобно зарычал.

— Нет, нет! — заорал Махамба. — Тощей козы не хочет. Дайте ему козу молодую, жирную и поскорей. Такой приказ, о вождь! Прикажи перерезать горло жирной козе. Дух великого предка не хочет ждать.

Согласится ли вождь исполнить этот приказ?

Махамба тревожно ждал ответа. Когда несколько человек зашло в загон для коз, он облегченно вздохнул. Вскоре приоткрылись ворота, и на поляну вышел воин, тащивший на плечах зарезанную козу. Он сделал несколько шагов, а хромой лев двинулся ему навстречу. Человек бросил козу и поспешил удрать, сопровождаемый звонким смехом женщин.

Нгоньяма подошел к козе и долго ее обнюхивал. Потом посмотрел на толстого вождя. Убедившись, что до лакомого кусочка ему не добраться, он поднял козу и заковылял прочь.

Когда лев скрылся за грядой камней, Махамба слез с дерева и медленно побрел по направлению к деревне, на ходу придумывая объяснение, какое следовало дать вождю.

ГЛАВА XVI

Заключительная сцена

Махамба получил приказ прогнать хищника. Приказание он должен был выполнить под страхом смерти в течение двух дней.

Вождю надоели хитроумные объяснения, волшебные снадобья и жертвы. Опасность оказалась слишком реальной. Хромой лев выследил вождя, когда тот отправился взглянуть на маисовые посевы. Толстяк избежал смерти благодаря вмешательству одного старого воина, который сунул руку в разинутую пасть льва и вонзил ему ассегай в бок. Старый воин погиб, спасая своего повелителя, а вождь, взбешенный и сконфуженный, заковылял назад, в крааль, предоставив своим спутникам позаботиться об останках героя.

В хромом льве обитал злой дух! Вождь тотчас же пришел к этому выводу и оповестил о нем народ. Почтенный дух предка неспособен наносить оскорбления великому вождю, а хромой лев позволил себе эту дерзкую выходку. Отдышавшись и осушив горшок пива, вождь во всеуслышание вынес приговор льву. Бауэна

готов был повести отряд против хромого льва, но у вождя замысел был другой. Пальцем указал он на Махамбу:

— Этого хромого ты называл своим собственным львом. Я приказываю тебе прогнать его к вечеру следующего дня. Если приказание мое не будет исполнено, я убью и тебя, и твоего льва.

Услышав эти слова, многие усмехнулись, желая снять расположение вождя; а Махамба почувствовал, что жизнь его висит на волоске. Или он убьет льва, или его самого убьют. Ну, что же, этого он ждал! Слишком часто приходилось ему рисковать жизнью, чтобы мысль о смерти его испугала. Однако бессмысленно было умирать, если можно остаться жить. Он удалился, чтобы придумать план борьбы со львом, и после долгих размышлений решил прибегнуть к яду.

У Махамбы не было времени устроить западню; впрочем, он и не надеялся на то, что такой осторожный зверь, как этот хромо́й лев, попадет в западню. Оставался яд — змеиный яд, так как яд растительный нужно было долго искать и долго варить.

Махамба отправился искать ядовитую змею. В африканских степях водится много змей, но обычно они попадают на глаза в тех случаях, когда меньше всего их ждешь. В густой траве, где шныряли полевые мыши, Махамба не нашел ни одной змеи. Тогда он пошел вдоль узкого ручья, над которым нависли кусты. В крутых берегах виднелись ямы, выдолбленные зимородками и скворцами. Казалось бы, здесь должны водиться ядовитые змеи, но Махамбе не повезло; он пошел дальше, к тростниковым зарослям.

— Что ты ищешь, следопыт?

Махамба оглянулся и увидел Бауэну, который подкрался к нему сзади.

— Индуна, я ищу хромого льва.

— Ты думаешь, что хромо́й лев прячется в гнезде болотной птицы? Говори правду!

— Индуна, может ли один человек справиться с хромым львом? Я ищу помощи у ядовитых змей.

— Ха! Ты хочешь взять отравленный ассегай?

— Что же мне делать, индуна? Руки у меня слабые, я не могу убить льва в честном бою. И нет времени устроить хорошую западню. Я видел льва, которого

убила маленькая пуля, но ружья у меня нет, а если бы и было, я не умею из него стрелять. Что скажешь, индуну Бауэна? Если я не найду яда, какое оружие мне взять?

— Ассегай,— ответил Бауэна.

Махамба вышел из тростниковых зарослей и пристально посмотрел на индуну.

— Скажи, что у тебя на уме?

Глаза индуны сверкнули.

— Этот хромой лев нарушил мой покой,— сказал он.

— Придет и твой черед, когда хромой меня растерзает,— спокойно ответил Махамба.

— Ха! Мне прикажут повести отряд, а я хочу встретиться с хромым один на один.

Махамба взял понюшку табаку и нравоучительным тоном заметил:

— Умирать никому не хочется. Даже бедному следопыту нравится греться на солнце, есть досыта и пить пиво.

— Я не следопыт,— резко ответил Бауэна.

— Но ты и не охотник на львов. Индуна, неужели ты хочешь попасть в лапы хромого льва?

— Раньше я всажу ему ассегай в брюхо! — злобно крикнул Бауэна.

— Ха! — презрительно отозвался Махамба.— Одного ассегая мало. Яд надежное средство, но шкура отравленного льва никуда не годится. Быть может, мы вдвоем могли бы спасти шкуру льва? Было бы хорошо, если бы бедный следопыт Махамба принес эту шкуру в дар вождю.

Эти слова он произнес нерешительно, но, по-видимому, индуна не был заинтересован в дележе добычи.

— Я хочу убить льва. Шкура мне не нужна — бери ее себе.

— Хорошо. А теперь выслушай, что придумал Махамба.

И хитрый следопыт открыл индуне свой план, не исключавший надежды на спасение, а также и на успех. Махамба должен был отыскать логовище льва и выманить хищника на тропу, где Бауэна устроит засаду и воспользуется удобным случаем, чтобы перейти в наступление. Шансы были равны, если бы Бауэна имел в своем распоряжении ружье, но ассегай и дубинки

были жалким оружием по сравнению с клыками и когтями льва.

Спокойно делали они все необходимые приготовления. В течение часа Бауэна оттачивал свои два ассегая, а Махамба пошел осмотреть тропу. Выбрав дерево, на котором не было муравьев, он свернул одеяло и положил его у подножия. Потом натерся соком растения, издающего острый запах, и отправился на разведку. Нужно было отыскать логовище. Поиски он начал с того места, где хромой лев растерзал старого воина. Отсюда следы вели к небольшому лесу на холме. В лес Махамба не рискнул войти: быть может, лев был настороже, а в данный момент следопыт не хотел привлекать внимание хищника. Он обошел вокруг холма и, убедившись в том, что лев находится в лесу, стал ждать.

Наконец раздался пронзительный свист. Бауэна засел в засаде и дал сигнал Махамбе. Следопыт приступил к исполнению самой ответственной части своего плана — он начал выманивать льва из леса. Громко затянул он песню, протяжную и тоскливую, которую распевают туземцы во время долгих переходов. «Ие-хо-ие-хо-хо-ие-ха», — повторял он снова и снова. Шел он по широкой поляне, старательно обходил все кусты и муравейники и зорко смотрел по сторонам. Спустившись с холма, он присел на камень и оглянулся. Льва не было видно, но какая-то птица выпорхнула из травы у опушки леса и улетела, громко хлопая крыльями.

Вдруг Махамба заметил, что справа зашевелились кусты, и, всмотревшись, увидел хищника, скользящего по траве. Приманка подействовала, но лев пошел не по прямой линии, а в обход, чтобы перерезать путь человеку и встретить его у тропинки.

Махамба полетел, как стрела, и отыскал Бауэну, который сидел в засаде у тропинки; прикрытием ему служила большая каменная глыба. В правой руке он держал ассегай и щит, а в левой дубинку и запасный ассегай. Он думал, что лев последует за Махамбой, и приготовил ему достойную встречу, но лев перехитрил людей и пошел в обход.

Пришлось изменить заранее намеченный план. Махамба подошел к дереву, возле которого лежало одеяло, а Бауэна выбрал себе другое дерево. Между ними протекал прозрачный мелкий ручей. Этот ручей падал со

скал, пересекал луг, а дальше скрывался в густых зарослях. Лев должен был выйти из зарослей; таким образом он обезопасил себя от неожиданного нападения.

Махамба бросил в воду тяжелый камень, раздался плеск, а охотники воспользовались этим моментом и влезли каждый на свое дерево, причем Махамба не забыл захватить одеяло. В глубокой тишине слышалось журчание ручья и постукивание дятла, долбившего сухую ветку. Вдруг зашелестела трава, и показалась голова хищника, обрамленная великолепной гривой. Лев вышел из зарослей и, наморщив лоб, остановился на тропинке. Потом он обнюхал землю, перешел на другой берег ручья и осмотрелся по сторонам; здесь обрывались следы человека, и у Нгоньямы вид был недоумевающий. Казалось, он задает себе вопрос: куда же исчезла добыча?

Бауэна почуял резкий запах льва, раздул ноздри, поморщился и плюнул. Нгоньяма широко раскрыл желтые глаза, поднял голову и увидел сидевшего на дереве человека. От неожиданности он тихонько заворчал.

— Привет тебе от Махамбы, великий лев! — крикнул следопыт, засовывая в нос щепотку нюхательного табака.

Лев быстро оглянулся и посмотрел на него. Он не мог понять, как очутились здесь эти два человека, когда он, Нгоньяма, выслеживал только одного. Снова перебравшись через ручей, он подошел к дереву, служившему пристанищем Махамбе.

— Да, да, великий лев, это я, Махамба! Много раз ты меня видел и много раз загонял на дерево, но сегодня мы с тобой встретились в последний раз. Пришел твой конец, великий лев!

Великий лев зевнул. Тяжело опустился он на землю между двумя деревьями, искоса посматривая то на Махамбу, то на Бауэну.

Охотники молча, с глубоким вниманием рассматривали льва. Он лежал неподвижно, опустив голову на вытянутые лапы и прищулив глаза, но оба охотника знали, что он следит за каждым их движением.

Махамба отломил сухую ветку и, прицелившись, бросил ее в льва, а Бауэна последовал его примеру.

Нгоньяма зарычал и зубами вцепился в ветку. Потом в бешенстве вскочил, подбежал к дереву, на котором

сидел Махамба, поднялся на задние лапы и вонзил когти в кору. Бауэна соскользнул на землю, поднял камень и швырнул в льва. Через секунду Нгоньяма был на другом берегу ручья, а Махамба в точности повторил маневр индуны. Словно одержимый, лев метался между двух деревьев и наконец атаковал дерево, на котором приютился Бауэна. Тот свесился вниз и нанес ему тяжелый удар дубинкой по голове. Нгоньяма присел на землю и замотал головой. Улучив удобный момент, Махамба подкрался к нему, метнул в него ассегай, а через секунду уже сидел на дереве.

Лев заревел и перепрыгнул через ручей. Ассегай торчал у него в боку. Нгоньяма повернул голову и стал грызть древко, а Бауэна, прыгнув на землю, метнул свой ассегай, который вонзился в шею хищника.

Тогда Махамба швырнул в льва одеялом; тот, обезумев от ярости, стал его терзать когтями и клыками.

— Вперед! — крикнул Махамба.

Оба спустились на землю; каждый держал в левой руке щит и ассегай, а в правой — дубинку. Тяжелые дубинки рассекли воздух и опустились на голову льва.

Нгоньяма встал на задние лапы. Замахнувшись ассегаем, Бауэна вытянул руку со щитом и рванулся вперед.

Лев ударом лапы выбил у него щит, прыгнул и, сцепившись зубами в бедро индуны, повалил противника на землю.

На помощь подоспел Махамба. Свой ассегай он вонзил между лопатками льва.

— Явума! — крикнул он.

С молниеносной быстротой лев повернулся и нанес удар лапой. Махамба принял удар на щит, но не устоял на ногах и вниз головой полетел в ручей. Он извивался, словно угорь, а лев прыгнул на него, но пролетел мимо и тоже очутился в воде.

Между тем Бауэна с трудом поднялся на ноги. Из раны на бедре струилась кровь. Преодолевая боль, он схватил дубинку и стал осыпать ударами льва, который не сразу мог выбраться на скользкий берег. Нгоньяма вонзил в дубинку клыки, вырвал ее из рук человека и стал грызть. Воспользовавшись минутной передышкой, воин и следопыт бросились к дереву и уселись бок о бок на толстом суку.

Лев поднял голову и посмотрел на них.

— Что, хромой? Кончен твой путь? — осведомился Махамба.

Подергивая хвостом, Нгоньяма растянулся на земле. Кровь сочилась из его ран.

У Бауэны было окровавлено бедро. Махамба снял с ветки свой мешок, достал мазь из сала и глины и этим снадобьем помазал раны, чтобы остановить кровотечение.

— Он опять загнал нас на дерево, — сказал Бауэна, стирая пот со лба. — Спустимся и добьем его.

— Нет, — отозвался Махамба, — подождем. Раны у него глубокие. Он истечет кровью.

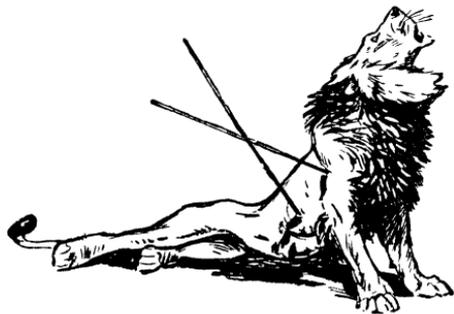
Нгоньяма встал и захрипел. Потом низко опустил голову. Из пасти хлынула кровь.

— Кончено! — спокойно сказал Махамба.

Бауэна спрыгнул на землю, поставил босую ногу на льва и хриплым голосом запел песню. Махамба последовал за индуной, подошел к Нгоньяме и отрезал усы. Широко раскрылись глаза умирающего льва; он вытянул лапу, подтащил к себе Махамбу и, вонзив клыки ему в ногу, судорожно сжал челюсти. Рукояткой дубинки Бауэна раскрыл ему пасть, а Махамба, опустившись на землю, обеими руками обхватил сломанную ногу.

— Ха! — сказал он. — Глупо было спешить. Льву нужно время, чтобы умереть.

Индуна содрал с мертвого льва шкуру вместе с когтями и головой. Потом промыл свои раны и залепил их грязью и травой. Махамбу и львиную шкуру он взвалил на плечи и, шатаясь, побрел к краалю вождя. Голова льва лежала у него на груди.

Оглавление

	Стр.
Глава I. Логовище в тростниковых зарослях. Детство . . .	5
Глава II. Воспитание. Люди охотятся. Трагедия	13
Глава III. Нгоньяма подрастает. Зеленые просеки. Западня. Буйвол	21
Глава IV. Махамба-следопыт. Дух предка и коза	29
Глава V. Чернокожие следопыты. Носорог. Люди у костра	38
Глава VI. Засуха. Появление грифов. Собачья стая	45
Глава VII. Безмолвный лес. Слоны. Странствующий крокодил	52
Глава VIII. Нгоньяма отбивает львицу. Набег на крааль. Возвращение следопыта Махамбы	59
Глава IX. Махамба и львы. На сцену выступает мбонго	67
Глава X. Стада переселяются. Новая подруга	77
Глава XI. Битва в тростниковых зарослях	85
Глава XII. Пария и человек	93
Глава XIII. Нгоньяма, козы и жертвоприношение	110
Глава XIV. Суд Нгоньямы. Охота на людей	119
Глава XV. Махамба увещевает Нгоньяму	127
Глава XVI. Заключительная сцена	137

Эрнест Гленвилл

НГОНЬЯМА ЖЕЛТОГРИВЫЙ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректор *П. И. Чивикина*

Т-04729. Подписано в печать с матриц 28/IV-59 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физических листов 4,5, печатных листов 7,38. Издательских листов 7,27. Тираж 225 000 (125 001—225 000) экз. Цена 2 р. 20 к. Заказ № 403.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

2 р. 20 к.